

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

№1 (4)
2022

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

1 (04) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.

Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Даширмаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торотов*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шаммаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvf.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2022

ALTAISTICS

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

1 (04) 2022

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences
Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvf.u> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Прокотьева А. К., Платонов П. С.</i> Лексико-семантические параллели якутского и алтайского языков (на материале названий орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов)	5
<i>Сорова И. Н., Лукина Ю. С.</i> Особенности употребления числительных в тюркских эпосах (на примере якутского <i>олонхо</i> , башкирского <i>кубаир</i> , алтайского <i>кай черчек</i>)	15
<i>Тумусов П. С.</i> Анатомическая терминология в якутском языке: структура, семантика, перевод (на материале терминов, обозначающих названия костей)	30

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

<i>Ефимова Л. С., Зверева Е. В.</i> Предметный мир произведений С.А.Зверева-Кыыл Уола на примере произведения «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – дьабака)»	40
---	----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Игнатьева Н. Э.</i> Особенности перевода драматических произведений на якутский язык (на примере спектакля «Илиир Хоруол» Саха театра)	50
<i>Ефремова Н. А., Иванова В. Н.</i> Типы аудиовизуального перевода и хронология якутских художественных фильмов	64

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Кузьмина Р. П., Саввинова С. Н.</i> Памяти ученого Василия Афанасьевича Роббека (к 85-летию со дня рождения)	72
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Филиппов Г. Г.</i> Рецензия на монографию «Русско-якутский перевод: вопросы теории и практики [электронный ресурс]» / Авт.: Л.Е. Манчурина, Е.С. Герасимова, С.В. Иванова и др. – Якутск, 2021. – 145 с.	78
--	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

- Prokopiya A. K., Platonov P. S.* Lexico-semantic parallels of the Yakut and Altai languages (based on the names of manual labor tools and cutting and sharpening tools) 5
- Sorova I. N., Lukina Ju. S.* Features of the use of numerals in Turkic epics: the case of Yakut *olonkho*, Bashkir *kubair*, and Altai *kai cherchek* 15
- Tumusov P. S.* Anatomical terminology in the Yakut language: structure, semantics, translation (based on the terms denoting the names of bones) 30

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

- Efimova L. S., Zvereva E. V.* The objective world in the works of Sergei Zverev-Kyyl Uola: the case of his «Djabaka Song» 40

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

- Ignatieva N. E.* Features of the translation of dramatic works into the Yakut language: the case of the play «Iliir Khoruol» (King Lear) of the Sakha Theater 50
- Efremova N. A., Ivanova V. N.* Types of audiovisual translation and chronology of Yakut feature films 64

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

- Kuzmina R. P., Savvinova S. N.* In memory of the scholar Vasily Afanasyevich Robbek (to the 85th anniversary) 72

REVIEWS

- Filippov G. G.* Review of the monograph «Russian-Yakut translation: issues of theory and practice [electronic resource]» / Author: L.E. Manchurina, E.S. Gerasimova, S.V. Ivanova et al. Yakutsk, 2021. 145 p. 78

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.151'373.424-115:811/512.157'373.424-115

А. К. Прокопьева, П. С. Платонов

Лексико-семантические параллели якутского и алтайского языков (на материале названий орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов)

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию степени близости якутского и алтайского языков на примере наименований орудий ручного труда. Цель статьи – выявить лексические параллели названий орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов в родственных якутском и алтайском языках. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: выявить и систематизировать наименования орудий ручного труда в якутском и алтайском языках; выявить параллели лексики орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов в исследуемых языках; описать их с точки зрения этимологии и семантики, выявить их функционально-семантические особенности. Использованы следующие методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и этимологический. Необходимость исследования данной лексико-семантической группы обусловлена тем, что в последнее время ускоряется процесс исчезновения из быта многих компонентов традиционной и духовной культур. Исследование лексики орудий труда алтайского и якутского языков позволит не только выявить характер функционирования данного ряда лексики и лексико-семантические особенности, но и познакомиться с материальной культурой народов, с их настоящим и историческим прошлым, установить языковые и культурные контакты с другими родственными и неродственными народами. Лексические единицы этой тематической группы четко реагируют на малейшие отклонения в любой из сфер самобытной жизни народа. Изменение условий среды обитания, духовной жизни, обихода и другие факторы влияют на словарный состав данных языков. Изучение их представляет научную значимость и с позиции истории языка. Выявлены лексические параллели, являющиеся результатом древнего родства языков и исторического взаимодействия народов. Приводятся пословицы и поговорки якутского и алтайского языков, в составе которых наличествуют лексемы данной лексико-семантической группы бытовой лексики, а также исследуются диалектные слова, в которых зачастую скрывается ценная информация. Замечено, что сохранилась исконная лексика орудий труда в якутском и алтайском языках.

Ключевые слова: якутский язык, алтайский язык, лексика, орудия ручного труда, тюркские языки, монгольские языки, лексико-семантическая группа, бытовая лексика, точильные и режущие инструменты.

ПРОКОПЬЕВА Алена Кирилловна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

E-mail: alonachoo@mail.ru

ПРОКОПЬЕВА Алыона Кирилловна – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПЛАТОНОВ Петр Семенович – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

E-mail: platonov.petro@yandex.ru

PLATONOV Pyotr Semyonovich – Master's student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. K. Prokopieva, P. S. Platonov

Lexico-semantic parallels of the Yakut and Altaic languages (based on the names of manual labor tools and cutting and sharpening tools)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the degree of proximity of the Yakut and Altaic languages on the example of the names of tools of manual labor. The purpose of the article is to identify lexical parallels of the names of manual labor tools and cutting and sharpening tools in the related Yakut and Altaic languages. To achieve this goal, the following tasks were set: to identify and systematize the names of manual labor tools in the Yakut and Altaic languages; to identify parallels in the vocabulary of manual labor tools and cutting and sharpening tools in the languages studied; to describe them from the point of view of etymology and semantics, to identify their functional and semantic features. The following research methods were used: descriptive, comparative-historical, comparative and etymological. The need to study this lexico-semantic group is due to the fact that the process of disappearance of many components of traditional and spiritual cultures from the daily life has been accelerating recently. The study of the daily-life-vocabulary of the Altaic and Yakut languages will allow not only revealing the nature of the functioning of this category of vocabulary and lexico-semantic features, but also to get acquainted with the material culture of the peoples, with their present and historical past; establish linguistic and cultural contacts with other related and unrelated peoples. The lexical units of this thematic group clearly respond to the slightest deviations in any of the spheres of the original life of the people. Changes in the living conditions, spiritual life, daily life and other factors affect the vocabulary of these languages. The study of them is of scholarly importance from the point of view of the history of the language. Lexical parallels are revealed, which are the result of the ancient kinship of languages and the historical interaction of peoples. The proverbs and sayings of the Yakut and Altaic languages are given, which contain lexemes of this lexico-semantic group of household vocabulary, dialect words, which often hide valuable information, are also studied. It is noted that the original vocabulary of tools in the Yakut and Altaic languages has been preserved.

Keywords: Yakut language, Altaic language, vocabulary, tools of manual labor, Turkic languages, Mongolian languages, lexico-semantic group, household vocabulary, sharpening and cutting tools.

Введение

Из современных тюркских языков якутскому языку наиболее близки алтайский и киргизский языки. Якутский язык вместе с долганским языком относится к якутской группе языков [18, с. 5], алтайский с ногайским, татарским, казахским, кумыкским и другими – к кыпчакской [18, с. 4]. Близость алтайского языка особенно заметна в устойчивости структурных типов и структурно-семантической канвы лексических параллелей. В исследовании Левина Г.Г. указывается, что “несмотря на то, что самый высокий процент якутских репрезентаций во многих тематических группах выявлен в киргизском языке, он существенно уступает алтайскому по другим критериям, таким как устойчивость структурных типов лексических значений и структурно-семантической канвы параллелей” [10, с. 39].

Цель данной статьи – установить лексические параллели названий орудий труда якутского языка с родственным алтайским языком, описать их с точки зрения этимологии и семантики, выявить их функционально-семантические особенности.

Бытовая лексика алтайского языка изучена Ерленбаевой Н. В. В данной работе говорится, что орудия труда есть «важнейший пласт материальной культуры народа», «орудия труда разнообразны по типам и функциональному назначению и активно используется в быту в настоящее время. Для каждого из видов труда функционирует свой термин» [8, с. 66].

Данная группа бытовой лексики классифицируется по трем основным группам: 1. Названия орудий ручного труда; 2. Названия режущих и точильных инструментов; 3. Назва-

ния предметов для изготовления кожи – третья группа из которых требует отдельного специального исследования, первые попытки которого можно посмотреть в работе Платонова П.С. [15].

Основная часть

1. Названия орудий ручного труда

Сүгэ / малта (диал. сүке) ‘топор’.

Сүгэ – острое железное орудие с деревянной рукояткой для вырубki дров или для тесания бревна. “Маһы кэрдэргэ, суорарга эбэтэр тугу эмэ хайытарга, быһыта охсорго аналлах, сытыгы биилээх, ончохтоох, мас уктаах тимир туттар тэрил. Топор” [3, с. 232]. В словаре Э. К. Пекарского: *сүгэ, сүкэ* (ср. кар. сойот. *sügä*, бур. *сүхэ, һүхэ*; монг. *сүке*; тунг. *sukä*; маньчжур. *сүхэ*) – топор [13, стлб. 2378].

Сүгэ – основа монгольского происхождения: «*сүх* – топор, секира; *алман сүх* ‘секира; бердыш’; *түлээний сүх* ‘колун’; *хангинуур сүх* ‘тесак’; *чулуун сүх* ‘каменный топор’; *сүх бүсэндээ хавчуулах* ‘заткнуть топор за пояс’; *сүх модонд хадаах* ‘всадить топор в бревно’; *сүх эмтийлгэх* ‘зазубрить топор’; *сүхний ши* ‘топорище’; *сүхний өнцөг* ‘обух топора’; *сүхээр цавчих* ‘рубить топором’; *буруу ишилсэн сүх а* ‘топор с неправильно насаженным топорищем’; б) шилж. ‘капризный’; *сүх атгах* хуучир. ‘держатъ топор’ (один из видов присяги); *сүх далайтал үхэр амар* цэцэн. ‘пока замахиваются топором, бык спокоен’; ~ пока гром не грянет, мужик не перекрестится [6, с. 549]. *сүх сайн ирлэгдэв / сүх сайн ир оржээ* ‘топор хорошо отточился’ [6, с. 155], *сүх ишлэх* ‘насадить топор на топорище’ [6, с. 166];

Орудие труда *топор* в алтайском языке – *малта* (*жаан малта* ‘большой топор’; *кичинек малта* ‘маленький топор’, малтаны билеер ‘точить топор’ [1, с. 115]; *Аткырдын малтазы амыры жок чатылдаган* (С. Манитов) ‘Топор Аткара без умолку стучал’ [1, с. 459]. Слово *малта* восходит к древнетюркскому *baldu, baltu* «топор, секира»: *Qarï öküiz balduda qorqmas* ‘Старый вол топора не боится’ [7, с. 80-81]. Параллели находим в других родственных тюркских языках: чув. *порта, пурта*, хак. *палты*, тув. *балты*, тат., кирг. к.-балк., ккалп., кум., каз., ног. *балта* и др.

В работе Ерленбаевой Н.В. отмечается, что «жители Улаганского района говорят *сүке* “маленький топор”», «в бур. *хүжэ*, п.-монг. *сүкэ*, тунг.-маньчж. *сүкэ-хүжэ*» [8, с. 68]. Отсюда видно, что якутская лексема *сүгэ* ‘топор’ имеет параллель *сүке* ‘маленький топор’ в улаганском диалекте алтайского языка.

Если *малта* в алтайском языке, как и в других тюркских языках, означает ‘топор’, то *балта* в якутском языке «уус уһанар улахан өтүйэтэ. Большой кузнечный молот. *Петр илиитигэр балталаах. Кини балтатын өрө далайаат, тапталлыахтаах сиринэн охсон бытарытар. Кыстык тула кыымнар ыһылла түһэллэр.* АС НИСК» [19, с. 167].

В словаре говорится, что «этимология тюркского *балта* ~ *палта* ~ *балту* ~ *палту* не установлена», «*Палта, балта* имеет монгольские параллели: письм.-монг. *balta* ‘большой молоток; кувалда, балда, кузнечный молот; топор’, бур. *балта* ‘молот, кувалда’, халх. *балт* ‘топор’, калм. *балть* ‘боевой топор, секира’» [20, с. 101]. И все же авторы этимологического словаря считают, что монгольское *балта* восходит к тюркскому источнику, опираясь на такие факты, как “наличие в монгольских языках и письменных памятниках синонима *сүке* ‘топор’; ареальные семантические различия у монгольского *балтй* (ср. бурятские и калмыцкие лексемы), а также существование письменно-монгольского *балта сүке* ‘боевой топор’, где *balta* выступает как качественный определитель” [20, с. 102]. Далее предполагается, что «из монгольского (бурятского) или якутского (что вероятней) заимствовано эвенкийское *балта* ‘молот, черкан (ловушка); клык’» [20, с. 102].

В якутском языке *балта* используется в паре со словом *сүгэ* во фразеологической единице (ФЕ) *сүгэ-балта тыл* (букв. слово как топор и молот). Данная ФЕ определяется как

«олохтоох, дыппиэ, дьоһун тыл. Основательное, серьезное, убедительное слово. *Биһиги көлүөнэбит тыла ала бэлиэ, лоп курдук сүгэ-балта тыллаах үгэстээхпит*. Амма Аччыгыйа. *Добор, бытааһахтарга баһы бэриммэт бабайы. Эр киһи сүгэ-балта тылын дьахтар истиэхтээх*. Далан» [3, с. 232]; «веское, внушительное слово. *Сүгэ-балта тыллаах киһи эбит*» [11, с. 145]. В словаре Пекарского – «Сүгэ балта көрдүк айтта́ ‘сказал он, словно топор-молот’ (об умном, степенно говорящем человеке)» [13, стлб. 2378]. На наш взгляд, парные слова *сүгэ-балта* в данной ФЕ образовались в результате повторяющихся одно и то же значение слов (‘топор-топор’), т.е. это могут быть двуязычные парные слова-повторы, которые возникают для облегчения взаимного понимания двух народов.

Лексема *сүгэ* нашло отражение в якутских пословицах и поговорках [17]: *Сүгэ түһүөр дылы дүлүн сынньанар* ‘Пока не опустится топор, бревно отдыхает; *Балыксыт кыһа ылбайга сүгэлэммитигэр дылы* ‘Подобно дочери рыболова, взявшей топор, чтобы рубить крошечную рыбку’; *Күөнэххэ сүгэлэммиккэ дылы* ‘Подобно (человеку), взявшему топор, чтобы рубить малявку’. *Сүгэ суолун кыптыый суола диэбиккэ дылы* ‘Подобно тому, как принять следы топора за следы ножниц’.

В якутском языке существует много разновидностей топоров: *тэрээк сүгэ* – «кэтит биилээх, мас кэрдэргэ, суорарга аналлаах сүгэ». Плотницкий топор с широким лезвием. *Биир дьоһуннаах «литовка» хотууру, биир тэрээк сүгэни атыыласта – онтукаыттыан улаханник үөрдэ*. Болот Боотур; *чохороон сүгэ* – «тугу эмэ кырбастырыга, кыра маһы суорарга, кэрдэргэ аналлаах чэпчэки кыра сүгэ». Легкий маленький топорик, предназначенный для мелких хозяйственных работ. *Баһылай, чуорааннардаах илимин уонна чохороон сүгэтин ылан, лаанкы диэки барда*. Л. Попов [9, с. 233]; *чохороон* «Дьобус кыра сүгэ». Маленький топорик. *Офонньор, эмдэй-сэмдэй кыра мастары чохороонунан быһыта охсуталаан аҕалан, булт киирбит хороонун тула батары анньыталаан барда*. Л. Попов. ср. др.-тюрк. *тоху* ‘ударять, бить, стучать’, эвенк *чокор-ми* ‘резать, ампутировать’ [2, с. 199]. В Словаре Пекарского помимо лексем *чокордн, чохороон* ‘небольшой топор, топорик’ даются еще две лексем: *чокос* «топорок (меньше топорика), употребляемый при маленький поделка» [14, стлб. 3634] и *чокдтчу – чокдччу* [ср. *чокуи, чокожу, собдччу*, тюрк. *чөкүч* молоток русск. екуша] «небольшой деревянный молоток, деревянный молот, инструмент из деревянного ствола с сучком для разбивания комков и размягчения горшечной глины» [14, стлб. 3633]; *чүүчү сүгэ* – «синнигэс уһун биилээх сүгэ». Топор с длинным узким лезвием. *Чүүчү сүгэ остуолба бүтэй бағанатын үүттүүргэ аналлаах* [3, с. 233-234], а *чүүчү* – маһы дьөлө охсон үүттүүр тэрил, долоту. Инструмент для обработки древесины долблением, долото. *Былыргы мас уустара бэрэбинэни чүүчүнэн үүттээн түөрт кырылаах сыбынан тартаралара*. АЭ ӨӨКХ [2, с. 254-255] Ср. монг. *чүче* ‘долбило, долото’, тува *шүүче*, бур. *һүүчэ* ‘долото’.

Также в Словаре Пекарского указывается еще одна разновидность топора – *дуктуй*: *дуктуй* ‘старинный топор’, *дуктуруи* [от *дук*] = *дукбуруи* ‘замахиваться на кого чем, пригравивать, угрожать чем-либо, хотя бы движением руки’; *обус да дуктуруи сін бір* (семь бед – один ответ) (букв. ударь или замахнись – все равно) [12, стлб. 746]. В современном якутском языке используется похожие глаголы *дугдуруй* «илиигинэн эбэтэр тугунан эмэ кими-тугу эмэ охсоору гын» ‘замахиваться (напр., рукой, каким-либо предметом)’ *Мин сутурукпун болточчу туттаах, кини эбирдээх муннун дугдуруйдум* (И. Гоголев) [4, с. 180] и *дуксуй* (разг.) «*тохтоло суох обус, охсо тур*» ‘бить, ударять, стучать (*продолжительное время, без остановки*)’ *Офонньор сытыы чохороонунан эһэ баппаҕайа быгарын кытары дуксуйар*. Далан [4, с. 183]. В якутском языке имеется пословица с данным глаголом: *Дугдуруй да, обус!* ‘Раз замахнулся, ударь!’ [17, с. 20].

У якутских шаманов свой топор, сделанный из рога. Во время ритуалов используют *муос сүгэ* – «ойуун кыыраыгар туттар кыра муос сүгэтэ» ‘маленький роговый топо-

рик (обычно атрибут шамана)'. [Элэй] *дьэтин харангата бэрт диэн муос сүгэнэн дьэ холлобоһун дьөлүтэ сынньан түннүктээбит*. Н. Неустроев. *Элэйн-элэйн киил буолбут муос сүгэни ойуун кыаһаныгар солбуя баайан кэбистилэр*. П. Ойуунускай [3, с. 232].

Атырдыах / айрууш 'вилы' – сельскохозяйственное орудие для метания и укладки сена в копны, вилы (изготавливаются из сухой ливы дерева, накладывается и завязывается в виде параллельного рога примерно 30 см).

В якутском языке имеется много разновидностей вил: *тимир атырдыах* 'железные вилы'; *түгэхтиир, ортолуур атырдыах* 'вилы для метания середины стога'. В словаре Э.К. Пекарского *атырдыах* (ср. тюрк. *адыр, азыр, аҕыр, айр*). 1. рогатка, двойчатка, вилы; *атырдыах мас* 'вилы'; 2. сенные вилы; *от түгэхтир атырдыах* 'вилы, которыми кладут основания стога', от *ортолур атырдыах* 'вилы, которыми мечут середину стога', *кыдама атырдыах* 'большие вилы' [12, стлб. 203].

В алтайском языке **айрууш** 'вилы' образован от *айры* = 'разветвление' + афф. *ууш* [8, с. 68]. В других тюркских языках корень этого слова тоже *айыр*: каз. *айыр* «вилы», кирг. *айры* «раздвоенный, развилина, вилы», ккалп. *айыр-айры* «вилы, развилины».

В якутском языке фразеологизм со словом вилы: *Атырдыах маһы аҕардаһан араһсы-аһпыт* 'Мы расстанемся с тобой, разорвав на две части вилообразную ветку' [17, с. 126].

Күрдьэх / күрек 'лопата' – орудие для сгребания, разгребания чего-либо. Курышжанов А.К. отмечает фонетические варианты слова *лопата* в тюркских языках: «др.-тюрк. *kürgak* 'лопата, весло', башк. *көрәк*, каз. *күрек*, кум. *кюрек*, кар. *күрек* 'лопата', ног. *куьерек* 'лопата, совок', тур. *күрек*, старокыпч. *күрек* 'лопата'; в тунг.-маньчж. *күрзак* 'лопата'» [9]. Отсюда видно, что якутское *күрдьэх* близко к древнетюркскому *kürgak*.

У якутов имеется много видов орудий для сгребания, разгребания земли, льда, снега, навоза, также есть лопата, используемая при делёже рыб. Например, *мас күрдьэх* 'деревянная лопата'; *тимир күрдьэх* 'железная лопата'; *туора күрдьэх* 'широкая лопата для сгребания снега' и др. В словаре Э. К. Пекарского указывается много разновидностей лопаты: «*күрдjäh=күрцjäh* [от *күрт* 'сгребать' + афф. *äx*]; *туора күрцjäh* 'широкая лопата для сгребания снега'; *лаппjакы күрцjäh* 'деревянная лопатка, которая служит якуту во время зимних промыслов, «подпорю при хождении на лыжах и для отгребания снега, когда он останавливается»; она же, «имея вогнутость, во время охоты исполняет роль чашки: в нее вливают чай и пищу во время ночлегов»; *усаты күрцjäh* 'узкая деревянная лопата (для земляных работ)'; *холjук күрцjäh* 'деревянная лопата, поставленная под углом к рукоятки'; *хонпо күрцjäh* 'громадная (большая) лопата; черпак; большая продолговато круглая лопатка для выгребания из прорубей мелкого льда, когда он бывает очень толст (особенно когда делают новую прорубь); решетчатая лопата; лопата, употребляемая при делёжке добытой неводом рыбы (мера большая, чем *ытыс*, но меньше, чем *кыл хамыях*)' [13, стлб. 1330-1331]; *лабыях* [от *лабы* + *ях*] 'большая лопата' = *лабыях күрцjäh*] [13, стлб. 1458].

Күрек в алтайском языке образован от глагола «сгребать» (от *күре* + афф. =*ек*). Ерленбаева Н. В. в алтайском языке указывает два вида лопат: «В алтайском языке и в других тюркских языках словом *күрек* называется как деревянная, так и железная лопата. Для дифференциации вида лопаты используются уточняющие слова: *агаш күрек* 'деревянная лопата', *темир күрек* 'железная лопата'» [8, с. 69].

Как видно, в якутском языке разновидностей лопаты много.

Сиппиир (як.) / чирбууш ~ сибирги // јамдуур~јалмуур (алт.). *Сиппийэргэ анаан ыарба талабын баайан оҕоһулар миинньик* «связка веток, прутьев тальника для подметания, веник» [5, с. 418]. В Словаре Пекарского указывается четыре лексемы: *сиппир* [от *сиппи* + *ир*; ср. тюрк. *сiбирҕи, сiпiрткi* метла, веник, монг. *сiгүр*] метла, помело, веник, голик (веник с обитыми листьями); *илбир* [от *илби*; ср. бур. *илбур* метла] [12, стлб. 916],

харбыр, би́нжик (ми́нжик) [13, стлб. 2235], последний из которых является заимствованием из русского языка.

В алтайском языке *сибирги* – веник, метёлка; ср. *жалмуур, жалмууш; кандый ла бүдүм сибирилер бар эмтир* ‘оказывается, есть разные виды метёлок’ [1, с. 586]. *Жалмуур, жалмууш* от глагола *жалма-* ‘мести, подмести что’; *тураны жалмаар* ‘мести дом’; *Ол бойынын жолун килейте жалмап салар* (Э. Тоюшев) ‘Он свою дорогу дочиста подметёт’ [1, с. 180].

Ср.: др.-тюрк. *sürpürgü* ‘метла’, аз. *сунуркэ*, башк. *һепертке*, тат. *себерке*, тув. *шрбишл-шрбишиш*, тур. *sünürge*, хак. *сыбыргы*, кбалк. *сибирги*, монг. *шуур, хамуур* ‘веник, метла’.

2. Названия режущих и точильных инструментов

Бы́х (як.) / бы́чак (алт.) ‘нож’.

В древнетюркских письменных памятниках: *biçaq, bičäk* «то, что режет». Например: *Bičaq tartma anda kötürmä söñük* ‘Не извлекай нож и не обгладывай кости’; *Bu bičaq eligläjü* ‘Схватив этот нож’ [7, с. 104]; *Vedük bir bičäkig eligdä tutar* ‘В руке он держит большой нож’; *Ol bičäk bilätti* ‘Он дал наточить нож’ [7, с. 98]. В других тюркских языках – аз. *bičak*, башк. *бысак*, тат. *пычак*, тув. *бижек*, каз. *пышақ*, хак. *пычак* и др.

Отсюда видно, что в якутском языке согласный *ч* в интервокальной позиции не сохранился, в алтайском языке – сохранился. Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева указывают промежуточные ступени данного превращения: «Ч>h. В якутском языке интервокальный *ч* превратился в *h* через промежуточные ступени *ш* и *с* (*ч > ш > с > h*), ср. якут. *аһы* «кислый», ср. др.-тюрк. *ачыг, быһах* «нож», ср. алт. *бычак, иһин* «за», ср.тур. *үчун* «за» [16, с. 67].

В «Словаре якутского языка» Пекарского данное орудие труда *бысах* [от *быс*; ср. тюрк. *бычак*] ‘нож’ отмечается как «вообще режущее орудие: бритва, кинжал, меч» [12, стлб. 633]. Описываются разные виды ножей: “*бадаайы бысах* – больших размеров нож, длиною до двух больших пядей (харыс), употребляемый обыкновенно людьми, придерживающимися старины; *оју бысах* – ножичек около 1 вершка длиною для резьбы по дереву; *ийт бысах* – ножичек из мягкого железа, дулезвийный, согнутый почти в кольцо и служащий для выдалбливания деревянной посуды (ступы, чаши, бокала, ложки); *сары сүлйр бысах* горбатый, тупоконцевой (усуга суох) нож, служащий для отделения верхнего эпидерма конской шкуры вместе с волосом; *мас бысах* деревянный нож, употребляемый для соскабливания детских испражнений” [12, стлб. 634]. Также в Словаре Пекарского находим лексемы: *батас* – «большой нож, носимый на бедре; прежде боевое оружие, теперь употребляется для защиты от дикого зверя. *Салбах батас* – коса (в старину сено косили батасами)» [12, стлб. 403-404] и *кылыс* – [ср. др.-тюрк. *кылыч*] старинный нож, сабля; *тими́р кылыс* ‘сабля’ [13, стлб. 1390].

Кроме того, данном издании указываются эвфемизмы, употребляемые в значении нож – «кырблāх» [adj. от *кырбы* + *лāх*] [13, стлб. 1424] и «сыркы» [14, стлб. 2485], а также «турус – у вилюйских якутов охотничий нож» [14, стлб. 2852].

В Большом толковом словаре якутского языка говорится, что *бадаайы быһах* используется для охоты: «*олус улахан быһах (булка туттуллар)* ‘очень большой нож (для охоты)’. *Баалтааны ууһа балталаабыт, барык-сарык илбискэ этиллибит Обот-соллон олуй-молуй, Хааннаах дьаргыс бадаайы быһабым*. П. Ойуунускай» [19, с. 766]. *Үөстээх быһах* – хаптабай өттүгэр уһун синнигэс куоһахтаах саха быһаҕа. Якутский нож с продолжным желобом на плоской стороне. *Бырдьай саха ууһа охсубут үөстээх сытмы баҕайы быһабынан кыһа-кыһа, олуктуу-олуктуу, бүк-тах тутта-тута чааркааны онортуур*. Күндэ. *Муос уктаах, үс үөстээх сүрдээх үчүгэй быһах кыынна угуллан, тураах Уйбаан оронун үрдүгэр ыйана турар*. МНН [19, с. 766-767].

Понятие *быһах* ‘нож’ нашло отражение во многих фразеологизмах якутского языка: *Быһах угун кыстыбат, суор харабын онсубат* ‘Нож не стругает своего черенка, ворон не выклюет глаз другому ворону’ [17, с. 52]. *Биир тутум быһабынан эһэбэ кириэм этэ, бэригэ суох күтүр тойонго кириэм кэриэтэ* ‘Пошел бы я лучше на медведя с ножом в один кулак длины, чем идти к свирепому начальнику без взятки’ [17, с. 53]. *Сыппах быһабынан сулуйар* ‘Режет тупым ножом’ (т.е. все время ругает) [17, с. 104]. *Суон тиити быһабынан кэрпиккэ дылы* ‘Подобно тому, как рубить толстое дерево ножом’ [17, с. 135].

В алтайском языке используется эвфемизм слова нож – *керткииш* [1, с. 319] от глагола *керт-* 1) крошить, измельчать что; *согоно кертер* ‘крошить лук’ [1, с. 318] (ср. як. *кэрт* – рубить, *быһыта кэрт* – разрубить на куски, на части). А также находим *кескииш* 1) спец. деревянный нож (в гончарном производстве) [1, с. 319], образованный от глагола *кес*: «КЕС 1) резать, нарезать; калаш кезер резать хлеб; 2) резать, разрезать; *Алтын-Сырганын эдегин кезип, Ак-каан адазына сүр* (АБ) ‘Разрезав подол у Алтын-Сырги, к [её] отцу, Ак-каану, прогони’; 3) отрезать, отрубать; *Каан-Пүдей кер балыктын бажын кезип салды* (АБ) ‘Хан-Пюдей отрезал голову у кита’; 4) резать; рубить; *Темирди болзо, кыска кес, агаиты болзо, узун кес* (АБ). Будь то железо – режь покороче, будь то дерево – руби подлиннее; 5) резать, пилить; одын кезер пилить дрова; 6) оперировать; аппендицитти кезер оперировать аппендицит; 7) ампутировать, отнимать; будын кезер ампутировать ногу; 8) отрезать, преграждать; *Бийик тууга мен чыгадым, бийдин жолун кезедим, кара тууга мен чыгадым, кааннын жолун кезедим* (АБ) ‘Заберусь я на высокую гору, отрежу путь бию, заберусь я на чёрную гору, прегражу путь хану’; 9) рассекать, делить надвое, на части; *кара жол жажыл жаланды кезип jat* ‘чёрная дорога делит зелёное поле надвое’; 10) косить; жать; *аиш кезер* ‘жать хлеб’; 11) вырезать; агаштан ойынчыктар кезер вырезать из дерева игрушки; ♦ *жол кезер* срезать путь, сокращать путь; ис кезер выслеживать; *Лобош баиты кылыш кеспес* (Посл.). Покорную голову сабля не рубит» [1, с. 319]. Небольшой нож называется *кестик* [1, с. 320].

В алтайском языке находим лексему *оргуиш* «оргуш (кривой нож для срезания травы и т.п.); *оргуиша өлөн* ‘кезер резать траву с помощью оргуша» [1, с. 508]. В якутском языке *оргуһуох* – коромысло, дугообразное деревянное приспособление для ручного ношения двух вёдер.

Игии / эгү ‘напильник, подпилоч’.

Игии – сытыгылыырга, ааларга аналлаах, ыстаалтан оноһуллубут, тонуулаах туттар сеп. Напильник. *Игии быһаҕаһынан Эрбии тиһин аалан Ирэ-хоро олорор*. С. Васильев. *Игии, хатат тыаһа харылаан, күөх хотуурдар күлүмнэстилэр*. Дьуон Дьянгылы. *Мас игиитэ – туттар сэби уктуурга, остуол атабын энин онгорорго мас модороонун көннөрөргө, араас быһыылаах гынарга туттуллар бөлтөбөр тиистэрдээх уһун синньигэс тимир*. Стальной напильник для обработки дерева, терпуг. *Мас игиитэ уларыста*. Ср. тюрк. *игев, игеу, иге* ‘точить напильником’ [4, с. 557]. В Словаре Пекарского приводятся следующие лексемы: *igi* (ср. тюрк. *igäy*) подпилоч, напилоч, терпуг, ср. аалыха [12, стлб. 903], *кырблāх иги* – особого рода напилоч [13, стлб. 1424], *āлыах* – терпуг; *мас āлыаҕа* – столярный инструмент, одна сторона которого заменяет рашпель, а другая дерун = *tānnī* [12, стлб. 85]. Заметим, что лексема *āлыах* образован от причастия будущего времени на –*ыах*.

В алтайском языке напильник, подпилоч – *эгү*: *тегерик эгү* ‘круглый напильник’ [1, с. 905]. *Кезиктери десе эгү ошкош адырмакту тилдериле јаш өлөндү орой тартып, отогылап јүрдилер* (И. Шодоев) ‘А некоторые из них паслись, вырывая молодую траву своими колючими как напильник языками’ [1, с. 27].

Как видно, в якутском языке игии выражен узким нелабиализованным гласным [и], в алтайском в первом слого – широкий [э], во втором – лабиализованный передний [ү].

Заключение

Исследования лексико-семантические параллели якутского и алтайского языков на материале названий орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов выявило шесть основ с устойчивым лексическим значением. Выяснено, что якутская лексема монгольского происхождения *сүгэ* ‘топор’, встречающаяся также в тунгусо-маньчжурских языках (кар. сойот. *sügä*, бур. *сүхэ*, *һүхэ*; монг. *сүке*; тунг. *sukä*; маньчжур. *сүхэ*) имеет параллель в диалекте алтайского языка (Улаганский район). Также надо заметить, что в якутском языке *атырдьах* ‘вилы’ имеют много разновидностей, что связано с сенокосом, одним из самых важных циклов сельскохозяйственных работ в якутском селе. Из-за природно-климатических особенностей якуты за короткое лето, с июля до сентября, занимаются заготовкой сена, необходимого для содержания скота в долгую зиму. *Күрдьэх* ‘лопата’ в якутском языке имеет много разновидностей (для сгребания снега, выгребания из прорубей мелкого льда, дележа рыбы и т.д.), также как и *быһах* ‘нож’, что связано с неотъемлемой частью жизни якутов – охотой. В алтайском языке есть лексема орудия труда *оргуш* (кривой нож для срезания травы), которого нет в якутском языке.

Исследования показали, что исконная лексика орудий труда в якутском и алтайском языках в основном сохранилась. Из исследованных лексико-семантических групп – названия орудий ручного труда и названия режущих и точильных инструментов – наибольшее количество параллелей замечено в группе орудий ручного труда.

Литература

1. Алтайско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. XIV: (Буквы Ч, Ы) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 592 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2012. – Т. 9: (С-h) / под ред. П. А. Слепцова. – 640 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 3 (Г, Д, Дь, И) / под ред. П. А. Слепцова. – 852 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөбөр) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.
6. Большой академический монгольско-русский словарь: В 4-х т. :ок. 70 000 слов. – М.: Академия наук. – 1356 с.
7. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
8. Ерленбаева Н.В. Бытовая лексика алтайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2005. – 166 с.
9. Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского-письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». – Алма-Ата, 1970. – 234 с.
10. Левин Г.Г. Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII-IX вв. : в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками : дисс. ... докт. филол. наук :10.02.02 / Левин Герасим Герасимович. –Якутск, 2013. – 468 с.
11. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филлиал «Гео», 2002. – Т. 2. – 420 с.
12. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. т. I. 2-е изд. – М., 1959. – 1280 стлб.
13. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. т. II. 2-е изд. – М., 1959. – стлб. 1281-2508.
14. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. т. III 2-е изд. – М., 1959. – стлб. 2509-3858.
15. Платонов П.С. Саха уонна алтаай тылланыгар тириини танастааһын лизэксикэтэ (И.Е. Алексеев «Холумтан сылааһа») этнографической үлэтин туһунан // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации. Материалы Межд. научно-практической конференции, посв. 80-летию доктора филологических наук, профессора СВФУ имени М.К. Аммосова, академика Европейской Академии естественных наук, заслуженного работника культуры ЯАССР и РФ, Почетного гражданина г. Якутска Алексеева Ивана Егоровича-Хомус Уйбаан. – Якутск, Изд-во СВФУ. – С. 172-177. (На якутском языке)

16. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: учебное пособие для вузов / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – Баку: Maarif, 1979. – 304 с.
17. Сборник якутских пословиц и поговорок. Сост. Н.В. Емельянов. – Якутск, Якуткнигоиздат, 1965. – 248 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные конструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
19. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с. (Буква Б).
20. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Вост. лит., 2003. – 446 с.

References

1. Altajsko-russkijslovar'. – Gorno-Altajsk, 2018. – 936 s.
2. Bol'shojtolkovyjslovar' jakutskogojazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: v 15 t. T. XIV: (Bukvy Ch, Y) / Pod red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2017. – 592 s.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – T. 9: (S-h) / pod red. P. A. Slepцова. – 640 s.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – T. 3 (G, D, D', I) / pod red. P. A. Slepцова. – 852 s.
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: v 15 t. T. VIII: (Bukva S – sөllөсөр) / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2011. – 572 s.
6. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar': V 4-h t. : ok. 70 000 slov. – M.: Akademijanauk. – 1356 s.
7. Drevnetjurkskij slovar'. – L.: Nauka, 1969. – 676 s.
8. Erlenbaeva N.V. Bytovaja leksika altajskogo jazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. – Gorno-Altajsk, 2005. – 166 s.
9. Kuryshzhanov A.K. Issledovanie po leksike starokypchakskogo-pis'mennogo pamjatnika XIII v. «Tjurksko-arabskogo slovarja». – Alma-Ata, 1970. – 234 s.
10. Levin G.G. Istoricheskaja svjaz' jakutskogo jazyka s drevnimi tjurkskimi jazykami VII-IX vv. : v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tjurkskimi i mongol'skimi jazykami : diss. ... dokt. filol. nauk : 10.02.02 / Levin Gerasim Gerasimovich. – Jakutsk, 2013. – 468 s.
11. Nelunov A.G. Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar'. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Filial «Geo», 2002. – T. 2. – 420 s.
12. Pekar'skij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. t. I. 2-e izd., M., 1959. – 1280 stlb.
13. Pekar'skij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. t. II. 2-e izd., M., 1959. – stlb. 1281-2508.
14. Pekar'skij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. t. III 2-e izd., M., 1959. – stlb. 2509-3858.
15. Platonov P.S. Saha uonna altaaj tyllarygar tiriini tarastaahyn lijeksikjetje (I.E. Alekseev «Holuntan sylaaha» jetnograficheskaj yljetin tuhanan) // Jazyki i kul'tura homusa narodov Evrazii: rechevyje i muzykal'nye kommunikacii. Materialy Mezhd. nauchno-praktičeskoj konferencii, posv. 80-letiju doktora filologičeskijh nauk, professora SVFU imeni M.K. Ammosova, akademika Evropejskoj Akademii estestvennyh nauk, zaslužennogo rabotnika kul'tury JaASSR i RF, Pochetnogo grazhdanina g. Jakutskaja Alekseeva Ivana Egoroviča-Homus Ujbaan. – Jakutsk, Izd-vo SVFU. – S. 172-177. (Na jakutskom jazyke)
16. Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z. Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskijh jazykov: učeбноe posobie dlja vuzov / B. A. Serebrennikov, N. Z. Gadzhieva. – Baku: Maarif, 1979. – 304 s.
17. Cbornik jakutskijh poslovic i pogovorok. Sost. N.V. Emel'janov. – Jakutsk, Jakutknigoizdat, 1965. – 248 s.
18. Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskijh jazykov. Regional'nye konstrukcii / Otv. red. Je.R. Tenišev. – M.: Nauka, 2002. – 767 s.
19. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'yta / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 912 s. (Bukva B).
20. Jetimologičeskij slovar' tjurkskijh jazykov : Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie leksičeskie osnovy na bukvy «L», «M», «N», «P», «S». – M.: Vost. lit., 2003. – 446 s.

Список сокращений

АС НИСК – Алексеев С. Нуучча историятыгтан 100 кэпсээн. – Якутскай, 1977.

АЭ ӨӨКХ – Алексеев Э. Өркөн өйүнэн, кырабы харабынан. – Дьокуускай, 1995.

МНН – Манчаары норуот номоѳор. – Якутскай, 1972.

АБ – Алтай баатырлар. I-XII т.т. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1959-1995.

И. Н. Сорова, Ю. С. Лукина

Особенности употребления числительных в тюркских эпосах (на примере якутского олонхо, башкирского кубаир, алтайского кай черчек)

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В современной филологии большое значение имеет изучение самобытного языка фольклора, особенно языка эпических текстов. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом в тюркологии к проведению специальных исследований, направленных на лингвофольклористическое изучение языка фольклора, и первые работы наших языковедов свидетельствуют о перспективности таких исследований. Фольклор, как спонтанно развивавшаяся устная бытовая культура, демонстрирует коренные закономерности и свойства этнического языка. Так на современном этапе развития тюркского языкознания имеются значительные исследования в этой области, но, несмотря на это, одной из актуальных задач является изучение имен числительных в устных народных творчествах. Особую роль числа имеют в эпических текстах, где они получают статус сакральных, которое проливает свет на генезис героических эпосов. Цель работы заключается в исследовании структурно-семантических особенностей имен числительных в тюркских эпосах. Материалом исследования являются тексты якутского олонхо «Будүрүйбэт Мулдьу Бөбө», башкирского кубаир «Урал-батыр», алтайского кай черчек «Маадай-Кара». Для достижения поставленной цели используются метод сплошной выборки, описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный, статистический и диахронический методы, а также применяется прием количественного подсчета. Научная новизна работы заключается в том, что эпические числительные описываются как лингвофольклористический феномен в сравнительно-сопоставительном аспекте. В ней выявляются и определяются их объем использования в эпосе, сакральное значение этих числительных, а также сравниваются их схожие и отличительные черты в символическом плане.

Ключевые слова: числительные, структура и семантика числительных, семантические группы числительных, тюркский эпос, олонхо, кубаир, кай черчек, лингвофольклористика.

I. N. Sorova, Ju. S. Lukina

Features of the use of numerals in Turkic epics: the case of Yakut *olonkho*, Bashkir *kubair*, and Altai *kai cherchek*

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. In modern philology, the study of the original language of folklore, especially the language of epic texts, is of great importance. The relevance of the research topic is due to the growing interest in Turkology in conducting special studies aimed at the linguo-folkloristic study of the language of folklore, and the first works of our linguists testify to the prospects of such studies. Folklore, as a spontaneously

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЛУКИНА Юлия Сергеевна – магистрант кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

LUKINA Julija Sergeevna – Master's student, Yakut Language Department, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

developing oral everyday culture, demonstrates the fundamental patterns and properties of the ethnic language. So, at the present stage of development of Turkic linguistics, there are significant studies in this area, but, despite this, one of the urgent tasks is the study of numerals in oral folk arts. Numbers have a special role in epic texts, where they receive the sacred status, which sheds light on the genesis of heroic epics. The purpose of the work is to study the structural and semantic features of numerals in Turkic epics. The material of the study is the texts of the Yakut olonkho “Buduruibet Muldyu Bege”, the Bashkir kubair “Ural-Batyr”, the Altai kai cherchek “Maadai-Kara”. The method of continuous sampling, descriptive, comparative, contextual, statistical and diachronic methods were used to achieve the goal. Also, we used the method of quantitative calculation. The scholarly novelty of the work lies in the fact that the epic numerals are described as a linguo-folklore phenomenon in a comparative aspect. It identifies and defines their scope of use in the epic, the sacred meaning of these numerals, and also compares their similar and distinctive features in a symbolic sense.

Keywords: numerals, structure and semantics of numerals, semantic groups of numerals, Turkic epos, olonkho, kubair, kai cherchek, linguo-folkloristics.

Введение

Язык устного народного творчества до сих пор остается одним из наименее изученных аспектов тюркского фольклора, наиболее востребованным становится глубокое и всестороннее изучение свойств слова в эпосе, его совместимости, художественных и визуальных способностей. Из выразительных языковых средств народной поэтики особенно важны числительные, образующие обширный пласт фольклорной лексики. В эпосе они нашли самое широкое и живое применение. Следует отметить, что количество конкретных трудов о месте и роли чисел в фольклоре разных народов незначительно.

Систематическое изучение эпоса и фольклора тюркоязычных народов началось в XIX веке. В 1860-е годы востоковед-тюрколог В.В. Радлов, работая в Барнауле, совершил несколько экспедиций к живущим в Сибири тюркским народам (алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западносибирским татарам). С 1866 года он начал публиковать результаты своих исследований. В этом году вышел первый том его знаменитой работы «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Этот сборник содержит записи эпических песен, сказок и других фольклорных жанров казахов, уйгуров, кыргызов из Восточного Туркестана и тюрков из Южной Сибири. В 1896 году В.В. Радлов опубликовал седьмой том своей работы «Образцы», посвященный тюркским языкам Крыма, а затем появился ряд других томов, составленных его сотрудниками и учениками на материале языков и диалектов других тюркских народов [1].

В середине XIX в. начался сбор фольклора малых тюркских жителей юга Сибири, точнее таких народностей как: тобольские татары, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы и якуты. Выдающийся собиратель русского фольклора И.А. Худяков, находившийся в ссылке в Якутии в 1866–1874 годах, в своей работе «Записки Географического общества», опубликовал сборник якутских героических рассказов в русском переводе [2].

В тюркологии вопросы изучения языка произведений определенных жанров устного народного и поэтического творчества успешно решались в работах В.В. Радлова, И.Н. Безина, П.М. Мелиоранского и других востоковедов.

Проанализировав пратюркские числительные, исследователи отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН под руководством Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо реконструировали картину духовной и материальной жизни пратюрков. Ученые отмечают, что тюркские языки, подобно многим другим языкам различных семей, в процессе длительного развития выработали универсалию в области чисел, уходящую от основной счетной функции и придающую определенным числам дополнительные символические, ритуальные значения.

В 1970-е годы лингвист М.В. Зайнуллин, изучая формы глаголов и способы выражения выразительности и эмоций на языке башкиров, обратился к текстам народных сказок [3, 4]. Он анализировал отдельные лексические и синтаксические средства языка народной прозы и делает вывод о том, что словесная композиция произведений устного народного творчества башкир требует многостороннего изучения. Эта идея ученого была впоследствии реализована в многочисленных курсовых, дипломных и диссертационных исследованиях его учеников.

В монографии Ф.Б. Саньярова «Особенности языка и стиля эпоса «Урал-батыр»» исследуется лексико-стилистическое богатство эпоса и описывается использование морфологических категорий и средств образности языка в его словесной структуре [5]. Монография Г.Г. Кульсарина и М.В. Зайнуллиной «Языковая картина мира в башкирских загадках» была посвящена анализу словесного материала башкирских народных сказок, в котором выявлены лексические, синтаксические и стилистические особенности народной прозы и определено традиционное формульное речепотребление в художественной структуре [6]. В монографии И.Г. Галаутдинова «Два века башкирского литературного языка» содержится специальная глава, посвященная языку народного творчества [7: 172].

Первой в башкирской фольклористике диссертацией, посвященной текстологическим аспектам эпоса «Урал-батыр» является работа Ш.Р. Шакуровой «Текстология башкирского эпоса «Урал-батыр»: Проблема базового научного текста» [8].

Особый вклад в развитие лингвофольклористики в башкирском языкознании внесла языковед Г.Х. Бухарова. В своей диссертации «Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ» она анализирует знаменитый эпос башкирского народа как дискурс народной речи в рамках интегративного подхода. Эта работа посвящена изучению башкирского народного эпоса «Урал-батыр» как фольклорного дискурса [9].

Лингвокультурологическому исследованию песенного наследия башкирского народа впервые обратилась в своей диссертации филолог Р.М. Хисамутдинова. Она в своей работе осуществила лингвокультурологический анализ башкирских народных песен с точки зрения закономерностей отражения этнокультурных реалий в языковых единицах, прежде всего образно-выразительных: метафорах, сравнениях, эпитетах и т.д. [10].

В башкирской лингвистике изучение лексических единиц, составление языковой картины мира, основанной на этнографическом, фольклорном, мифологическом материале, находятся на начальном этапе. Ученые обратили внимание на символические значения чисел в связи с изучением топонимов (Бухарова 2003, Камалов 1994, 1997, Усманова 1994, Хисамитдинова 1991, Шакуров 1986), антропонимов (Кусимова 1975, Раемгузина 2006), фразеологизмов (Раемгузина 1999), этнолингвистических значений слов (Хадыева 2005) [11].

В диссертации Р.Т. Муратовой рассматриваются сакральные числа башкирского языка, встречающиеся в поверьях, народной медицине, заговорах, родинном, свадебном, погребально-поминальном обрядах, эпосах, сказках, загадках, поговорках и т.д. Она выявила особенности использования сакральных чисел в языке, фольклоре и мифологии башкирского народа, выявила общекультурные и специфические значения в семантике чисел башкирского языка. Так, филолог Муратова пришла к выводу, что числовая символика играет важную роль в культуре башкир [11].

Особенности языка и стиля башкирских народных сказок исследовала в своей работе Г.Г. Кульсарина [12]. Она рассмотрела сакральные числа башкирского народа, которые активно используются на языке фольклора. Автор акцентирует внимание на анализе символических значений чисел, несущих этнокультурную семантику. На примере текстов на-

родного творчества дана классификация наиболее устойчивых числовых атрибутов в языке фольклора в соответствии с их функциями в тексте.

На материале имен числительных, отношению башкирского языка к древнетюркским и старотюркским памятникам письменности изучила Г.Д. Ибрагимова [13].

Впервые алтайский фольклор собрал и исследовал тюрколог В.В. Радлов. По этой теме он написал статью «Мифология и мирозерцание жителей Алтая». Публикациям В.В. Радлова до серии «Алтай баатырлар», основанным С.С. Суразаковым, история сбора и публикации алтайского героического эпоса с середины XIX в. по 1980-е годы, а также разработке и внедрению новых современных возможностей и подходов к их применению в издании сказаний «Очи-Бала» и «Кан-Алтын» в академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» посвящены работы З.С. Казагачевой «Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын»: Аспекты текстологии и перевода» [14]. По теме определения поэтики и прагматики алтайских пословиц и поговорок обратилась филолог Н.Д. Ойноктинова в своей диссертационной работе «Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров» [15].

В якутской лингвистике изучение языка фольклора является новой областью лингвистических исследований. В 1989 г. П.А. Слепцов впервые представил наиболее важные актуальные проблемы лингвофольклористики как нового направления лингвистических исследований, находящегося на стыке смежных наук. В статье «Язык олонхо: лексика, семантика» исследователь дает общую лексико-семантическую характеристику языка олонхо, а также интерпретацию так называемых «темных мест» языка фольклора [16, 17]. В монографии «Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм» есть отдельная глава, посвященная языку фольклора, в которой автор приходит к выводу, что «язык якутского фольклора в начальный период становления современного литературного языка и его норм выступал в качестве истока, по мере дальнейшего развития норм литературного языка язык фольклора превращается в источник обогащения» [18].

В работе Л.Л. Габышевой выявляется система семантических противопоставлений в олонхо и классификация числительных внутри пространственно-временного цветового континуума, связанного с мифологическими представлениями древних якутов [19]. Кроме того, она исследовала специальные мнемонические программы фольклорных текстов и сюжетов, мифологических классификаций и других информационных структур устной коллективной памяти на материале якутского фольклора [20]. Основываясь на материале якутского эпоса «Кулун Кулустуур», шумеро-аккадского эпоса о Гильгамеше и русских былин, А.В. Кудияровым были рассмотрены эпические универсалия-хронотопы, т.е. особая категория поэтического стиля, охватывающая способы и средства выражения пространственно-временных взаимоотношений в их единстве [21].

Н.А. Аханянова в статье «Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитетации» определяет функции выявления сочетаний и их место в художественной структуре устных произведений [22].

Лингвофольклорист Л.В. Роббек считает ритмико-синтаксический параллелизм одним из основных элементов структурной основы художественно-изобразительных средств якутского эпоса. На основе анализа текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина ученый выделяет основные функции параллелизма. Во-первых, ритмико-синтаксический параллелизм в якутском эпосе, по ее мнению, – это художественно-изобразительный прием, способ ритмико-синтаксического сочетания единиц поэтического языка олонхо; во-вторых, функция параллелизма также проявляется на уровне словарного запаса, то есть почти каждое слово, входящее в его состав, приобретает особую коннотационную семантику [23].

Собственные имена персонажей якутского олонхо были предметом изучения Н.И. Филипповой. Автор в своей работе делает выводы, что собственные имена персонажей олонхо представляют собой выработанную и отточенную веками эпическую формулу, которая подчиняется внутренним законам поэтики и стиля олонхо. Собственные имена персонажей олонхо обладают сложной, многосоставной структурой, также, многие слова, входящие в состав имени, несут в себе дополнительные подтекстовые значения или сакральные функции [24].

А.Г.В. Попов в своей статье исследовал этимологию некоторых имен богов и ключевых слов якутской мифологии, что в полной мере отражается в олонхо [25].

К структурным особенностям синтаксических конструкций, функционирующих в роли ритмико-синтаксического параллелизма в якутском олонхо в сравнении с аналогичными конструкциями в алтайском, хакасском и бурятском эпосах обратился в своей диссертационной работе Ю.П. Борисов [26]. Он выявил и описал ритмико-синтаксический параллелизм, реализованный в системе эпоса олонхо, а также сравнил его с параллелизмом алтайского, хакасского и бурятского эпосов, определил его структурно-функциональную и семантическую особенности.

Комплексное исследование лингвистической системы числительных в якутском олонхо, их структуру и семантику, исследовала филолог Е.И. Избекова [27]. Монография Е.И. Избековой «Числительные в олонхо: структура и семантика» посвящена комплексному исследованию лингвистической системы числительных в олонхо – их структуры и семантики. В работе в определенной мере углубляется понятие эпического языка, уточняется сущность эпических числительных.

Таким образом, в области структуры и семантики числительных в лингвофольклористике тюркского языкознания, имеются достаточно много работ, отражающих данную проблему. Однако, исследование числительных якутского олонхо, башкирского кубаир и алтайского кай черчек в сравнительно-сопоставительном плане еще не проводилось, что и призвана восполнять данная статья.

Особенности употребления числительных в якутском олонхо, башкирском кубаир, алтайском кай черчек

Сравнение частоты и природы употребления числительных в якутском олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө», башкирском кубаир «Урал-батыр», алтайском кай черчек «Маадай-Кара» по лексико-тематическим группам выявляет особенности употребления числительных в данных тюркских эпосах.

Так, по объему эпического текста плотность применения числительных по тематическим группам в якутском эпосе выше, чем в башкирском и алтайском эпосах. Значимые количественные показатели использования числительных в текстах представлены в виде таблицы, которая также содержит результаты вышеуказанного исследования.

Числительное	В олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө»	В кубаир «Урал-батыр»	В кай черчек «Маадай-Кара»
Количественные	1289	220	993
Порядковые	17	6	9
Приблизительные	3	-	7
Разделительные	13	1	-
Собирательные	7	14	15
Дробные	8	-	-
Числительные в роли прилагательного	43	-	-

1. *Природный мир.* Природный мир в тюркских эпосах мы разделили на две подгруппы, то есть, во-первых – небесная сфера, земной пейзаж и водная среда; во-вторых – флора и фауна.

Так, существительные, обозначающие небесную сферу, земной пейзаж и водную среду, в якутском олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» наиболее часто сочетаются с числительными *үс* ‘три’, *сэттэ* ‘семь’, *абыс* ‘восемь’, *тобус* ‘девять’; в башкирском кубаир «Урал-батыр» с числительными – *бер* ‘один’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *ете* ‘семь’ и *етмеш* ‘семьдесят’; в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» – *эки* ‘два’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *жетен* ‘семьдесят’ и *тогзон* ‘девяносто’.

В якутском и алтайском эпосах при описании эпического неба используются числительные три и девять, например, в якутском олонхо используются выражения *үс халлаан* ‘три неба’, *тобус халлаан* ‘девять небес’, *тобус хаттыгастаах* ‘девятаярусное’, а в алтайском кай черчек словосочетания *јүч тенгери* ‘три неба’, *тогус кырлу* ‘девятигранный’. Эти числительные в якутской и алтайской мифологии являются сакральными символами. А в башкирском кубаир описание эпического неба выражается иначе, а точнее используется числительное *ете* ‘семь’, это числительное показывает башкирские космологические представления о пространственном устройстве мира. Башкиры считают, что Земля и небо состоят из семи слоев. Небесное мифологическое пространство, где живут ангелы, высшие силы, обозначаются выражением *ете кат күк* ‘семислойное небо’.

Для описывания Среднего мира в якутском и алтайском эпосах с существительными функционируют такие числительные как семь и девять, например: в якутском олонхо *сэттэ сир* ‘семь земель’, *тобус сир* ‘девять земель’; в башкирском кубаир *jeti jer* ‘семь земель’, *тогус jer* ‘девять земель’. Эти словосочетания в обоих эпосах не соотносятся с реальными математическими значениями, а показывают определенное множество. А в башкирском кубаир для обозначения сторон, углов или всего света используется числительное четыре, например: *дүрт яктан* ‘с четырех сторон’, т.е. со всех сторон и т.д.

Также эта же конструкция встречается при описании моря, где числительное четыре обозначает множественность: *дүрт диңгез* ‘четыре моря’, *дүрт йылга* ‘четыре реки’, т.е. имеется ввиду вся вода мира. Это обусловлено тем, что башкиры представляли Землю, как сушу, окруженную с четырех сторон водой (морем), а точнее четырехугольной. Как пишут исследователи, в эпосе «Урал-батыр» находит отражение представление башкир о воде как о стихии первозданного хаоса. Так и в якутском эпосе «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» водная среда эпического мира, как и в алтайском, описывается при помощи числительного четыре: *түөрт түллэр байбал* ‘четыре обладающих мощной силой океанов’, *түөрт түллэр муора* ‘четыре обладающие мощной силой моря’ и т.д. Характерной особенностью употребления этих существительных является то, что водная среда чаще всего является местом проверки стойкости героев, местом сражения. Может быть, поэтому определение-эпитет имеет зловещий оттенок.

Лексемы, обозначающие флору и фауну, в якутском олонхо чаще функционируют с числительными *икки* ‘два’, *алта* ‘шесть’, *абыс* ‘восемь’, *тобус* ‘девять’, *сэттэ уон* ‘семьдесят’, *абыс уон* ‘восемьдесят’, *тобус уон* ‘девяносто’; в башкирском кубаир – *ике* ‘два’, *өс* ‘три’, *алты* ‘шесть’, *ете* ‘семь’, *тугуз* ‘девять’, *унбер* ‘одиннадцать’, *ун ике* ‘двенадцать’: в алтайском кай черчек – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *јүч три*, *төрт* ‘четыре’, *беш* ‘пять’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *он бер* ‘одиннадцать’, *он эки* ‘двенадцать’, *төртдөн* ‘сорок’, *бежен* ‘пятьдесят’, *алтан* ‘шестьдесят’, *жетен* ‘семьдесят’, *жетен эки* ‘семьдесят два’, *тогзон* ‘девяносто’, *јүс* ‘сто’.

При описании мифического растения в якутском и алтайском эпосах использование числительных отличаются, а точнее в олонхо применяется числительное восемь, в кай

черчек – три. Так, в алтайском эпосе присутствует мифическое растение, в названии которого участвует числительное – это священное вечноживое дерево, созданное божеством Юч-Курбустаном (*Үч-Курбустан*). Это дерево олицетворяет размеры и богатство природы Алтая. Вечный трехколенный тополь *Үч-Курбустан* – благодетель народа, в его тени отдыхают прекрасные птицы и звери. А в якутском олонхо священное дерево Аал Луук Мас, растущий в Среднем мире, где гнездится дух-хозяйка земли, присутствует определительная конструкция, обязательным элементом которого является числительное восемь: *абыс салаалаах* ‘восьмиветвистое’. В башкирском кубаир такое характерное явление не наблюдается.

Чтобы показать нереальное количество эпических животных, в алтайском эпосе с лексемами, обозначающих фауну, чаще всего сочетают с числительным *јүс* ‘сто’, например: *јүс байталым* ‘сто кобылиц’, *јүс буура* ‘сто верблюдов’, *јүс бука* ‘сто быков’, *јүс ирик* ‘сто барашек’, *јүс ат* ‘сто лошадей’ и т.д., а вот в якутском олонхо такое понятие множественности в отношении мифических животных используется числительное *тобус уон икки* ‘девяносто два’: *тобус уон икки көтөр кыыл* ‘девяносто два летающих животных’ и т.д.

А вот при описании множественности конечностей мифических животных в кай черчек и в кубаир использование числительных отличаются, например, в алтайском эпосе фауна имеет множество голов, копыт, зубов, ушей и сопровождается это числом четыре: *төрт кулакту*, *төрт туйгакту бука* ‘четыреушастый, четырехкопытый бык’; *төрт баш азулу йылан* ‘четыреголовая змея’, *төрт азулу төһөн буура* ‘четырехклыкастый верблюд’ и т.д. А в башкирском кубаир в определении количества голов некоторых мифических существ используются числительные *туғыз* ‘девять’ и *ун ике* ‘двенадцать’: *туғыз бышылы дейеу* ‘девятиглавый див’, *туғыз бышылы йылан* ‘девятиглавая змея’, *ун ике бышылы йылан* ‘двенадцатиголовая змея’ и т.д. Число *ун ике* ‘двенадцать’ в башкирской мифологии означает священную роль, а именно, что это сакральное число связано с двенадцатью небесными богами (*тәңре*), например: *ун бер/ун ике башы менән йылан* ‘змея с девятью/одинадцатью головами’, *диво ете ебәреу* ‘отправил семь див’ – при описании этих объектов одним из ярких выразительных средств являются числительные, основная функция которых – усилить грозный образ. В якутском олонхо такое характерное явление не наблюдается.

2. *Обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров.* В тюркских эпосах числительные активно используются для характеристики эпических персонажей Верхнего, Среднего и Нижнего миров. В наших трех эпосах чаще всего числительные взаимодействуют с существительными, обозначающих людей, то есть персонажей Среднего мира.

Так, в олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» по нашим наблюдениям наиболее часто используются числительные *үс* ‘три’, *алта* ‘шесть’, *абыс* ‘восемь’ и *тобус* ‘девять’, в башкирском кубаир «Урал-батыр» – *бер* ‘один’, *ике* ‘два’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *һигез* ‘восемь’ и *ун ике*, в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *үч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *јети* ‘семь’, *он* ‘десять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *јетен* ‘семьдесят’, *тогзон* ‘девяносто’.

В якутском олонхо числа при описании мужского и женского пола мифических персонажей используются числительные *абыс* ‘восемь’ и *тобус* ‘девять’, эти числительные в якутской мифологии являются носителями мужской (женской) генерирующей силы. В башкирском и алтайском эпосах такие характерные черты, показывающие начало мужской и женской энергии не обнаруживаются.

При описании персонажей Нижнего и Среднего миров, в якутском и башкирском эпосах функционируют с существительными аналогичные числительные. В якутском олонхо зафиксировано противостояние числительных *один* и *два*, которые в качестве эпитета опи-

сывают персонажей Нижнего и Среднего миров, а также в парные смысловые понятия человеческих конечностей: *биир киһи* ‘один человек’, *биир кыыс* ‘одна девушка’, *икки атаһ* ‘две ноги’ и т.д., так же и в башкирском кубаир – *бир кижги* ‘один человек’, *бир баатыр* ‘один богатырь’, *бир келин* ‘одна невеста’, *эки көскө* ‘два глаза’, *эки баатыр* ‘два богатыря’, *эки бала* ‘два ребенка’ и т.д. Еще в башкирском кубаир используется числительное *дурт* «четыре», где это числительное символизирует четырех рабов из четырех сторон света.

При описании богатырей Среднего мира, в алтайском эпосе лексема *баатыр* ‘богатырь’ чаще всего сочетается с числительными второго порядка, например такими как *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *жетен* ‘семьдесят’ и *тогзон* ‘девяносто’, а в якутском олонхо лексема *бухатыыр*, который тоже богатырь функционирует с числительным *тобус уон тобус* ‘девяносто девять’. Эти эпитеты не имеют реальное количество, а имеют понятие множественности. В башкирском эпосе такое не наблюдается.

В якутском олонхо и алтайском кай черчек при описании персонажей Верхнего мира, божеств и их слуг, а также различных мифических существ, в основном используют традиционное числительное три, что подтверждает их удивительные качества, необычайные свойства. А также в якутском олонхо при характеристике добрых духов, сочетание существительного с числительными три, восемь и девять, имеет в виду не реальное количество, а обозначает понятие ‘всех добрых духов’. В кубаир нами не были обнаружены лексемы, функционирующие с числительными, которые обозначают отдельных персонажей Верхнего мира.

3. *Эпическое время и пространство.* Следующей областью, где в тюркских эпосах при описании применяются числительные, является эпическое время и пространство.

Для характеристики эпического времени и пространства в якутском олонхо «Будуруйбэт Мүлдү Бөбө» часто используются числительные *үс* ‘три’, *сэттэ* ‘семь’, *абыс* восемь, *тобус* ‘девять’, *уон* ‘десять’, дробная десятка, *уон икки* ‘двенадцать’ и *уон үс* ‘транадцать’; в башкирском кубаир «Урал-батыр» числа *бер* ‘один’, *өс* ‘три’, *дурт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *ун* ‘десять’, *ун бер* ‘одиннадцать’, *ун ике* ‘двенадцать’ и *йөз* ‘сто’; в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» – *үч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *жетен* ‘семьдесят’, *тогузон* ‘девяносто’. В трех тюркских эпосах при описании эпического времени и пространства аналогично используется лишь числительное три, а остальные выборочно совпадают друг с другом.

Так, в якутском и башкирском эпосах при характеристике эпического времени отчетливо прослеживается заметное тяготение к числительному три: в башкирском – *өсөнсө тапкыр һөрөндө* ‘в третий раз он споткнулся – здесь данное понятие символизирует целостность, совершенство. Оно указывает на время свершения предшествующих событий, а также последующих; в якутском – *үс үйэ* ‘три века’ – здесь понятие не имеет конкретного количественного воплощения, а играют роль специфического признака, условно обозначающего своеобразие происходящего. В алтайском эпосе к числительным девять и девяносто, например: *тогус jaıтy* ‘девять лет’, *тогус жыл* ‘девять лет’, *тогзон кулаш* ‘девяносто суток’ и т.д.

Следует отметить, что в якутском устном народном творчестве выражение *үс үйэ* ‘три века’ служит постоянным эпитетом, обозначающим неопределенно длительное время.

В алтайском кай черчек чтобы показать обширность и безграничность земли Алтая, сказитель использует эпитет *jeti jep* ‘семь земель’, которое не включает конкретного количественного воплощения, а имеет в виду «всю землю» эпической страны, а в якутском олонхо большие расстояния измеряются *куннук сир*, т.е. расстоянием днев-

ного перехода, определяется пространство (расстояние), с которого виден тот или иной эпический объект. Этот эпитет часто функционирует с числительным три: *үс күннүк сиртэн* – здесь характеризуется расстояние, при котором можно заметить, увидеть из далека что-либо. В башкирском эпосе при описании эпического пространства используется словосочетание *дүрт яғын* ‘четыре стороны’, который символизирует четыре стороны света, то есть, можно предположить, что башкиры представляли Землю, как сушу, окруженную с четырех сторон водой (морем), а точнее четырехугольной.

Как упоминалось выше, в кубаире жители Среднего мира делятся на *биш ил* ‘пять стран’. Как говорит главный герой эпоса Урал-батыр, в одной из этих стран он родился сам, а в двух из них он побывал, и есть у него цель побывать еще в двух других. В алтайском кай чечек делят мир на *јети ороон* ‘семь стран’, а в якутском эпосе делят на девять племени, рода (*биис ууһа*).

4. Эпические объекты, мир вещей. В тюркских эпосах, в этой подгруппе, числительные часто используются для того, чтобы показать масштабность и простор эпического жилища.

Так, в якутском олонхо с существительными, обозначающими эпические объекты и мир вещей, употребляются такие числительные, как: *икки* ‘два’, *үс* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’, *сэттэ* ‘семь’, *тобус* ‘девять’, *түөрт уон* ‘сорок’, *тобус сүүс* ‘девятьсот’ и не редко – *биш* ‘один’, *алта* ‘шесть’; в алтайском кай черчек используются числительные – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *јети* ‘семь’, *он* ‘десять’, *одус* ‘тридцать’, *төртөн* ‘сорок’, *төртөн эки* ‘сорок два’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *алтан сегис* ‘шестьдесят восемь’, *јетен* ‘семьдесят’, *сегзен тогус* ‘восемьдесят девять’, *јүс* ‘сто’. А в башкирском кубаир нами не были обнаружены числительные, функционирующие с лексемами, обозначающих эпические объекты и мир вещей.

В якутском и алтайском эпосах при описании эпического жилища, сказители очень часто прибегают к помощи десятичных числительных, чтобы эффектно показать великое множество и огромные размеры жилища богатыря, например: в якутском олонхо выражением *түөрт уон түннүктэрдээх эбит* ‘имеет сорок окон’ придали образу дополнительный мифический оттенок; в алтайском эпосе точно так же, чтобы эффектно показать огромные размеры жилища богатыря числительным второго порядка придали образу дополнительный мифический оттенок: *онын эжигин ача согуп* – дом богатыря имеет десять дверей.

Стоит отметить, что в якутском олонхо кроме числительного *түөрт уон* ‘сорок’, удештеренные варианты эпических числительных не наблюдаются, также, при описании эпического жилища, числительные подбираются с существительными на основе аллитерационно-ассонансного созвучия. А в алтайском кай черчек для описывания одежды и украшений эпических героев в основном используются лишь числительные второго порядка.

В алтайском эпосе при характеристике одежды эпического персонажа, количество пуговиц обычно описывают числительным второго порядка, например: *алтын* ‘шестьдесят’, *јетен эки* ‘семьдесят два’ и т.д. Числительным второго порядка придают образу дополнительный мифический оттенок.

А в якутском эпосе при изображении деталей эпического жилища используются лишь числительные первого порядка, например, автор описывает тяжесть двери с помощью числительных *икки* ‘два’, *үс* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’, которую эпический богатырь открывает с легкостью. А также при описании эпического предмета употребление числительного *тобус сүүс* ‘девятьсот’ с существительным, используется в художественном примере гиперболлизации.

Таблица употребления числительных по семантическим группам

	В олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө»	В кубаир «Урал-батыр»	В кай черчек «Маадай-Кара»
1. Природный мир	3, 7, 8	1, 3, 4, 5, 7, 70	2, 7, 9, 60, 70, 90
1) Небесная сфера	3, 4, 9	4, 7	3, 4, 9
2) Земной пейзаж	7, 9	4	7, 9
3) Флора и фауна	2, 6, 8, 9, 70, 80, 90, 92	2, 3, 6, 7, 9, 11, 12	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 40, 50, 60, 70, 72, 90, 100
2. Обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров.	1, 2, 3, 8, 9, 99	1, 2, 4	3, 60, 62, 70, 90
3. Эпическое время и пространство	3, 7, 8, 9, 10, 12, 13	1, 3, 4, 5, 10, 11, 12, 13	3, 4, 6, 7, 9, 60, 70, 90
4. Эпические объекты, мир вещей	1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 40, 900.	-	1, 2, 4, 6, 7, 10, 30, 40, 42, 60, 62, 68, 70, 89, 100

Заключение

Методом сравнительно-сопоставительного анализа мы рассмотрели всего 2645 числительных, из них: в якутском эпосе «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» зафиксировано всего 1380 числительных с определяемым словом, из них использовались: 1) количественные числительные – 1289; 2) порядковые (кэрискэ) – 17 раз: *иккис* ‘второй’ – 6 раз, *үһүс* ‘третий’ – 5 раз, *төрдүс* ‘четвертый’ – 3 раза, *бэһис* ‘пятый’ – 1 раз, *алтыс* ‘шестой’ – 1 раз, *сэттис* ‘седьмой’ – 1 раз; 3) приблизительные – 3 раза: *уонча* – 3 раза; 4) разделительные – 13 раз: *биирди* ‘по-одному’ – 3 раза, *иккили* ‘по два’ – 3 раза, *устүү* ‘по три’ – 3 раза, *тобустуу* ‘по девять’ – 3 раза, *биэстии сүүс* ‘по пятьсот’ – 1 раз; 5) дробные – 8 раз: *үс* ‘три’ – 3 раза, *биэс* ‘пять’ – 1 раз, *уон* ‘десять’ – 4 раза; 6) собирательные – 7 раза: *иккиэ* ‘двое’ – 4 раза, *үһүө* ‘трое’ – 3 раза; 7) числительные в роли прилагательного – 43 раз; в башкирском эпосе «Урал-батыр» зафиксировано всего 241 числительных с определяемым словом, из них использовались: 1) количественные – 220 раза; 2) порядковые – 6 раз; 3) разделительные – 1; 4) собирательные – 14; в алтайском кай черчек «Маадай-Кара» зафиксировано всего 979 числительных с определяемым словом, из них: 1) количественные числительные – 1024 раза; 2) порядковые – 9 раз; 3) приблизительные – 7 раз; 4) собирательные – 15 раз.

Наиболее частотными в якутском олонхо «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» являются числительные *икки* ‘два’ – частота употребления 13,2%, *үс* ‘три’ – 29,29%, *сэттэ* ‘семь’ – 12,68%, *абыс* ‘восемь’ – 8,39%, *тобус* ‘девять’ – 19,65%, в башкирском кубаир «Урал-батыр» числа *бер* ‘один’ – частота употребления 59,63%, *ике* ‘два’ – 10,55% и *дүрт* ‘четыре’ – 10,09%, в алтайском кай черчек «Маадай-Кара»: *јети* ‘семь’ – 19,20%, *јетен* ‘семьдесят’ – 17,26%, *эки* ‘два’ – 15,83%.

В данных тюркских эпосах определяемые понятия сгруппированы по следующим лексико-тематическим группам: 1) природный мир; 2) обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров; 3) эпическое время и пространство; 4) эпические объекты, мир вещей. Исходя из этих групп, методом сравнительно-сопоставительного анализа, сравним частоту и природу употребления числительных по следующим тематическим группам.

Так, по объему эпического текста плотность применения числительных по тематическим группам в якутском эпосе выше, чем в башкирском и алтайском эпосах.

1. *Природный мир.* Природный мир в тюркских эпосах мы разделили на две подгруппы, то есть, во-первых – небесная сфера, земной пейзаж и водная среда; во-вторых – флора и фауна.

Так, существительные, обозначающие небесную сферу, земной пейзаж и водную среду, в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» наиболее часто сочетаются с числительными *үс* 'три', *сэттэ* 'семь', *абыс* 'восемь', *тобус* 'девять'; в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» с числительными – *бер* 'один', *өс* 'три', *дүрт* 'четыре', *биш* 'пять', *ете* 'семь' и *ет-меш* 'семьдесят'; в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» – *эки* 'два', *јети* 'семь', *тогуз* 'девять', *алтан* 'шестьдесят', *јетен* 'семьдесят' и *тогзон* 'девяносто'.

При описании эпического неба в якутском и алтайском эпосах используются числительные три и девять, а в башкирском кубаир выражается иначе, а точнее используется числительное *ете* 'семь'.

При описании Среднего мира в якутском и алтайском эпосах с существительными функционируют такие числительные как семь и девять, а в башкирском кубаир для обозначения сторон, углов или всего света используется числительное четыре.

При описании водной среды в башкирском и якутском эпосах используются с существительными числительное четыре, где это числительное в обоих эпосах обозначает множественность.

При описании мифического растения в якутском и алтайском эпосах использование числительных отличаются, а точнее в олонхо применяется числительное восемь, в кай черчек – три. В башкирском кубаир такое характерное явление не наблюдается.

При описании нереального количества эпического животного, в алтайском эпосе с лексемами, обозначающих фауну, чаще всего сочетают с числительным *јүс* 'сто', а в якутском олонхо с числом *тобус уон икки* 'девяносто два'. В башкирском эпосе такое понятие множественности в отношении мифических животных использование числительных не наблюдается.

При описании множественности конечностей мифических животных в якутском, башкирском и алтайском эпосах использование числительных отличаются, т.е в алтайском эпосе фауна имеет множество голов, копыт, зубов, ушей и сопровождается это числительным четыре, а в башкирском кубаир в определении количества голов некоторых мифических существ используются числительные *тугуз* 'девять' и *ун ике* 'двенадцать'. В якутском олонхо такое характерное явление не наблюдается.

2. *Обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров.* В тюркских эпосах числительные активно используются для характеристики эпических персонажей Верхнего, Среднего и Нижнего миров. В наших трех эпосах чаще всего числительные взаимодействуют с существительными, обозначающих людей, то есть персонажей Среднего мира.

Так, в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» наиболее часто используются числительные *үс* 'три', *алта* 'шесть', *абыс* 'восемь' и *тобус* 'девять', в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» – *бер* 'один', *ике* 'два', *өс* 'три', *дүрт* 'четыре', *биш* 'пять', *һигез* 'восемь' и *ун ике*, в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» – *бир* 'один', *эки* 'два', *јүч* 'три', *төрт* 'четыре', *алты* 'шесть', *јети* 'семь', *он* 'десять', *алтан* 'шестьдесят', *алтан эки* 'шестьдесят два', *јетен* 'семьдесят', *тогзон* 'девяносто'.

При описании мужского и женского пола мифических персонажей, в якутском олонхо используются числительные *абыс* 'восемь' и *тобус* 'девять'. В башкирском и алтайском эпосах такие характерные черты, показывающие начало мужской и женской энергии не обнаруживаются.

При описании персонажей Нижнего и Среднего миров, в якутском и башкирском эпосах функционируют с существительными аналогичные числительные – один и два. А также в башкирском кубаир еще используется числительное *дүрт* «четыре». А в алтайском эпосе такое не наблюдается.

При описании богатырей Среднего мира, в алтайском эпосе лексема *баатыр* ‘богатырь’ сочетается с числительными шестьдесят, шестьдесят два, семьдесят и девяносто, а в якутском олонхо лексема *бухатыыр* ‘богатырь’ функционирует с числительным девяносто девять. Эти эпитеты не имеют реальное количество, а имеют понятие множественности. В башкирском эпосе такое не наблюдается.

При описании персонажей Верхнего мира, божеств и их слуг, а также различных мифических существ, в якутском и алтайском эпосах в основном используют традиционное числительное три. А в башкирском кубаир нами не были обнаружены лексемы, функционирующие с числительными, которые обозначают отдельных персонажей Верхнего мира.

3. *Эпическое время и пространство.* Следующей областью, где в тюркских эпосах при описании применяются числительные, является эпическое время и пространство.

Для характеристики эпического времени и пространства в **якутском олонхо** «Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө» часто используются числительные *үс* ‘три’, *сэттэ* ‘семь’, *абыс* восемь, *тобус* ‘девять’, *уон* ‘десять’, дробная десятка, *уон икки* ‘двенадцать’ и *уон үс* ‘тринадцать’; в **башкирском кубаир** «Урал-батыр» числа *бер* ‘один’, *өс* ‘три’, *дүрт* ‘четыре’, *биш* ‘пять’, *ун* ‘десять’, *ун бер* ‘одиннадцать’, *ун ике* ‘двенадцать’ и *йөз* ‘сто’; в **алтайском кай черчек** «Маадай-Кара» – *үч* ‘три’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *тогус* ‘девять’, *алтан* ‘шестьдесят’, *жетен* ‘семьдесят’, *тогузон* ‘девяносто’. В трех тюркских эпосах при описании эпического времени и пространства аналогично используется лишь числительное три, а остальные выборочно совпадают друг с другом.

При характеристике эпического времени в якутском и башкирском эпосах отчетливо прослеживается заметное тяготение к числительному три, а в алтайском эпосе к числительным девять и девяносто.

При описании эпического пространства в алтайском кай черчек, чтобы показать обширность и безграничность земли Алтая, используется числительное семь, а в башкирском эпосе – четыре. А вот в якутском олонхо числительное три.

4. *Эпические объекты, мир вещей.* В тюркских эпосах, в этой подгруппе, числительные часто используются для того, чтобы показать масштабность и простор эпического жилища.

В **якутском олонхо** с существительными, обозначающими эпические объекты и мир вещей, употребляются такие числительные, как: *икки* ‘два’, *үс* ‘три’, *түөрт* ‘четыре’, *сэттэ* ‘семь’, *тобус* ‘девять’, *түөрт уон* ‘сорок’, *тобус сүүс* ‘девятьсот’ и не редко – *бир* ‘один’, *алта* ‘шесть’; в **алтайском кай черчек** используются числительные – *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *төрт* ‘четыре’, *алты* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *он* ‘десять’, *одус* ‘тридцать’, *төртөн* ‘сорок’, *төртөн эки* ‘сорок два’, *алтан* ‘шестьдесят’, *алтан эки* ‘шестьдесят два’, *алтан сегиз* ‘шестьдесят восемь’, *жетен* ‘семьдесят’, *сегзен тогус* ‘восемьдесят девять’, *jүс* ‘сто’. А в башкирском кубаир нами не были обнаружены числительные, функционирующие с лексемами, обозначающих эпические объекты и мир вещей.

При описании эпического жилища в якутском и алтайском эпосах используются лишь десятичные числа.

В якутском олонхо кроме числительного *түөрт уон* ‘сорок’, удесятеренные варианты эпических числительных не наблюдаются.

В алтайском кай черчек при характеристике одежды эпического персонажа, количество пуговиц обычно описывают лишь числительными второго порядка.

При изображении деталей эпического жилища в якутском олонхо используются лишь числительные первого порядка.

В результате структурно-семантического анализа числительных, выявили такие совпадения: при описании природного мира в трех тюркских эпосах используются числительные три, четыре, семь и девять; в лексемах, обозначающих флору и фауну – числительные

два, шесть, девять; при описании эпического времени и пространства в якутском, алтайском и башкирском эпосах используется традиционное числительное три; в алтайском кай черчек в основном употребляются числительные второго порядка, а в якутском олонхо и башкирском кубаир – первого. Якутский и алтайский эпосы, в отличие от башкирского, находятся в наиболее близкой друг другу, по употреблению числительных, позиции, т.е. в основном используются аналогичные числительные. В трех тюркских эпосах числительные сочетаются с существительными в основном на основе совпадения аллитерационно-ассонансного созвучия слов, при выражении понятия эпической множественности, а также исходя из понятий культурных традиций и взглядов на жизнь народа.

Таким образом, так как якутский, башкирский и алтайский языки являются родственными тюркскими языками, употребление и сакральное значение числительных в эпосах в большинстве случаев схожи. Отличия же обнаруживаются в плане употребления числительных второго порядка, а также при описании природного и животного миров из-за географических положений.

Литература

1. Радлов, В.В. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibirien (Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи), тексты и немецкий перевод / В.В. Радлов. – СПб, 1866–1896, 7 т
2. Худяков, И. А. Верхоянский сборник // Записки Вост.-Сиб. отд. Русского Географического общества по этнографии. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. Т. 1. Вып. 3.
3. Зайнуллин, М. В. Средства выражения эмоциональности и экспрессивности в башкирских сказках / М.В. Зайнуллин / Фольклор народов РСФСР: межвузовский сборник. Уфа: Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября. – 1976. – С. 45-49.
4. Зайнуллин, М. В. Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок / М.В. Зайнуллин / Фольклор народов РСФСР: межвузовский сборник. – Уфа: Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября, 1974. – С. 92-97.
5. Саньяров, Ф. Б. «Урал батыр»: лингвистик тикшерүе тәҗрибәһе / Ф.Б. Саньяров. – Уфа: БДУ, 2006. – 175 с.
6. Галяутдинов, И. Г. Два века башкирского литературного языка / И.Г. Галяутдинов. – Уфа, 2000. – 448 с.
7. Шакурова, Ш.Р. Текстология башкирского эпоса «Урал-Батыр»: Проблема базового науч. текста: дис. канд. филол. н. / Ш.Р. Шакурова. – М., 1998. – 247 с.
8. Бухарова, Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ / Г.Х. Бухарова. – Уфа, 2009. – 468 с.
9. Кульсарина, Г. Г., Салимова, Л. М. Изучение языковой картины мира в школе: опыт сопоставительного и лингво-культурологического описания (на материале башкирских и русских текстов) / Г.Г. Кульсарина, Л.М. Салимова. – Уфа: НМИЦ «Педкнига», 2012. – 158 с.
10. Хисамутдинова, Р.М. Особенности языка и стиля башкирских народных песен: лингвокультурологический аспект: дис. канд. филол. н. / Р.М. Хисамутдинова. – Уфа, 2017. – 173 с.
11. Муратова, Р.Т. Символика чисел в башкирском языке: дис. канд. филол. н. / Р.Т. Муратова – М., 2009. – 197 с.
12. Кульсарина, Г.Г. Язык и стиль башкирских народных сказок: дис. канд. филол. н. / Г.Г. Кульсарина. – Уфа, 2004. – 165 с.
13. Ибрагимова, Г.Д. Отношение башкирского языка к древнетюркским и старотюркским памятникам письменности : автореф. дисс. к. филол. н. / Г.Д. Ибрагимова. – Уфа, 2002. – 21 с.
14. Казагачаева, З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын»: Аспекты текстологии и перевода: дис. докт. филол. н. / З.С. Казагачаева. – Уфа, 2004. – 165 с.
15. Ойроткинова, Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: дис. докт. филол. н. / Н.Р. Ойроткинова. – Уфа, 2012. – 489 с.
16. Слепцов, П.А. Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) / П.А. Слепцов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 95-102.

17. Слепцов, П.А. Язык олонхо: лексика и семантика / П.А. Слепцов // Якутский язык: лексикология, лексикография : сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1989. – С. 5-21
18. Слепцов, П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм / П.А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1990. – 277 с.
19. Габышева, Л.Л. Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутских олонхо) : автореф. дис. к. филол. Н. / Л.Л. Габышева. – М., 1986. – 20 с.
20. Габышева, Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
21. Кудияров, А.В. Хронотоп и художественное пространство народного эпоса / А.В. Кудияров // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. – Якутск, 1991. – С. 23-66
22. Аханиянова, Н. А. Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитетации / Н.А. Аханиянова // Фольклор и современная культура. – Якутск, 1991. – С. 120-139.
23. Роббек, Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо: лексикографический аспект: дис. канд. филол. н. / Л.В. Роббек. – М., 2009. – 269 с.
24. Филиппова, Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: Структура и семантика: дис. канд. филол. н. / Н.И. Филиппова. – Якутск, 2000. – 160 с.
25. Попов, Г.В. К этимологии некоторых имён божеств якутской мифологии / Г.В. Попов // Фольклор и современная культура. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 60-65
26. Борисов, Ю.П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект: дис. канд. филол. Н. / Ю.П. Борисов. – Якутск : 2017. – 195 с.
27. Избекова, Е.И. Числительные в олонхо: структура и семантика : монография / Е.И. Избекова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 152 с.

References

1. Radlov, V.V. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Südsibirien (Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзхунгарской степи), тексты и немецкий перевод / V.V. Radlov. – Spb, 1866–1896, 7 t
2. Hudjakov, I. A. Verhojanskiĭ sbornik // Zapiski Vost.-Sib. otd. Russkogo Geograficheskogo obshhestva po jetnografii. Irkutsk: Tip. K. I. Vitkovskoi, 1890. T. 1. Vyp. 3.
3. Zainullin, M. V. Sredstva vyrazhenija jemocional'nosti i jekspressivnosti v bashkirskih skazkah / M.V. Zainullin / Fol'klor narodov RSFSR: mezhvuzovskii sbornik. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet im. 40-letija Oktjabrja. – 1976. – S. 45-49.
4. Zainullin, M. V. Upotreblenie vremennyh i modal'nyh form glagola v jazyke bashkirskih skazok / M.V. Zainullin / Fol'klor narodov RSFSR: mezhvuzovskii sbornik. – Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet im. 40-letija Oktjabrja, 1974. – S. 92-97.
5. San'jarov, F. B. «Ural batyr»: lingvistik tiksherey tazhibehe / F.B. San'jarov. – Ufa: BDU, 2006. – 175 s.
6. Galjautdinov, I. G. Dva veka bashkirskogo literaturnogo jazyka / I.G. Galjautdinov. – Ufa, 2000. – 448 s.
7. Shakurova, Sh.R. Tekstologija bashkirskogo jeposa «Ural-Batyr»: Problema bazovogo nauch. teksta: dis. kand. filol. n. / Sh.R. Shakurova. – M., 1998. – 247 s.
8. Buharova, G.H. Bashkirskii narodnyĭ jepos «Ural-batyr»: kognitivno-diskursivnyĭ i konceptual'nyĭ analiz / G.H. Buharova. – Ufa, 2009. – 468 s.
9. Kul'sarina, G. G., Salimova, L. M. Izuchenie jazykovoĭ kartiny mira v shkole: opyt sopolstavitel'nogo i lingvo-kul'turologicheskogo opisanija (na materiale bashkirskih i russkikh tekstov) / G.G. Kul'sarina, L.M. Salimova. – Ufa: NMC «Pedkniga», 2012. – 158 s.
10. Hisamutdinova, R.M. Osobennosti jazyka i stilja bashkirskih narodnyh pesen: lingvokul'turologicheskij aspekt: dis. kand. filol. n. / R.M. Hisamutdinova. – Ufa, 2017. – 173 s.
11. Muratova, R.T. Simvolika chisel v bashkirskom jazyke: dis. kand. filol. n. / R.T. Muratova – M., 2009. – 197 s.
12. Kul'sarina, G.G. Jazyk i stil' bashkirskih narodnyh skazok: dis. kand. filol. n. / G.G. Kul'sarina. – Ufa, 2004. – 165 s.
13. Ibragimova, G.D. Otnoshenie bashkirskogo jazyka k drevnetjurkskim i starotjurkskim pamjatnikam pis'mennosti : avtoref. diss. k. filol. n. / G.D. Ibragimova. – Ufa, 2002. – 21 s.

14. Kazagachaeva, Z.S. Altajskie geroicheskie skazaniya «Ochi-Bala», «Kan-Altyn»: Aspekty tekstologii i perevoda: dis. dokt. filol. n. / Z.S. Kazagachaeva. – Ufa, 2004. – 165 s.
15. Ojnotkinova, N.R. Altajskie poslovicy i pogovorki: pojetika i pragmatika zhanrov: dis. dokt. filol. n. / N.R. Ojnotkinova. – Ufa, 2012. – 489 s.
16. Slepcev, P.A. Lingvofol'kloristika: problemy i zadachi (na materiale jakutskogo fol'klora) / P.A. Slepcev // Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka : sb. nauch. tr. – Jakutsk : JaNC SO RAN, 1991. – S. 95-102.
17. Slepcev, P.A. Jazyk olonho: leksika i semantika / P.A. Slepcev // Jakutskij jazyk: leksikologija, leksikografija : sb. nauch. tr. – Jakutsk: JaNC SOO RAN, 1989. – S. 5-21
18. Slepcev, P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk: Formirovanie i razvitie obshhenacional'nyh norm / P.A. Slepcev. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 277 s.
19. Gabysheva, L.L. Semanticheskie osobennosti slova v fol'klornom tekste (na materiale jakutskih olonho) : avtoref. dis. k. filol. N. / L.L. Gabysheva. – M., 1986. – 20 s.
20. Gabysheva, L.L. Fol'klornyj tekst: semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati / L.L. Gabysheva. – Novosibirsk : Nauka, 2009. – 143 s.
21. Kudijarov, A.V. Hronotop i hudozhestvennoe prostranstvo narodnogo jeposa / A.V. Kudijarov // Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka : sb. nauch. tr. – Jakutsk, 1991. – S. 23-66
22. Ahanjanova, N. A. Pojeticheskij sintaksis olonho i harakter jepicheskoj jepitetacii / N.A. Ahanjanova // Fol'klor i sovremennaja kul'tura. – Jakutsk, 1991. – S. 120-139.
23. Robbek, L.V. Funkcional'no-semanticheskie osobennosti jazyka olonho: leksikograficheskij aspekt: dis. kand. filol. n. / L.V. Robbek. – M., 2009. – 269 s.
24. Filippova, N.I. Sobstvennye imena personazhej v jakutskom jepose olonho: Struktura i semantika: dis. kand. filol. n. / N.I. Filippova. – Jakutsk, 2000. – 160 s.
25. Popov, G.V. K jetimologii nekotoryh imjon bozhestvy jakutskoj mifologii / G.V. Popov // Fol'klor i sovremennaja kul'tura. – Jakutsk : JaNC SO RAN, 1991. – S. 60-65
26. Borisov, Ju.P. Ritmiko-sintaksicheskij parallelizm v jakutskom olonho i tjurko-mongol'skih jeposah: sravnitel'nyj aspekt: dis. kand. filol. N. / Ju.P. Borisov. – Jakutsk : 2017. – 195 s.
27. Izbekova, E.I. Chislitel'nye v olonho: struktura i semantika : monografija / E.I. Izbekova. – Jakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 152 s.

П. С. Тумусов

Анатомическая терминология в якутском языке: структура, семантика, перевод (на материале терминов, обозначающих названия костей)

Территориальный фонд обязательного медицинского страхования
Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется не достаточной изученностью якутской народной терминологии, в том числе анатомической терминологии, обозначающих названия костей в якутском языке. Такие анатомические термины, в основном, относятся к донаучной терминологии якутского языка и называются протерминами. В статье выявляются и анализируются ранее не исследованные анатомические термины якутского языка. Предпринимается попытка лингвистического описания способов терминообразования, а также выявления моделей по лексико-семантическим и лексико-грамматическим группам терминов, обозначающих кости человека в якутском языке. В работе также анализируются способы перевода анатомических терминов на якутский язык. В результате исследования получены следующие выводы: 1. Термины, обозначающие кости человека в якутском языке образованы на базе собственных ресурсов якутского литературного языка и являются протерминами. Анатомические термины состоят из двух разновидностей: 1) простые термины, состоящие из одного слова; 2) составные термины, состоящие из двух и более компонентов. 2. Могут иметь место прилагательные, образованные от существительных и причастия. 3. В образовании анатомических терминов, обозначающих кости человека в якутском языке, задействованы все терминообразующие средства, существующие в якутском языке. 4. В переводе анатомических терминов, обозначающих кости человека на якутский язык в основном применены межъязыковые соответствия, в единичных случаях – транскрипция и калькирование.

Ключевые слова: якутский язык, анатомические термины, анатомическая номенклатура, протермины, простые термины, составные термины, перевод, русско-якутский перевод.

P. S. Tumusov

Anatomical terminology in the Yakut language: structure, semantics, translation (based on the terms denoting the names of bones)

Territorial Fund of Compulsory Medical Insurance of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the research topic is determined by insufficient knowledge of the Yakut folk terminology, including anatomical terminology denoting the names of bones in the Yakut language. Such anatomical terms mainly refer to the prescientific terminology of the Yakut language and are called “prototerms”. The article identifies and analyzes previously unexplored anatomical terms of the Yakut language. An attempt is made to linguistically describe the methods of term formation, as well as to identify models for lexico-semantic and lexico-grammatical groups of terms denoting human bones in the Yakut language. The paper also analyzes the ways of translating anatomical terms into the Yakut language. As a result of the study, the following conclusions were obtained: 1. The terms denoting human bones in the Yakut language are formed on the basis of the Yakut literary language’s own resources and are prototerms.

ТУМУСОВ Петр Сысоевич – магистр лингвистики, переводчик, советник директора, Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Республики Саха (Якутия).

E-mail: taragay@yandex.ru

TUMUSOV Pyotr Syssoevich – Master’s of Linguistics, translator, Advisor to the Director of the Territorial Compulsory Health Insurance Fund of the Republic of Sakha (Yakutia).

Anatomical terms consist of two varieties: 1) simple terms consisting of one word; 2) compound terms consisting of two or more components. 2. There may be adjectives formed from nouns and participles. 3. In the formation of anatomical terms denoting human bones in the Yakut language, all term-forming means existing in the Yakut language are involved. 4. In the translation of anatomical terms denoting human bones into the Yakut language, interlanguage correspondences are mainly used, in isolated cases – transcription and tracing.

Keywords: Yakut language, anatomical terms, anatomical nomenclature, prototerms, simple terms, compound terms, translation, Russian-Yakut translation.

Введение

Изучение якутской народной терминологии в настоящее время является актуальной задачей лингвистических исследований в якутском языке. Исконно якутские анатомические термины до сих пор специальному исследованию не подвергались. Они в основном относятся к донаучной терминологии якутского языка. Донаучные термины еще называют протерминами. Впервые они были включены в «Якутско-немецком словаре» О.Н. Бетлингга (СПб, 1849), а также более широко отражены в трехтомном «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского (СПб, 1907, Л. 1930). В настоящее время якутская медицинская наука шагнула далеко вперед. Вместе с тем входят в медицинскую терминологию новые термины. Сейчас предстоит задача перевода их на якутский язык. Нужно найти их соответствующий эквивалент на родном языке. Вместе с тем, в якутском языке существуют исконно народные медицинские термины. Использование их в переводе могло бы значительно облегчить и ускорить перевод медицинской, в частности, анатомической терминологии на якутский язык.

Анатомические термины, в частности, названия различных частей тела, а также внутренних органов, как в якутском, так и в других тюркских языках являются древнейшим пластом лексики. Основываясь на этих древних понятиях, создаются видовые понятия и в основном охватывают весь комплекс анатомических понятий в соответствии с Международной анатомической номенклатурой. Якутская анатомическая терминология – часть лексики якутского литературного языка. Данная лексика постоянно пополнялась новыми понятиями. Она отличается самыми распространенными, исконными (узус) моделями словообразования якутского языка. Эти модели могут служить базовыми моделями для создания современных научных медицинских терминов на якутском языке. Не только выявление древних способов словообразования в якутском языке, но и определение их семантики, состава и перевода является актуальной задачей.

Как пишет академик П.А. Слепцов, «В отношении перспективной народной терминологической лексики в собственном смысле, например, медицинской, анатомической, ботанической, животноводческой и др. предстоит большая селективная работа языковедов совместно со специалистами соответствующих отраслей знаний. Требуется сбор фактического материала из разговорного языка народа, в том числе диалектов, затем отбор, обработка, уточнение значений каждого слова, доводка до статуса специальной терминологии. Такая терминология, окончательно отшлифованная в процессе обращения среди специалистов, должна быть возвращена народу и таким образом стать в новом качестве достоянием нормативного литературного языка. Основной смысл нормализаторской работы в области терминологии заключается именно в этом» [9, с. 145].

Основная цель работы – выявление и определение состава, значения, способов образования и перевода терминов, обозначающих названия костей человека. Объектом исследования являются термины, обозначающие названия костей в якутском языке. Предмет исследования – структура, семантика, способы образования и перевода терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке. Основным методом исследования мы

выбрали индуктивно-дедуктивный метод, т.е. работа по словарю – выборка и анализ материала. Сначала производится репрезентативная выборка терминологического материала. Нами детально проанализированы около 250 терминов, обозначающих названия костей. В работе также применены системно-структурный и системно-функциональный методы. С их помощью выявлены план выражения и план содержания состава, значения, терминообразующие средства и способы перевода терминов, обозначающих названия костей. Материалом исследования послужил «Словарь анатомических терминов» П.С. Тумусова (П. Тарабай) «Киһи Аан Туома. Анатомия человека. Human anatomia (первая книга)» [10].

Терминологическая работа в якутском языке

Как считают ученые, каждые 25 лет число научных отраслей удваивается. И каждой научной отрасли, каждой дисциплине нужна своя научная терминология. Ежегодно увеличивается число диссертационных исследований по терминологии, а также выпуск специальных словарей. В настоящее время терминография стоит отдельно от общей лексикографии и обосновалась как обособленная и самостоятельная научная дисциплина. Как отмечает С.В. Гринев-Гриневиц, «предметом терминографии следует считать разработку методологии и конкретных приемов составления специальных словарей, а наиболее важными задачами – разработку принципов классификации и типологии терминологических словарей, определение научно обоснованных принципов отбора специальной лексики для отдельных типов терминологических словарей, а также установление единых принципов наиболее эффективного описания (толкования, перевода и т.д.) и представления терминологической лексики в специальных словарях» [4]. Теоретической базой терминографии является терминоведение [5].

В якутском языке терминология и терминография тоже имеет свою историю. Начинается она с терминоведческой работы 30-х гг., которую начали П.А. Слепцов-Ойунский, А.А. Иванов-Кюндэ, Г.В. Баишев-Алтан Сарын и др.

Как известно, вся наука группируется традиционно по трем разновидностям: а) естественные науки; б) общественные (гуманитарные) науки; в) научно-технические науки. В якутском языке есть терминографические словари по всем этим отраслям знаний. Якутские терминологические словари по составу подразделяются на многоотраслевые и одноотраслевые словари. А по типу – на инвентаризационные и интерпретационные.

Инвентаризационный тип словарей охватывает все слова-термины, принадлежащие данной области знания или ее тематическому фрагменту. К такому типу словарей в якутском языке относятся десять с лишним словарей. Среди них «Русско-якутский терминоорфографический словарь» П.А. Ойунского (содержит 13 тысяч слов терминов). Этот словарь был сделан П.А. Ойунским как приложение к его научной работе «Якутский язык и пути его развития» (1935 г.) [6].

К интерпретационному типу терминологических словарей относятся такие словари, где к словам-терминам дается краткое толкование (дефиниция). Дефиниция обязательно должна быть не очень длинной, но точной, кратко передавать значение термина. В якутском языке вышли следующие терминологические словари интерпретационного типа: поэтический (1976), лингвистический (1977), географический (1993), научно-технический в двух томах (1994), физический (1997), математический (1998), астрономический (1998), химический (2000), экологический (2001), психологический (2-е издание. 2006) и др. Эти словари в основном предназначены для средних общеобразовательных, профессионально-средних и частично высших школ. Как было отмечено выше, значение термина передается в них путем краткой дефиниции, которая ему приписывается.

За последнее время (2013-2014) вышел ряд русско-якутских терминологических словарей по следующим отраслям: история, делопроизводство, местное самоуправление, менед-

жмент, лингвистика, обществознание. В электронном варианте вышли словари по технологии, национальной культуре, географии, биологии.

В настоящее время перед якутскими терминологами стоит задача исследования вопросов лексико-семантического терминообразования. Как известно, термины образуются с помощью как продуктивных, так и непродуктивных аффиксов. Они могут присоединяться к глагольным и именным основам. Термины также могут быть образованы от словосочетаний. До сих пор преобладает образование терминов путем калькирования. Популярными способами остаются способы образования терминов путем терминологизации отыменных прилагательных, причастий и др.

Значение протерминов в русско-якутском переводе

До начала 90-х годов (период возрождения национальной культуры народа) огромные пласты якутской лексики, обозначающие религиозные, материальные, духовные и другие исторические реалии, считались архаизированными. Их называли «историзмами». Архаическая лексика обозначала реалии и понятия жизни якутов, считалась устаревшим и отжившим. Обреченность его предопределялась вполне объективными с тогдашней точки зрения причинами, вытекающими из социалистической природы существовавшей системы. Между тем народная терминология, профессиональные слова были связаны с эстетическими и выразительными средствами языка и нестандартным складом творческого мышления якутского народа. В древности у якутов каждая отрасль занятий имела свою лексику, они были знакомы лишь узкому кругу людей. Например, народные целители, кузнецы, шаманы, охотники и другие ремесленники имели только им известный «специализированный» язык, выполнявший в свое время роль терминов. Но со временем под влиянием тоталитарного режима, русификации и других причин такие специализированные слова потеряли терминологичность и не архаизировались. Однако, такие архаизированные слова не утратились безвозвратно, они до сих пор существуют в тайниках материальной и духовной культуры народа и в любое время могут возвратиться в активную лексику.

Термины, обозначающие кости человека в якутском языке составляют в основном устаревшие слова. Как отмечает терминолог Е.И. Оконешников, «самые ценные исконные лексико-семантические пласты, составляющие основной словарный фонд национального языка оказывались «устаревшими» или утратившими свою функциональную активность. В новых исторических условиях предстоит совместная кропотливая работа лингвистов и специалистов в областях различных наук по возрождению и упорядочению донаучных протерминов различных лексико-семантических групп. Отвергнутое и забытое должно быть возвращено народу. Это подчеркивали и первые якутские терминологи П.А. Ойунский, А.А. Иванов-Кюндэ и в особенности Г.В. Баишев-Алтан Сарын» [8, с. 44-84.].

Структура терминов, обозначающих названия костей в якутском языке

Анатомическая номенклатура (*nomina anatomica*; лат. *nomenclatura* – список, перечень) – систематический перечень анатомических терминов. Различают международную (на латинском языке) и национальные (на английском, русском, немецком и других языках) анатомические номенклатуры. Выделяют: Анатомическая номенклатура Базельская (*Baseler Nomina Anatomica*; *BNA*) – первый международный перечень анатомических терминов, принятый в 1895 г. в Базеле на съезде Немецкого анатомического общества. В его основу положены термины, указывающие направление, отношение и положение частей тела применительно к человеку, находящемуся в вертикальном положении; Анатомическая номенклатура Йенская (*Jenaer Nomina Anatomica*; *JNA*) – перечень анатомических терминов, принятый в 1935 г. в Йене на съезде Немецкого анатомического общества. Анатомическая номенклатура Йенская международного одобрения не получила, поскольку составлена применительно к положению тела четвероногих животных; Анатомическая номенклатура

Парижская (Parisiana Nomina Anatomica; PNA) – действующий международный перечень анатомических терминов, принятый в 1955 г. в Париже на VI Международном конгрессе анатомов, разработанный на основе Базельской анатомической номенклатуры; является основой русской анатомической номенклатуры» (Источник: <http://www.neboleem.net/terms-anatomicheskajanomenklatura.php>).

Научных названий костей человека очень много. Например: «Acetabulios (quartumsoxaeos), кость вертлужной впадины – добавочная кость, образующаяся у верхнего края вертлужной впадины между подвздошной и лобковой костями, Acromialeos, акромиальная кость, кость плечевого отростка – добавочная кость, расположенная у акромиона и иногда сочленяющаяся с ним посредством сустава, Astragalus, надпяточная кость, Atlas (PNA, BNA, JNA), атлант – 1-й шейный позвонок, сочленяющийся с 12 затылочной костью черепа, Auditusossicula (PNA, BNA; tympanioossicula, JNA), слуховые косточки – общее название трех небольших костей (молоточка, наковальни и стремени), расположенных в барабанной полости, Axis (PNA; epistropheus, BNA, JNA), осевой позвонок – 2-й шейный позвонок, Basilareos (BNA; sphenooccipitale), клиновидно-затылочная кость совокупность сросшихся (к 18-20 годам) клиновидной и затылочной костей, Brachiiios (JNA), плечевая кость, Bregmaticus, брегматическая кость, Calcaneus (PNA, BNA, JNA), пяточная кость – кость стопы, расположенная в проксимальном отделе предплюсны; сочленяется с таранной, кубовидной и ладьевидной костями, Calcaneussecundarius, вторая пяточная кость – добавочная кость предплюсны, образующаяся между пяточной, ладьевидной и кубовидной костями, Capitatumos (PNA, BNA, JNA), головчатая кость – кость дистального ряда запястья, расположенная между крючковидной и трапециевидной костями и др.» [3].

Названия терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке по составу мы классифицировали следующим образом:

Простые термины (состоящие из одного компонента): Третий шейный позвонок *Мойуос*, 4 и 5 грудные позвонки вместе с ребрами *Көтүрүөс*, 6 и 7 грудные позвонки вместе с ребрами *Хоннуо*, 7, 8, 9 грудные позвонки вместе с ребрами *Дарама*, Шейный лордоз *Арбас*, Грудной кифоз *Кэбэ*, Поясничный лордоз *Хонхо*, Крестцовый кифоз *Куму*, 1, 2, 3, 4, 5 поясничные позвонки *Намылдьыар*, Грудная клетка *Агда*, Клиновидный клюв, рострум *Тэҥсик*, Улитка (внутреннее ухо) *Кулугу*, Полулунная расщелина *Марба*, Большой решетчатый пузырек *Кэҥсик*, Наивысшая носовая раковина *Мунну*, Средняя носовая раковина *Тансай*, Нижняя носовая раковина *Хансыа*, Верхняя челюсть *Хаансаар*, Подбородочный выступ *Сэҥийэ*, Ветвь нижней челюсти *Талкынны*, Внутреннее основание черепа *Хачыама*, Полость носа *Мурун*, Нижний носовой ход *Тыбыыраар*, Лямбда *Чохойо*, Клиновидный родничок *Чэчэгэй*, Лопатка *Лаппаахы*, Ключица *Хомурбан*, Запястье *Бэгэччэк*, Крестцово-тазовая поверхность *Самыта* и др.

Составные термины (состоящие из двух и более компонентов).

Состоящие из двух компонентов: Шейные позвонки *Моой тонобоһо*, Затылочный мыщелок *Куонньай сүһүөбэ*, Атлант, первый шейный позвонок *Кыыс Хоолдьук*, Осевой позвонок, второй шейный позвонок *Уол Хоолдьук*, Крестец *Кургул Хонкучах*, Кости черепа *Чөмчөкө унуохтара*, Затылочная кость *Кэтэх хаппаба*, Большое отверстие *Сүннү үүтэ*, Интион *Кэтэх сүгэтэ*, Затылочная площадка *Чой орой*, Клиновидная кость *Чөмчүүк унуох*, Тело клиновидной кости *Лобуй ыҥгырдааба*, Гипофизарная ямка *Чөм чүөмпэлээбэ*, Спинка седла *Чөкө унуох*, Мозговая поверхность *Мэйиш олобо*, Височная кость *Чабырбай унуоҕа*, Пирамида *Кулбай унуоҕа*, Затылочный край *Кэтэх сиигэ*, Внутреннее слуховое отверстие *Истэр үүт*, Барабанная перепонка *Кулгаах сарыыта*, Наружный слуховой проход *Кулгаах үүтэ*, Скуловой отросток *Чанчык унуоҕа*, Теменная кость *Төбө хаппаба*, Теменной бугор *Орой чойо*, Лобная кость *Сүүс унуоҕа*, Лобный бугор *Сүүс муоһа*, Над-

бровная дуга *Хаас бүүрүгэ*, Глабелла *Сүүс ойбоно*, Скуловой отросток *Кынчыа унуох*, Носовая ость *Мурун төрдө*, Носовой край *Кэнэриш сабата*, Решетчатые отверстия *Кэнэриш көмүрүөтэ*, Решетчатая вырезка *Мурун сарыыта*, Петушинный гребень *Хомпо унуох* и др.

Состоящие из трех компонентов: Второй грудной позвонок со вторым ребром *Тулаайахтаах Арбана тонобос*, Третий грудной позвонок с третьим ребром *Дакдакалаах Дьарбаа тонобос*, Грудина *Бүдүргэй өнгүргэс унуох*, Рукоятка грудины *Уолук өнгүргэс ыпсыыта*, Затылочная чешуя *Кэтэх хаппабын хатырхайа*, Турецкое седло *Ынгыырдаах сис миинньэрдээбэ*, Слепое отверстие глабеллы *Көрбүөччү харах ситимэ*, Слезная кость *Харах эмэхэтин унуоҕа*, Носовая кость *Туос хонгоруу унуоҕа*, Глазничная поверхность *Харах көмүскэтин олоҕо* и др.

Состоящие из четырех и более компонентов: Большое крыло клиновидной кости *Ынгыырдаах туос кынат унуохтара*, Сосцевидный 14 отросток *Кулгаах таас төттүкэ унуоҕа*, Ушная раковина *Кулгаах тас өнгүргэс таллата*, Альвеолярные отверстия *Хаан тымырдарын уонна чааба тымырбалларын үүттэрэ*, Верхнечелюстная расщелина *Хаансаар ингин куолабайын сабаланар айаба*, Передняя черепная ямка *Хачыама дьулай диэки өттө*, Средняя черепная ямка *Хачыама орой диэки өттө*, Задняя черепная ямка *Хачыама кэтэх диэки өттө*, Носослезный канал *Харах эмэхэтин күнкүс сүллүүтэ*, Клювовидный отросток *Сарын кэбэ уол унуоҕа* и др.

По **морфологическому составу** терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке мы выявили:

Субстантивные термины: 4 и 5 грудные позвонки вместе с ребрами *Көтүрүүс*, 6 и 7 грудные позвонки вместе с ребрами *Хоннуу*, 7,8, 9 грудные позвонки вместе с ребрами *Дарама*, Шейный лордоз *Арбас*, Грудной кифоз *Кэбэ*, Поясничный лордоз *Хонхо*, Крестцовый кифоз *Куму*, Грудная клетка *Агда*, Клиновидный клюв, рострум, *Тэнсик* о.д.а. К субстантивации иногда подвергаются причастия: Верхний носовой ход *Хансарыйар*, Нижний носовой ход *Тыбыылар*, Верхняя апертура таза *Көлбөрүйэр*, Нижняя апертура таза *Ахталыйар*.

Термины, образованные с помощью аффикса принадлежности: Крестцовотазовая поверхность *Самыыта*.

Простой изафет: Шейные позвонки *Моой тонобоһо*, Затылочный мышцелок *Куонньай сүһүөбэ*, Ямочка на шее над ключицами *Уолук үүтэ* и др.

Сложный изафет: Затылочная чешуя *Кэтэх хаппабын хатырхайа*, Глазничная поверхность *Харах көмүскэтин олоҕо*, Головка пястной кости *Ытыс унуоҕун табабайа* и др.

Термины, образованные простым примыканием: Атлант, первый шейный позвонок *Кыыс Хоолдьук*, Осевой позвонок, второй шейный позвонок *Уол Хоолдьук*, Клиновидная кость *Чөмчүүк унуох* и др.

Термины, образованные примыканием и изафетом: Турецкое седло *Ынгыырдаах сис миинньэрдээбэ*, Слепое отверстие глабеллы *Көрбүөччү харах ситимэ*, Шейка лопатки *Чаккылаах ии модьобото*, Лобная чешуя *Сүүс туос унуоҕа*, Базилярная норма *Хачыама чөл быһыыта*, Лучевая кость *Хары утах унуоҕа* и др.

Способы терминообразования терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке

Словарный состав любого языка богат настолько, насколько в этом имеется общественная необходимость. Как отмечает Е.И. Оконешников, «В теоретическом плане считается, что между словом (знаком) и предметом (денотатом) не существует обязательной естественной зависимости, поэтому распределение значений между словами не подчинено каким-либо строгим правилам. Имеются различия в распределении понятий и по уровням языковой структуры. То, что в одном языке выражается только лексически, в другом может передаваться грамматически (например, аффиксами). Многозначные слова в двух языках

не могут совпадать во всех значениях, потому что структура полисемии в каждом языке оригинальна» [7, С. 28].

В терминах, обозначающих названия костей человека в якутском языке мы выявили следующие способы терминообразования:

1. **Терминологизация общеупотребительных слов:** Шейные позвонки *Моой тонобоһо*, Шейный лордоз *Арбас*, Грудная клетка *Агда*, Большое отверстие *Сүннүү үүтэ*, Мозговая поверхность *Мэйиш олобо*, Височная кость *Чабырбай унуоҕа*, Затылочный край *Кэтэх сиигэ*, Барабанная перепонка *Кулгаах сарыыта* и т.п.

2. **Перенос значения:** Затылочная кость *Кэтэх хаппаҕа*, Затылочный край *Кэтэх сиигэ*, Теменная кость *Төбө хаппаҕа*, Лобный бугор *Сүүс муоһа*, Надбровная дуга *Хаас бүүрүүгэ*, Слезная кость *Харах эмэхтин унуоҕа*, Локтевой отросток *Тонгонох хаппаҕа* и т.п.

3. **Метафорические образования:** Атлант, первый шейный позвонок *Кыыс Хоолдьук*, Осевой позвонок, второй шейный позвонок *Уол Хоолдьук*, Головка мышелка плечевой кости *Токуйаа уол унуох*, Блок плечевой кости *Тобойоо кыыс унуох* и т.п. Сюда же относятся термины, образованные по внешнему сходству или по аналогии: Инион *Кэтэх сүгэтэ*, Клиновидная кость *Чөмчүүк унуох*, Тело клиновидной кости *Лобуй ынгыырдааҕа*, Большое крыло клиновидной кости *Ынгыырдаах туос кынат унуохтара*, Глабелла *Сүүс ойбоно*, Копчик (из 5 костей без названия) *Кутурук* и т.п.

4. **Терминологизация архаизированной лексики:** Затылочный мышелок *Куоннай сүһүбэ*, Поясничные лордоз *Хонхо*, Крестцовый кифоз *Куму*, Клиновидный клюв, ро-струм *Тэнсик*, Ветвь нижней челюсти *Талкынны* и т.п.

5. **Форма принадлежности:** Крестцово-тазовая поверхность *Самыыта*. Изафет: Кости позвоночника *Сис тонобоһо*, Шейные позвонки *Моой тонобоһо*, Гипофизарная ямка *Чөм чөөмпэлээбэ*, Сосцевидный отросток *Кулгаах таас төттүкэ унуоҕа* и т.п.

6. **Транскрипция:** Лопатки *Лаппаахы*, Копчик *Куопчук*.

3. **Формы множественности:** Большое крыло клиновидной Кости *Ынгыырдаах туос кынат унуохтара*, Альвеолярные отверстия *Хаан тымырдарын уонна чааба тымырбалларын үүттэрэ*, Альвеолярные каналы *Куолабай үүттэрэ*, Пальцевые вдавления *Мэйиш олобун дьураалара*, 1-5 пястные кости *Ытыс бэһийэх унуохтара*, Кости пальцев фаланги *Тарбах унуохтара*, 1-5 плюсовые кости *Уллунах унуохтара*.

8. **Парадигматика.**

8.1. **Синонимия:** Пояс нижней конечности *Өттүк унуохтара (хонгучах, икки таас унуохтар)*, Копчик (из 5 костей без названия) *Кутурук (Кумутар, Күндэли, Кундуулук, Куо-куну, Куопчук)*, Первый грудной позвонок с первым ребром, вырезка грудной клетки *Нөмөй унуохтаах Арбас тонобоһо*, Агда үүтэ, Малоберцовая кость *Сыабай, Сото утах унуоҕа*.

8.2. **Омонимия:** Вертлужная впадина *Өттүк чааккылааҕа*, Кубовидная суставная поверхность *Тилэх харчылаах унуобун чааккылааҕа*, Центральная кость *Ингээн харчылааҕа*, Ладьевидная кость *Бүкүчээк харчылааҕа*, Полулунная кость *Кэчээк харчылааҕа*, Трехгранная кость *Чэкээ харчылааҕа*, Костьтрапеция *Эрбийэ харчылааҕа*, Трапецевидная кость *Чөмү харчылааҕа*, Головчатая кость *Ортоку харчылаах*, Крючковидная кость *Чынгыйа харчылааҕа*, Ладьевидная кость *Ыбылах харчылааҕа*, Клиновидная кость *Эрбэх харчылааҕа*, Промежуточная клиновидная кость *Чомой харчылааҕа*, Кубовидная кость *Чынгыйа харчылааҕа*.

8.3. **Антонимия:** Атлант, первый шейный позвонок *Кыыс Хоолдьук* – Осевой позвонок, второй шейный позвонок *Уол Хоолдьук*; Затылочная кость *Кэтэх хаппаҕа* – Большое отверстие *Сүннүү үүтэ*; Клювовидный отросток *Сарын кэбэ уол унуоҕа* – Блок плечевой кости *Тобойоо кыыс унуох*; Межмышцелковая ямка *Тобук сүһүбүн Кыыс угаала* – Медиальный мышелок *Тобук сүһүбүн Уол унуоҕа*; Гребень большого бугорка *Онкумал унуобун улахан хонгоруута* – Гребень малого бугорка *Онкумал унуобун кыра хонгоруута*.

Перевод терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке

Как пишет Оконешников Е.И., «Коренной вопрос инвентаризационных терминологических словарей – это вопрос о переводе заглавного термина. Многие составители не различают терминографический перевод от текстового (свободного) перевода. Терминографический перевод зависит не от контекста, как при свободном переводе, а от терминологического поля, где термин получил свое терминологическое значение» [8, с. 55]. В русско-якутском переводе терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке, можно выделить следующие способы перевода:

Общепринятый лексикографический перевод: Шейные позвонки *Моой тонобоһо*, Копчик (из 5 костей без названия) *Кутурук*, Грудная клетка *Агда*, Коленный сустав *Тобук сүһүөбэ*, Кости черепа *Чөмчөкө унуохтара*, Мозговая поверхность *Мэйиһи олобо*, Височная кость *Чабырбай унуоҕа*, Затылочный край *Кэтэх сиигэ*, Наружный слуховой проход *Кулгаах үүтэ*, Лобная кость *Сүүс унуоҕа*, Лобный бугор *Сүүс муоһа*, Носовая ость *Мурун төрдө*, Носовой край *Кэнэриһи саҕата*, Резцовая кость *Кэрбэн унуох*, Небная кость *Хос тангалай унуох*, Скуловая кость *Иэдэс унуоҕа*, Нижняя челюсть *Алын сынгаах*, Височная ямка *Чэчэгэй үүтэ*, Полость носа *Мурун*, Глазница *Харах олобо*, Ключица *Хомурбан*, Локтевая кость *Хары унуоҕа*, Запястье *Бэгэччэк*, Кости пальцев фаланги *Тарбах унуохтара*, Тазовая кость *Таас унуох*, Предплюсна *Бэрбээкэй*, Кости пальцев *Тарбах унуохтара* и др.

Смешанный перевод (одна часть – лексикографический перевод, другая – окказионализм): Первый грудной позвонок с первым ребром, вырезка грудной клетки *Нөмөй унуохтаах Арҕас тонобоһос*, *Агда үүтэ*. Второй грудной позвонок со вторым ребром *Тулай-ахтаах Арҕана тонобоһос*, Третий грудной позвонок с третьим ребром *Дагдакалаах Дьарбаа тонобоһос*, Затылочная кость *Кэтэх хаптаа* и др.

Межъязыковое соответствие: Третий шейный позвонок *Мойуос*, 4 и 5 грудные позвонки вместе с ребрами *Көтүрүөс*, 6 и 7 грудные позвонки вместе с ребрами *Хоннуо*, 7,8, 9 грудные позвонки вместе с ребрами *Дарама*, Грудной кифоз *Кэбэ*, Поясничный лордоз *Хонхо*, Крестцовый кифоз *Күму*, Инион *Кэтэх сүгэтэ*, Клиновидная кость *Чөмчүүк унуох*, Тело клиновидной кости *Лобуй ынгыырдааба*, Полулунная расщелина *Марба*, Слезный отросток *Чочоох унуох*, Ветвь нижней челюсти *Талкынныы*, Верхний носовой ход *Хансарыйар* и др.

Транскрипция: Лопатка *Лаппаахы*, Копчик *куопчук*.

Перевод с элементами описания: Грудина *Бүдүргэй Өнүргэс унуох*, Рукоятка грудины *Уолук өнүргэс ытсыыта*, Ушная раковина *Кулгаах тас өнүргэс таллата*, Альвеолярные отверстия *Хаан тымырдарын уонна чааба тымырбалларын үүттэрэ*, Верхнечелюстная расщелина *Хаансаар ингин куолабайын саҕаланар айаба* и т.п.

Частичное калькирование: Турецкое седло *Ынгыырдаах сис миинньэрдээбэ* (седло – ынгыыр); Большое крыло клиновидной кости, *Ынгыырдаах туос кынат унуохтара* (крыло – кынат).

Лексическое значение терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке

Часть терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке, фиксирована в лексикографических источниках, даны их полнзначные толкования. Но в виде вокабулы представлено не полное наименование, а один из компонентов. Например, в Большом толковом словаре якутского языка и в Якутско-русском словаре включены следующие термины:

Затылочный мышцелок Куонньай сүһүөбэ.

КУОННЬАЙ – эпистрофей (второй шейный позвонок) [1, с. 496].

Атлант, первый шейный позвонок Кыыс Хоолдьук.

ХООЛДЬУК. 1) первый шейный позвонок (у человека и животного); 2) шея в области первого позвонка – диэн тылбаастамыт [11, с. 170].

Первый грудной позвонок с первым ребром, вырезка грудной клетки Нөмөй унуохтаах Арбас тонобос, Агда үүтэ.

НӨМӨЙ – окологрудный жир, место около грудной кости (у скота) [2, с. 208].

4 и 5 грудные позвонки вместе с ребрами Көтүрүөс.

КӨТҮРҮӨС – верхние короткие ребра с мясом, грудинка (при разделывании туши их отделяют вместе с передними ногами [1, с. 402])

6 и 7 грудные позвонки вместе с ребрами Хоннуу.

ХОННУО – жир на передних ребрах хоннуу; ат хоннуотун сууйбут лошадь сильно их худала. [11, с. 409].

Как видно, некоторые толкования не совпадают со значением анатомического термина. Терминологи отмечают, что этим и отличаются термины от слов общего языка. Термины существуют только в семантическом поле определённой терминологии, то есть входят в конкретную лексическую систему языка, но лишь через определённую терминологическую систему. Термины не связаны с контекстом. В пределах определённой системы понятий термин должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным.

Заключение. Основу статьи составляют терминографический материал, фиксированный в терминологическом словаре анатомических терминов «Киһи Аан Туома. Анатомия человека. Human anatomia (первая книга)» (2007). Термины, фиксированные в данном словаре, представляют достаточно богатый и добротный материал для постановки их лингвистического обоснования. Термины, обозначающие кости человека в якутском языке образованы на базе собственных ресурсов якутского литературного языка и являются протерминами.

Среди анатомических терминов, обозначающих кости человека в якутском языке по составу выделяются: 1. Простые термины (состоящие из одного компонента) 2. Составные термины (состоящие из двух и более компонентов): состоящие из двух компонентов; состоящие из трех компонентов; состоящие из четырех и более компонентов. Среди них преобладают термины, состоящие из двух компонентов.

По морфологическому составу терминов, обозначающих названия костей человека в якутском языке мы выявили: субстантивные термины; термины, образованный по аффиксу принадлежности; по изафету – простому и сложному; по примыканию; по примыканию и изафету.

В образовании анатомических терминов, обозначающих кости человека в якутском языке, задействованы все терминообразующие средства, существующие в якутском языке: терминологизация общепотребительных слов; перенос значения; метафорические образования; терминологизация архаизированной лексики; форма принадлежности: изафет; транскрипция; формы множественности; парадигматика: синонимия; омонимия; антонимия. Преобладает при этом терминологизация архаизированной лексики.

В переводе анатомических терминов, обозначающих кости человека на якутский язык применены следующие способы: общепринятый лексикографический перевод; смешанный перевод (одна часть – лексикографический, другая – окказионализм); межъязыковое соответствие; транслитерация; перевод с элементами описания; частичное калькирование. При этом преобладают межъязыковые соответствия.

Как утверждают многие якутские терминологи, термины якутского языка в настоящее время находятся на начальном этапе стабилизации. Что касается анатомических терминов, то они находятся сейчас на уровне упорядочения. В статье обосновывается вывод о том, что якутский язык обладает реальными народными анатомическими терминами. А также подтверждается вывод о том, что якутская терминология формируется как функциональ-

ная разновидность общенародного языка. Они могут пополнить лексику якутского языка. Большой арсенал анатомических якутских терминов реализованы пока далеко не в полной мере.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 13 т. Т 4: Буква К / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 13 т. Т 6: Буквы Л, М, Н / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.
3. Борисевич А.Н., Ковешников В.Г., Роменский О.Ю. Словарь терминов и понятий по анатомии человека. – М.: Высшая шк., 1990. – 272 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию. Изд 3, допол. – М.: Книжный дом «Либреком», 2009.
5. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. – М.: Книжный дом «Либреком», 2009.
6. Ойунский П.А. Якутский язык и пути его развития» (1935г.)
7. Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка : (на материале общей и отраслевой лексикографии) : специальность 10.02.02 «Яз. народов Рос. Федерации (якут. яз.)» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / Оконешников Егор Иннокентьевич ; [Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я)]. – Якутск, 2005. – 52 с.
8. Оконешников Е.И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии. – Якутск, 2015.
9. Слепцов П.А. Якутский литературный язык : формирование и развитие общенациональных норм / П. А. Слепцов ; отв. ред. Е. И. Коркина ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – Новосибирск : Наука, 1990. – 273, [3] с.
10. Тумусов П.С. (П. Тараҕай) Киһи Аан Туома. Анатомия человека. Human anatomia (первая книга). – Якутск: Октаэдр, 2007. – 264 с.
11. Якутско-русский словарь. 25300 слов. (Под ред. П.А. Слепцова). – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn Byhaaryyлаах Улахан тылд'ыта: в 13 т. Т 4: Буква К / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 672 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn Byhaaryyлаах Улахан тылд'ыта: в 13 т. Т 6: Буквы L, M, N / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 519 s.
3. Borisevich A.N., Koveshnikov V.G., Romenskij O.Ju. Slovar' terminov i ponjatij po anatomii cheloveka. – M.: Vysshaja shk., 1990. – 272 s.
4. Grinev-Grinevich S.V. Vvedenie v terminografiju. Izd 3, dopol. – M.: Knizhnyj dom «Librekom», 2009.
5. Lejchik V.M. Terminovedenie. Predmet, metody, struktura. – M.: Knizhnyj dom «Librekom», 2009.
6. Ojunsij P.A. Jakutskij jazyk i puti ego razvitija» (1935g.)
7. Okoneshnikov E.I. Lingvisticheskie aspekty terminologii jakutskogo jazyka : (na materiale obshhej i otraslevoj leksikografii) : special'nost' 10.02.02 «Jaz. narodov Ros. Federacii (jakut. jaz.)» : avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra filol. nauk / Okoneshnikov Egor Innokent'evich ; [In-t gumanitar. issled. AN RS(Ja)]. – Jakutsk, 2005. – 52 s.
8. Okoneshnikov E.I. Jazyk saha: problemy leksikografii i terminografii. – Jakutsk, 2015.
9. Slepcev P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk : formirovanie i razvitie obshhenacional'nyh norm / P. A. Slepcev ; отв. ред. Е. И. Коркина ; Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, Jakut. fil., In-t jaz., lit. i istorii. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 273, [3] s.
10. Tumusov P.S. (P. Tараҕай) Kihhi Aан Tuома. Anatomija cheloveka. Human anatomia (pervaja kniga). – Jakutsk: Oktajedr, 2007. – 264 s.
11. Jakutsko-russkij slovar'. 25300 slov. (Pod red. P.A. Slepцова). – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1972. – 608 s.

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

УДК 821.512.1573верев.09

Л. С. Ефимова, Е. В. Зверева

Предметный мир произведений С.А. Зверева-Кыыл Уола на примере произведения «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – дьабака)»

СВФУ им. М.К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье исследуется предметный мир в произведении С.А. Зверева-Кыыл Уола «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – дьабака)», рассмотрены мировоззренческие основы символов и знаков обрядовой шапки якутов – *дьабака*. Предметный мир в произведениях Зверева С.А. Зверева-Кыыл Уола имеет исключительное значение и представляет профессиональный интерес для исследователей. Содержательная сторона, семиотика фольклорных произведений Зверева могут быть восприняты как важный этнографический источник для изучения и ознакомления с коренным укладом жизни народа саха, обрядовой культурой, архаичной терминологией, связанных с вещным миром Зверева, которые предстоит решить. Определяется содержание понятия «предметный мир в фольклорных произведениях». Цель исследования – изучение предметного мира в творчестве С.А. Зверева-Кыыл Уола на примере деталей, вещей, предметов, встречающихся в фольклорном произведении «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – *дьабака*)». Методы исследования – сравнительно-сопоставительный, комплексный анализ текстов произведения «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – *дьабака*)», определение роли в них предметов. Источниками послужили текстовые материалы, публикации по данной теме, включая исследования, иллюстративные издания и альбомы по традиционной культуре народа саха. В результате исследования приходим к выводу, что, во-первых, подчёркивается значимость изучения предметного мира произведений С.А. Зверева-Кыыл Уола. В анализируемом произведении проводится сопоставление изображаемой шапки-дьабака с реальным описанием. Такое воспевание народного певца дает не только полную характеристику обрядовой шапки – *дьабака*, как она выглядела на самом деле, но и уклад жизни народа саха. Во-вторых, произведение выражает трепетное отношение певца к обрядовой культуре якутов. Шапка-дьабака якутов является главным элементом в атрибутике обрядовых действий, имеет символическое значение и подчеркивает социальный статус женщины.

ЕФИМОВА Людмила Степановна – д. филол. н., профессор, заведующая кафедрой «Культурология» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: ludmilaxoco@mail.ru

EFIMOVA Ludmila Stepanovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЗВЕРЕВА Евдокия Викторовна – ведущий методист Института геокультурного развития, аспирантка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: evd_viktorova@mail.ru

ZVEREVA Evdokia Viktorovna – leading methodologist, Institute of Geocultural Development, postgraduate student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ключевые слова: предметный мир; обрядовая культура; шапка – *дjabaka*; знаки и символы; текстология; традиционная одежда; песня; С.А. Зверев-Кыыл Уола, текстология.

L. S. Efimova, E. V. Zvereva

The objective world in the works of Sergei Zverev-Kyyl Uola: the case of his «Djabaka Song»

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article explores the objective world in the work of Sergei Zverev-Kyyl Uola «Djabaka Song (a song about the djabaka ceremonial hat)», the worldview foundations of the symbols and signs of the djabaka ceremonial hat of the Yakuts (Sakha) are considered. The objective world in the Zverev's works is of exceptional importance and is of professional interest to researchers. The content side, the semiotics of Zverev's folklore works can be perceived as an important ethnographic source for studying and getting acquainted with the indigenous way of life of the Sakha people, ritual culture, archaic terminology related to the material world of Zverev, which have to be solved. The content of the concept of «objective world in folklore works» is determined. The purpose of the study is to study the objective world in the work of Sergei Zverev-Kyyl Uola on the example of details, things, objects found in the folklore work «Djabaka Song (Song about the djabaka ceremonial hat)». The research methods are the comparative-contrasting, complex analysis of the texts of the work «Djabaka song (Song about the djabaka ceremonial hat)», determining the role of objects in them. The sources were the text materials, publications on this topic, including research, illustrative publications and albums on the traditional culture of the Sakha people. As a result of the study, we come to the conclusion that, firstly, the importance of studying the objective world of Sergei Zverev-Kyyl Uola. In the analyzed work, a comparison of the depicted hat – djabaka – with a real description is carried out. Such a chanting of a folk singer gives not only a complete description of the djabaka ceremonial hat, as it actually looked, but also the way of life of the Sakha people. Secondly, the work expresses the singer's reverent attitude to the ritual culture of the Yakuts. The djabaka hat of the Yakuts is the main element in the paraphernalia of ritual actions, has a symbolic meaning and emphasizes the social status of a woman.

Keywords: objective world; ritual culture; djabaka hat; signs and symbols; textology; сравнение; traditional clothing; song; Sergei Zverev-Kyyl Uola.

Введение

Предметный мир произведения представляет собой систему, соотносимую с реальностью, где входят вещи, созданные человеком. Вещь в фольклорном произведении выступает как элемент условного, художественного мира, присутствующий в жизни человека. Это может быть одежда, украшения, предметы интерьера и многое другое. Они составляют обыденную привычную сферу культурного быта и являются вещными сегментами. Под предметом мы имеем в виду некую целостность, природа которой может быть и материальной, и духовной. Он входит в тот круг реалий, который связан с культурой жизнеобеспечения, тем самым носит функциональную и семантическую роль.

Одежда во все времена – одно из важнейших средств характеристики определения не только эпохи и социальное положение, но и традиции, характер, вкусы, привычки народа.

У якутов одежда как неотъемлемая реалья человеческого существования имеет безграничное количество своих воплощений в культурных текстах. В старину традиционная одежда якутов, обладая семиотическим значением, была связана с обрядовой культурой (обряды, посвященные Верхним Божествам), которая являлась связывающим звеном человека с природой, с Высшими Божествами – *Айыты*, защищающими их от злых духов. Конусообразный силуэт якутской женской традиционной одежды, по мнению народного художника Якутии А.Н. Зверевой, повторяет конструктивную особенность якутского летнего жилища *ураха* и определяет общее композиционное построение, которое неразрывно связано с окружающим миром [Зверева 2016, с. 94]. В мифологии якутов *ураха* олицетво-

ряла связь с Высшими Божествами – *Айыты*. Такая форма одежды символизировала благополучие и процветание в представлениях древних якутов.

В произведениях народного певца, сказителя, охотника Сергея Афанасьевича Зверева – Кыыл Уола (1900-1973) предметный мир нередко перерастает свое обиходное, бытовое значение и обретает статус знаковой системы, символа, она становится не просто предметом, но и «художественным предметом», «носителем культуры народа саха».

В якутском фольклоре раньше широко были распространены произведения бытового характера. Образцами таких произведений у С.А. Зверева-Кыыл Уола могут послужить «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – *дьабака*)», «Кийиит сүктэн кэлиитэ (Въезд невесты)», «Салама тойуга (Песнь саламы)», «Уоттаах суорџан (Семейное одеяло)», «Алгыс ырыата (Песнь благословения)», «Баџах тойуга (Воспевание священного столба)», «Кыталык ырыата (Песня стерха)», «Туруйа ырыата (Песня журавля)», «Кэбэ ырыата (Песня кукушки)», «Быт ырыата (Песня о вше)», «Хаһаа ырыата (Песня про загон жеребят)», «Табаах ырыата (Песня про табак)», «Арыгы ырыата (Песня про водку)», «Аар харыйа ырыата (Песня священного еля)», «Тэһээтинэ ырыата (Песня десятины земли)», «Булаайах ырыата (Песня колотушки от шаманского бубна)», «Батас (Об оружии батас)», «Остуол тойуга (Застольная)» и др.

В данной статье мы рассмотрим предметный мир произведений С.А. Зверева – Кыыл Уола на примере произведения «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – *дьабака*)».

Варианты песни «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – *дьабака*)»

Песня была импровизацией в фольклорной традиции. Доктор культурологии Н.М. Калашникова определяет, что головной убор по социально-иерархической семантике образует единую знаковую систему, в которой, кроме эстетического и практического назначения, несет самую сложную смысловую нагрузку, являясь маркером половозрастной, социальной и этнической принадлежности [Калашникова 1990].

Шапка – *дьабака* по словарю якутского языка определяется как *џабакка*, *џабакка* – это высокая женская меховая шапка или *џабак(к)а бэргэсэ* – старинная женская высокая меховая шапка, изнутри и снаружи закрывающая уши. Э.К. Пекарский приводил аналогичные слова к слову *дьабака* как тюркское слово телеутского наречия *џабак* и русское слово *џибакъ*, *џебакъ* в значении «шапка» [Пекарский 1958, ст. 763].

Мы попытаемся рассмотреть устойчивость содержания и текстологии на основе сравнительно-сопоставительного, комплексного анализа текстов песен под разными названиями, изданными в разное время. Первый текст называется «Бэргэһэ ырыата (Песня о шапке)», второй текст «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – *дьабака*)». Два текста песен были опубликованы четыре раза. Полученные нами результаты и выводы подтверждают, что эти тексты составляют два варианта одной и той же песни (Таблица 1).

Первый полный вариант произведения со слов певца под названием «Бэргэһэ ырыата (Песня о шапке)» записал фольклорист А.А. Саввин в 1938 году во время вилюйской фольклорной экспедиции Научно-исследовательского института языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР (ныне Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН). Экспедиция впервые существенно пополнила архивный фонд Института фольклорными, языковыми и этнографическими материалами. Произведение было опубликовано Д.К. Сивцевым в 1977 году во второй части сборника «Саха народнай ырыалара (Якутские народные песни)». Оно состоит из 62 строк.

Таблица 1

	Дьабака ырыата // Хотугу сулус. – 1943. – Кин.5. – С. 8.	Дьабака ырыата (Аман өс: Ырыалар, тойуктар, поэмалар / Хомуйан онордо, редакциялаата Суорун Омоллоон. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вога, 1971. – С. 31-32)	Бэргэнэ ырыата (Саха народнай ырыалара. 2 ч., Якутск, 1977, С. 318-320)	Бэргэнэ ырыата (Зверев С.А.-Жыыл Уола. Сарсын, сарсын сарсыарда. Дьокуускай, 2000. – С. 86-87)
1	Сүүлэр сөмүйэ сүллүрдээбит,	1 Эгэй-угуй эрэ дуу!	1 Эгэй-угуй эрэ дуу!	1 Эгэй-угуй эрэ дуу!
2	Дьаарай тарбах таакайбыт,	2 Дьэһиэй эбэ хотун	2 сүллэр сөмүйэ сүллүрдээбит	2 Сүллэр сөлүйэ сүллүрдээбит
3	Эриэккэс илии тикпит,	3 Дьирбии-курбуу тыатыгар	3 Дьаарай тарбах такайбыт,	3 Дьаарай тарбах такайбыт,
4	Дьэ-буо!	4 Элэйбэккэ эмньигирбит	4 Эриэккэс илии тикпит,	4 Эриэккэс илии тикпит,
5	Дьэһэгэй эбэ хотун	5 Икки саастаах	5 Кинээс дьонум кэргэнин	5 Кинээс дьонум кэргэнин
6	Эриэккэс тыатыгар	6 Искэл үүс	6 Киэргэтэн кэпсэлгэ тахсыбыт	6 Киэргэтэн кэпсэлгэ тахсыбыт
7	Элэйбэккэ эмньигирбит,	7 Энкилэ суох түүтэ	7 Хааннаах, сэттээх	7 Хааннаах, сэттээх
8	Икки саастаах	8 Чүөччүрдээх төбөлөөх;	8 Хаан дьабака танаһым	8 Хаан дьабака танаһым
9	Искэл үүс	9 Эргэнэ хара тыа	9 Хайдах ханыыласпытын	9 Хайдах ханыыласпытын
10	Эриэккэс түүтэ	10 Эңсилгэннээх эрилгэнигэр	10 Араара туойан таһаардахха:	10 Араара туойан таһаардахха:
11	Чүөлчүрдээх төбөлөөх,	11 Эрчиллибит	11 Үллэр көмүс өрөһөлөөх,	11 Үллэр көмүс өрөһөлөөх,
12	Киистээх кириминньиктээх,	12 Эдэр сэйчээн чэчээтэ	12 Өрөгөй талаан сүүрүктээх	12 Өрөгөй талаан сүүрүктээх
13	Кириэсинэй миэрэлээх,	13 Эриэккэстээх;	13 Өлөөн өрүһүм өрөһөтүгэр,	13 Өлөөн өрүһүм өрөһөтүгэр,
14	Кириэстээх манньыаттаах,	14 Моркуоку өрүс	14 Үтүө күөх тыатыгар	14 Үтүө күөх тыатыгар
15	Кэтэрин саар	15 Модун булгунньаҕар мунугаабыт	15 Үрдүк мыраанын кэтэбэр,	15 Үрдүк мыраанын кэтэбэр,
16	Мэтириэтэ килбиэннээх,	16 Дьудун буобура буодьулаах;	16 Үс төгүрүк сылга	16 Үс төгүрүк сылга
17	Килбэйэр көмүс туһахтаах,	17 Элиэнэ эбэ хотун	17 Өнөрсүйэн үөскээбит	17 Өлөрсүйэн үөскээбит
18	Дьэ-буо!	18 Энэр сиһигэр изнигийбит	18 Үтүө көрөр дьүһүннээх	18 Үтүө көрөр дьүһүннээх
19	Эргэни хара тыа	19 Эгэй киис тириитэ кэтэхтээх;	19 Өнөр үүһүм өрөһөтүн	19 Өнөр үүһүм өрөһөтүн
20	Эңсилгэннээх эрилгэнигэр	20 Тобус үрэххэ	20 Өрө тигэн кэбиспит	20 Өрө тигэн кэбиспит

21	Эрчиллибит	21	Муохтаан сизн мунгутаабыт,	21	Чүөччэдээх төбөлөммүт.	21	Чүөччөрдээх төбөлөммүт.
22	Эдэр сэйчээн чэчээтэ	22	Сэттэ үрэххэ	22	Хамчаакы өрүһүм	22	Хамчаакы өрүһүм
23	Эриэккэстээх.	23	Сиибиктэлээн сизн	23	Ханыл хара тыатыгар,	23	Ханыл хара тыатыгар,
24	Моркуоку өрүс	24	Сирэлийбит	24	Хаар маҕан дойдутугар	24	Хаар манган дойдутугар
25	Модун булгуннаҕар мунгутаабыт	25	Сэттэлээх тыһы кычытар	25	Ханыылаһан үөскээбит	25	Ханыылаһан үөскээбит
26	Улаан буобура буодулаах,	26	Кымньыылаах	26	Хара саарба харгымын түүтэ	26	Хара саарба харгымын түүтэ
27	Элиэнэ эбэ хотун	27	Тараһатын сарыыта	27	Кэтэхтэнэн тигиллибит.	27	Кэтэхтэнэн тигиллибит.
28	Эриэккэс сииһигэр эмньигирбит.	28	Чиркэ-тимир баайардаах;	28	Моркуоку өрүһүм	28	Моркуоку өрүһүм
29	Эгэй киис тириитэ кэтэхтээх,	29	Үс тутум	29	Модун буоругар	29	Модун буоругар
30	Тоҕус үрэххэ	30	Кыһыл сукуна киистэлээх,	30	Моһуок таас хайатыгар	30	Моһуок таас хайатыгар
31	Муохтаан сизн мунгутаабыт,	31	Кириэстээх манньыаттаах,	31	Буор булгуннаһын быһыһгар	31	Буор булгуннаһын быһыһгар
32	Сэттэ үрэххэ	32	Килбэгир көмүс туоһахтаах,	32	Булууда көмүс мууһугар	32	Булууда көмүс мууһугар
33	Сиибиктэлээн сизн	33	Кийиит кыыска аналаах,	33	Уон төгүрүк сылга	33	Уон төгүрүк сылга
34	Сирэлийбит,	34	Хатын дыаһтарга хабааннаах,	34	Мунгутаан, туоллан үөскээбит	34	Мунгутаан, туоллан үөскээбит
35	Сэттэлээх тыһы кычытар	35	Сүллэр сөмүйэ сүллүрдээбит,	35	Дьудун буобура буодууламмыт	35	Дьудун буобура буодууламмыт
36	Кымньыылаах	36	Дьаарай тарбах такайбыт,	36	Дьэһиэй эбэ хотунум	36	Дьэһиэй эбэ хотунум
37	Тараһатын сарыыта	37	Эриэккэс илии тикпит	37	Дьэллик киэн тыатыгар	37	Дьэллик киэн тыатыгар
38	Чиркэ тимир баайардаах,	38	Хан дьабака бэргэһэ	38	Чэгийн эмньик сиригэр	38	Чэгийн эмньик сиригэр
39	Үс тутум кыһыл сукуна киистэлээх,	39	Ханыыланан бүппүтэ үһү,	39	Чэл күөх ойууругар	39	Үөл күөх ойууругар
40	Дьэ-буо!	40	Доботтоор?..	40	Сэттэ төгүрүк сылга	40	Сэттэ төгүрүк сылга
41	Улуу тиит			41	Чэбдигирэн үөскээбит	41	Чэбдигирэн үөскээбит
42	Туорааҕар торолуйбут,			42	Эдэр сизгэн тириитэ	42	Эдэр сизгэн тириитэ
43	Хааннаах-сэттээх			43	Чэчээ буурай кытыыламмыт.	43	Чээгэ буурай кытыыламмыт.
44	Хаан дьабака таһас			44	Олоохуна өрүһүм	44	Олоохуна өрүһүм

45	Ханбылланан бүшпүтэ үһү.		45	Улуу хоонсоор тумулулар	45	Улуу хоонсоор тумулулар
			46	Оһуордаах булгунһабаар	46	Оһуордаах булгунһабаар
			47	Туораахтаан сиэн торолуйбут	47	Туораахтаан сиэн торолуйбут
			48	Тоһус торгук хара тииним	48	Тоһус торгук хара тииним
			49	Дьоллоох ойборуун уорһатын	49	Дьоллоох ойборуун уорһатын
			50	Тиирэ тардар истэммит.	50	Тиирэ тардар истэммит.
			51	Киэмсик соһус үйэлээх	51	Киэмсик соһус үйэлээх
			52	Кэтэриинэ саарым	52	Кэтэриинэ саарым
			53	Кириэстээх манһыата	53	Кириэстээх манһыата
			54	Килбэйэр көмүс туоһахтаһаах.	54	Килбэйэр көмүс туоһахтаһаах.
			55	Кыраай омул онорбут	55	Кыраай омул омул онорбут
			56	Кыһыл сукуна киистэлэммит.	56	Кыһыл сукуна киистэлэммит.
			57	Оторсуннаан торолуйбут,	57	Оторсуннаан толоруйбут,
			58	Сиибиктэлээн сирэлийбит	58	Сиибиктэлээн сирэлийбит
			59	Сэттэ сааһын туолбут	59	Сэттэ сааһын туолбут
			60	Тыһы кычытар кыһылым	60	Тыһы кычытар кыһылым
			61	Кымһыыһылаах тараһатын тириитэ	61	Кымһыыһылаах тараһатын тириитэ
			62	Саары чиккэ быаламмыт.	62	Саары чиккэ быаламмыт.

В 2000 году по архивным материалам профессор В.В. Илларионов с сыном Сергея Афанасьевича Зверева Т.С. Зверевым издали сборник «Сарсын, сарсын сарсыарда (Завтра, завтра утром)», где была включена песня «Бэргэһэ ырыата (Песня о шапке)». Текст песни хранится в архиве ЯНЦ СО РАН [АЯФАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 229, л. 1-3]. В данном сборнике впервые был обоснован принцип достоверности фольклорных текстов и недопустимости всевозможных исправлений при их публикации относительно издания произведений С.А. Зверева-Кыыл Уола. Текст произведения состоит из 62 строк.

Второй вариант произведения под названием «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – дьабака)» записал Н. М. Заболоцкий в 1943 году со слов певца во время фольклорной экспедиции управления искусства. И в этом же году он опубликовал текст песни в альманахе «Хотугу сулус (Полярная звезда)» [Дьабака ырыата // Хотугу сулус. – 1943. – Кин. 5. – С. 8.]. В данном издании произведение состоит из 45 строк. Этот вариант песни в 1971 году был опубликован Д.К. Сивцевым в сборнике «Аман өс: ырыалар, тойуктар, поэмалар

(Заветное слово: песни, тойуки, поэмы)». Здесь содержание произведения не меняется, но строки сокращены, текст состоит из 40 строк. По содержанию песни нет различий, но объем сократился на 17 строк. В примечании составитель разъясняет о редактировании текста: *«БҮрьяһыт тылыттан 1938 с. А.А. Саввин суруйуута. Кыратык редакцияланна, холобур «Сүллэр сөмүйэ сүллүрдээбит, дьаарай тарбах такайбыт, эриэккэй илии тикпит» диэн тыллар ырыа иннигэр, бастакы «Эгий-угуй эрэ дуу» диэн этии кэнниттэн барбыт этилэр. Ону сөптөөх сириҥ булан, ырыа кэннигэр көһөрүлүннэ. Бу манна бастаан бэчээттэннэ»* / Песня записана со слов певца в 1938 г. А.А. Саввиным. Немножко отредактировано, например строки «Сүллэр сөмүйэ сүллүрдээбит, дьаарай тарбах такайбыт, эриэккэй илии тикпит» были в начале песни, после строки «Эгий-угуй эрэ дуу». Перенес в конце песни. Печатается впервые» [Сивцев 1971, с. 31-32]. Видимо, он перепутал варианты песен, и напечатал второй вариант, записанный Н.М. Заболоцким.

Символы, знаки шапки – дьабака в фольклорном произведении «Дьабака ырыата (Песня об обрядовой шапке – дьабака)»

В двух вариантах произведения раскрывается вся полнота, яркость и последовательность описания предмета, семейные и обрядовые традиции, приводится архаичная терминология. С помощью предметной изобразительности певец вводит читателя в воссозданный им художественный мир. Певец подробно описывает старинную обрядовую шапку – дьабака, включая и этнографические детали, и исторические, и фольклорные.

В первую очередь, народный певец красочно воспевает места обитания животных. Об этом певец красиво воспевает следующим образом: *«Үллэр көмүс өрөөлөөх, Өрөгөй талаан сүүрүктээх, Өлөөн өрүһүм өрөбөтүгэр Үтүө күүх тыатыгар, Үрдүк мыраанын кэтэбэр / С краями из переливающегося серебра, С горделивым бурным течением, В чреве Оленка реки, В славных зеленых лесах ее, В предгорьях высоких хребтов ее»*. В те времена на берегах реки Оленёк якутские охотники добывали отличного качества пушнину. Оленек – это река в России в Восточной Сибири, берёт начало на территории Красноярского края, затем течёт по территории Якутии. Одна из самых длинных рек России.

Во-вторых, в произведении передаются ценные сведения о технологии конструкции отдельных частей шапки и описываются разные вставки – оторочки. Сергей Афанасьевич поет об этом так: *«Өрө тигэн кэбиспит, кэтэхтэнэн тигиллибит, чэчээ буурай кытыыламмыт, тиирэ тардар истэммит / Снизу вверх шитая, Тыльной частью шапки стали, Околышем шапки служит, Меховой подкладкой служат»*. В песне подчеркиваются отличные качества отборных сортов пушнины. Тулья шапки дьабака спереди и затылочная часть отделаны рысей шкурой *«Үтүө көрөр дьүһүннээх өнөр үүһүм өрөбөтүн, / отличнейшего, красивого, крупного рыся брюшная шкура»*, собольиной *«Хара саарба харгымын түүтэ / черных соболей отборные шкуры»*, бобровым *«Дьудун буобура / бобер-самец»*, росوماхи *«Эдэр сизгэн тириитэ / молодой росوماхи шкуры»*, черными беличьими хвостами *«Тобус тортук хара тиингим дьоллоох ойборуун уорбатын, / девять спинных шкур шустрых черных белок»*. Далее воспевается завязка шапки, которая сделана из кожи молодой самки оленя: *«Сэттэ сааһын туолбут, Тыһы кычытар кыылым, Саары чиккэ быаламмыт / Семилетней кобылы шкуры с туго натянутой веревкой»*. Трудоемкость работы, использование труднодоступного бисера и дорогих мехов наделяли шапку магической силой, а духовно-идейная семантика придавала свойства оберега. Эти сведения во многом переплетаются и совпадают с функцией перечисления описания зверей и места добычи, с целью характеристики качества изделия. По сведениям В.Л. Серошевского, «расширяющийся низ шапки плотно облагал шею и плечи, завязывался под подбородком» [Серошевский 1993, с. 317]. В силу экстремальных климатических условий Севера всегда ценились натуральный мех. Шкура дорогого меха служила показателем социального положения человека, вместе с тем

выполняла утилитарную функцию – спасала от жестоких морозов. С учетом функционального назначения создается цельный образ обрядовой шапки, выражающий эстетический идеал и художественный вкус народа саха.

В-третьих, произведение выражает отношение певца к древней обрядовой культуре якутов. Высокое и почтительное отношение определяется описанием детальной характеристики изделия и погружает читателя в древнюю культуру якутов. Во время проведения обрядовых действий в старину женщины надевали шапку – *дьабака*, наряжались в шубу «*бууктаах сон*» или в летнюю нарядную верхнюю одежду «*кытыылаах сон*». Поверх шубы надевали серебряные украшения. Каждый элемент шапки имел символы и знаки. Прослеживается одухотворение шапки, когда предмет становится источником впечатлений, раздумий, изумлений и восхищений. *Дьябака* из классического комплекта нарядного женского традиционного костюма ассоциируется у певца с социальным положением женщины. Это – дорогая вещь, которую могли позволить себе только богатые якуты. Об этом в песне подчеркивается, что «*Кинээс дьонум кэргэнин, кизгэтэн кэпсэлгэ тахсыбыт / Вошедшая в сказание как украшение жен князцов-старшин*». Шапка обладала древней обрядовой функцией, об этом поется в переносном смысле так: «*Хааннаах, сэттээх Хаан дьябака танаһым / кровавая, греховная яркая дьябака шапка*». На самом деле, для подчеркивания важности, обрядности шапки-*дьабака* использованы прилагательные *хааннаах, сэттээх* «кровавая, греховная». Эти метафорические прилагательные надо понимать в переносном смысле.

Верхушку шапки называют *чопчуур* «навершие». По словарю Э.К. Пекарского слово «*чүбүччэй, чүөрчэх, чуорчакх*» означает полосу, идущую спереди назад на чопчуур или с шапочную верхушку. *Чопчуур* – смысловая и декоративная часть шапки *дьабака*. Его сшили из красного, черного или зеленого сукна с красными вставками. Об этом в песне воспевается таким образом: «*Өрө тигэн кэбиспит чүөччэрдээх төбөлөммүт / снизу-вверх сшитая служит верхушкой шапки*». По линии швов вставляли узкие суконные кантики контрастного цвета. Древние якуты поклонялись Божествам Верхнего мира и считали, что через теменную часть человека они дают силы, способствующие укреплению здоровья и благополучие. Из-за таких мифологических представлений, *чопчуур* «навершие» шапки декорировалось знаками и символами. Для обязательного украшения применялись серебро, разноцветный фарфоровый цветной бисер, золоченые или шелковые нитки, различные металлические бляшки, прикрепляемые к серебряному солярному кругу – *туоһахта*, символизирующего культ Солнца и указывающего принадлежность людей к Солнечному миру. Символический круг певец воспевает следующими словами: «*Киэмсик собус үйэлээх, Кириэстээх манньыата, Килбэйэр көмүс туоһахталаах / Монета с крестом Щегольской долговечной Катерины царицы украшением-бляхой служит*». Знак сплавляли из серебряных монет. Известно, что *туоһахта* оберегала женщин от болезней, во время эпидемии оспы якутские женщины пришивали бляшки *туоһахта*, чтобы болезнь по этому знаку унавала их и не трогала. Более нарядные *чопчууры* украшались вышивкой бисером, цветными нитками, отделкой серебряными пластинами. Сзади лировидный узор, означающий знак богини *Айыыһыт* переходил в удлиненные стебли. Стебли символизировали продолжение нескольких родов. На затылке пришивался знак из красного сукна, имеющий форму раскрытого сердечка. Оно служило знаком двух любящих молодых людей. Древние якуты Богиню *Ахтар Айыыһыт Хотун* считали символом плодородия и знаком женского божества деторождения. В растительном узоре, по мифологии якутов, спрятаны души – *кут* неродившихся детей: в маленьких серебряных бляшках-кружках – души девочек, а в квадратах – мальчиков [Гаврильева 1998, с. 114]. Как отмечал В.Ф. Трошанский, женщины во время обряда жертвоприношения богине-покровительнице рожениц *Айыыһыт* ложили

свои *дьабака* с бляшками на передней части и надевали задом наперед, чтобы не отпугивать богиню-покровительницу блеском серебряных бляшек во время обряда [Трошанский 1909, с. 10].

Еще одной важной деталью в описании шапки сзади сшитые красные ленты до пояса в знак связи с Высшими божествами – *Айыы*, расшитые золотыми нитками или мелким бисером и с металлическими подвесками. Две ленты, ниспадающие по спине, являются символами добропорядочности, красоты и девичьей непорочности, обозначающие, что ее судьбой управляют Высшие божества – *Айыы*. Особо ценилось дорогое привозное красное сукно для изготовления ленты, об этом воспевается в песне: «*Кыраай омук онгорбут кыһыл сукуна киистэлэммит / Сделанное в дальних странах, красное сукно лентой служит*». В процессе свадебного обряда эти ленточки срезали, то есть, срезали ее «поводья». Это являлось символом того, что отныне ее судьба зависит не от божеств, а от ее мужа. Девушка, выходя замуж, полностью становилась частью рода своего мужа.

Заключение

Таким образом, подчёркивается значимость изучения предметного мира произведений С.А. Зверева – Кыыл Уола. В анализируемой песне проводится сопоставление изображаемой шапки-*дьабака* с реальным описанием. Такое воспевание народного певца дает не только полную характеристику обрядовой шапки – *дьабака*, как она выглядела на самом деле, но и уклад жизни народа саха. Многофункциональность шапки – *дьабака* в текстах песни проявляется в ее естественном включении и в воссоздании материальной и духовной культуры изображаемого предмета. В песне шапка – *дьабака* выполняет характеризующую функцию. Личные вещи помогают определить не только время и социальное положение хозяйки, но и традиции, характер, вкусы, привычки, уклад жизни древних якутов. Во-вторых, произведение выражает трепетное отношение певца к обрядовой культуре якутов. Шапка-*дьабака* якутов является главным элементом в атрибутике обрядовых действий, имеет символическое значение и подчеркивает социальный статус женщины. Она выступала в качестве главного посредника в обрядовых отношениях между людьми и Верхними божествами – *Айыы*, параллельно выполняя особую оберегательную и коммуникативную функции. Каждый элемент шапки имел семиотику, символы и знаки. Серебряный соляренный круг – *туоһахта* символизировал древний культ Солнца. Специфическим знаком выступает *чончуур* (навершие шапки), сшитое из красного, черного или зеленого сукна с красными вставками с узкими суконными кантиками контрастного цвета. *Чончууры* украшали вышивкой бисером, цветными нитками, отделкой серебряными пластинами. Сзади лировидный узор обозначал Богиню *Айыыһым*. Стебли лировидного узора символизировали продолжение рода. На затылке пришивался знак из красного сукна, имеющий форму раскрытого сердечка двух любящих молодых людей. Древние якуты через растительный узор *дьабака* обозначали души – *кут* детей. В третьих, произведение интересно конкретным описанием долгого процесса изготовления шапки – *дьабака*, начиная с добывания шкуры зверей, кончая характеристикой качества ткани, бисера, серебра.

Литература

1. Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII вв. – Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1998. – 141 с.
2. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: изд-во ЯГУ, 1993. – 204 с.
3. Зверев С.А. Сарсын, сарсын сарсыарда. Якутск, 2000. – 351 с.
4. Зверева А.Н. Узоры земли Олонхо. СПб., 2016. – 255 с.
5. Калашникова Н.М., Плужникова Г.А. Одежда народов СССР. – М.: Планета, 1990. – 230 с.

6. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1; 1959. Т. 3. 3858 с.
7. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этногр. Исслед. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 744 с.
8. Трошанский В.Ф., Пекарский Э.К. I. Якуты в их домашней обстановке: этнографический очерк. II. Из якутской старины: старые писатели о якутах. – С.-Петербург: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1909. – 32 с.

References

1. Gavril'eva R.S. Odezhda naroda saha konca XVII – serediny XVIII vv. – Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatie RAN, 1998. – 141 s.
2. Gogolev A.I. Jakuty (problemy jetnogeneza i formirovanija kul'tury). – Jakutsk: izd-vo JaGU, 1993. – 204 s.
3. Zverev S.A. Sarsyn, sarsyn sarsyarda. Jakutsk, 2000. – 351 s.
4. Zvereva A.N. Uzory zemli Olonho. SPb.2016. – 255 s.
5. Kalashnikova N.M., Pluzhnikova G.A. Odezhda narodov SSSR. – М.: Planeta, 1990. – 230 s.
6. Pekar'skij Je. K. Slovar' jakut'skogo jazyka: V Zt. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1; 1959. Т. 3. 3858 с.
7. Ceroshevskij V.L. Jakuty: opyt jetnogr. Issled. – 2-е изд. – М.: ROSSPJeN, 1993. – 744 с.
8. Troshhanskij V.F., Pekar'skij Je.K. I. Jakuty v ih domashnej obstanovke: jetnograficheskij ocherk. II. Iz jakutskoj stariny: starye pisateli o jakutah. – S.-Peterburg: Tip. M-va put. soobshh. (t-va I.N. Kushnerev i K°), 1909. – 32 с.

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

УДК 821.111-2Шекспир.03=512.157

Н. Э. Игнатьева

Особенности перевода драматических произведений на якутский язык (на примере спектакля «Илиир Хоруол» Саха театра)

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. На сегодня не существует универсальной схемы перевода драматургического текста с одного языка на другой, так как драматургический текст имеет сложный характер. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности перевода драматического произведения. Данная работа ставит целью выявить особенности перевода драматического текста с русского языка на якутский, а также адаптации якутского перевода для театральной постановки. Фактическим материалом для осуществления исследования послужила постановка Саха театра на основе произведения У. Шекспира «Король Лир». С помощью сравнительно-сопоставительного метода русского и якутского текстов драматического произведения выявлено, что перевод и постановка сближаются на основе таких понятий, как трансформация, интерпретация, конкретизация, адаптация. В перспективе нами ставится задача исследовать литературоведческий, лингвистический, прагматический, театроведческий и культурологический аспекты сравнительно-сопоставительного анализа текстов драмы «Король Лир», для полного раскрытия схемы русско-якутского перевода драматического произведения.

Ключевые слова: драматическое произведение, драматический текст, перевод драмы, интерсемиотический перевод, интралингвистический перевод, интерлингвистический перевод, реалии, эквивалент, театральная постановка, подстрочный перевод, Саха театр, Король Лир, Борис Пастернак, Савва Тарасов.

N. E. Ignatieva

Features of the translation of dramatic works into the Yakut language: the case of the play “Iliir Khoruol” (King Lear) of the Sakha Theater

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Today there is no universal scheme for translating a dramatic text from one language into another, since the dramatic text is complex. The problem statement lies in the lack of knowledge of the translation of a dramatic work. This work aims to identify the features of the translation of a dramatic text

ИГНАТЬЕВА Наталья Эдиссоновна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: edissonovna_nata@mail.ru

IGNATIEVA Natalia Edissonovna – Master’s student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

from Russian into Yakut, as well as the adaptation of the Yakut translation for a theatrical performance. The actual material for the study was the theatrical performance of the Sakha Theater based on the play by William Shakespeare “King Lear”. With the help of the comparative method of Russian and Yakut texts of a dramatic work, it was revealed that translation and staging converge on the basis of such concepts as transformation, interpretation, concretization, adaptation. In perspective, we set the task to explore the literary, linguistic, pragmatic, theater and cultural aspects of the comparative analysis of the texts of “King Lear”, in order to fully disclose the scheme of the Russian-Yakut translation of a dramatic work.

Keywords: dramatic work, dramatic text, drama translation, intersemiotic translation, intralinguistic translation, interlinguistic translation, culture-specific concept, equivalent, theatrical performance, interlinear translation, Sakha Theatre, “King Lear”, Boris Pasternak, Savva Tarasov.

Введение

Драма одновременно относится и к литературе, и к театру. Особенность драматического произведения – это то, что действие, описываемое в нем, происходит «здесь и сейчас». В центре драмы – конфликт, через который транслируется происходящее действие. Следовательно, действие и конфликт – это основные признаки драмы как литературного рода. Сложная структура драматургических произведений, которая состоит из диалогов, монологов и ремарок авторов, требует особого внимания не только автора произведения, но и в особенности переводчика, театрального режиссера (переводчика) и актеров. Как говорил А.М. Горький, «пьеса – драма, комедия – самая трудная форма литературы, трудная потому, что пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом, и делом самосильно, без подсказываний со стороны автора. Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами, то есть чисто речевым языком, а не описательным» [1; с. 3]. А И.Н. Чистюхин в своей работе «О драме и драматургии» пишет: «Драматургический язык – это особый язык. На первый взгляд он мало чем отличается от обычной, бытовой речи, тем не менее, это не так. Этот язык, в отличие от бытовой речи, существует по своим законам, в связи с тем, что у него другие функции. Его основная функция не коммуникация, а сообщение, которое должно быть донесено до зрителя» [2; с. 47].

Театр, как вид искусства, с древнейших времен и до наших дней играет особую роль в становлении общества. Переводы драм великих писателей всех времен, таких как Эсхил, Калидаса, Кальдерон, Лопе де Вега, Шекспир, Расин, Мольер, Островский, Чехов, Ибсен, Шоу и многих других, очень органично вошли в литературы народов мира, несомненно, обогатив их. Но, несмотря на это, перевод драматургических произведений остается одним из недостаточно изученных аспектов переводоведения. Проблемами перевода драмы занимаются исследователи многих стран, что говорит о том, что данная проблема действительно имеет место быть и требует особого изучения. Это немецкая исследовательница Б. Шульц, которая отмечает, что литература, посвященная переводу драмы, ничтожно мала по сравнению с переводом поэзии; это британский теоретик перевода С. Басснетт, которая в своих работах полностью соглашается с Шульц; а также А. Чередниченко, В. Коптилов, Т. Казакова, Н. Бидненко, П. Пави, Э. Кари, Б. Хатим, Р.-Ж. Пупар, Ю. Найда, Д. Жиль, С. Аалтонен, С. Тоцева и некоторые другие. Все они пишут, что основные причины заключаются в двойной природе драмы, а также в сложности определения характеристик текста драмы и в особенной связи между переводом драматического произведения и постановкой переводной драмы на других языках.

Постановки литературных произведений всегда вызывали дискуссии, так как существует проблема эквивалентности, то есть «верности» оригиналу. Театр излагает произведение «по-своему». Это не означает, что искажается оригинальный текст, наоборот, знакомые произведения предстают перед нами с совершенно другой стороны. Как отметил Дж. Джеха: «Говорить, что фильм (*в нашем случае театр – И.Н.*) понравился вам больше, чем кни-

га, – это все равно, что утверждать, что вы предпочитаете яблоки яблочному пирогу» [3]. С каждой постановкой в театре переводное произведение попадает в другую среду, обретая новую форму, новое толкование и возможности. «Обилие подобного рода переложений становится характерной чертой современного этапа развития театрального искусства не только из-за ощутимой нехватки полноценных произведений драматической литературы, но и потому что выразительные возможности театра в последние десятилетия настолько расширились, что ему оказался под силу художественный перевод на сценический язык произведений иных видовых структур. И как бы ни пытались иные оппоненты отстаивать чистоту драматических жанров, процесс освоения театром большой литературы, начавшийся давно и развивающийся так успешно, разумеется, необратим» пишет Ремез О.Я. в своей книге «Мастерство режиссера: Пространство и время спектакля» [4; с. 31].

Один из возможных подходов к вопросу постановки драматических произведений и проблеме их эквивалентности – это их трактовка с позиций интерсемиотического перевода. Понятие интерсемиотического перевода ввел Р. Якобсон, который выделил три вида перевода: интралингвистический, интерлингвистический, интерсемиотический.

Кратко опишем эти виды. Интралингвистический – пересказ словесно выраженного содержания с помощью знаков того же языка. Интерлингвистический – перевод с одного языка на другой. А интерсемиотический – тот, в котором вербальные знаки интерпретируются посредством невербальных [5]. У. Эко писал, что перевод в собственном смысле слова, в отличие от интерсемиотического перевода, не всегда есть интерпретация. Он рассматривает интерсемиотический перевод как интерпретацию с изменением материи, поскольку различие в материи есть основополагающая проблема для всякой семиотической теории [5; с. 280]. У. Эко называет интерсемиотический перевод, или трансмутацию, «интерпретацией посредством манипуляции» [6; с. 283]. Интерсемиотический перевод еще рассматривают как интерпретацию. Но главное условие – сочетание знаков в новом тексте в идеале должно производить тот же эффект, что и оригинал.

Дж. Наремор отмечает, что амбивалентная природа экранизации может трактоваться как многоуровневый диалог между исходным и конечным текстом. В постановках произведений имеет значение не только текст, но и в большем случае игра актеров, музыка, звуковые эффекты, движущиеся образы [7].

В этой статье мы ставим цель сделать сравнительно-сопоставительный анализ драмы У. Шекспира «Король Лир» в переводе на русский язык Б. Пастернака и на якутский язык Саввы Тарасова, а также адаптацию якутского текста Тарасова режиссером А. Борисовым для постановки на сцене.

Сравнительно-сопоставительный анализ русского и якутского переводов драмы У. Шекспира «Король Лир»

Как отмечал В.М. Фомин, режиссер Саха театра, который перевел с русского на якутский язык свыше двадцати спектаклей, в переводах нужно строго придерживаться оригинального текста, не допуская свободного обращения с текстом автора. В то же время переведенный текст должен обрести наглядные якутские формы, читатель и зритель не должны заметить «чужой» интонации.

Трагедию «Король Лир» часто называют центральной пьесой шекспировского канона: «...подобно колоссу, возвышается она в центре всего, созданного Шекспиром, как величайшее творение его воображения» [8; с. 1]. В российском шекспироведении о значении «Короля Лира» высказался Л.Е. Пинский, поставивший пьесу в центр своей книги о Шекспире: «...Наиболее характерная, наиболее “шекспировская”, самая “темная” и, по-видимому, величайшая драма Шекспира» [9, с. 5].

В России первым «Короля Лира» перевел в конце XVIII в. Н.М. Карамзин, а точнее сделал прозаический перевод монолога, безумствующего Лира из второй сцены третьего

акта и разместил его в «Письмах русского путешественника», в серии статей, которые печатались в «Московском журнале» как серия путевых заметок. А целиком в 1832 г. первым драму перевел с английского В.А. Якимов, перевод вышел в печати в 1833 г. Якимов ставил целью максимально точно воспроизвести трагедию на русском языке, поэтому многие критиковали его за буквализм. Далее за перевод первого действия взялся М.П. Вронченко. Но данные работы не годились для постановки на сцене. И в 1838 г. пьесу перевел для постановки в театре В.А. Каратыгин. Но широкая российская публика познакомилась с трагедией только в 1856 г., когда в журнале «Современник» появился перевод А.В. Дружинина. Об этом переводе «Лира» Б. Пастернак писал: «...великолепный дружининский Лир, так глубоко вошедший в русское сознание, около века шедший на сцене ..., единственный подлинный русский Лир, с правами непререкаемости, как у оригинала» [10; с. 362]. Работу Дружинина также высоко оценили И.С. Тургенев, А.Н. Островский, А.А. Григорьев, В.П. Боткин, Н.Г. Чернышевский. По словам Н.А. Некрасова: «Такого перевода творений Шекспира еще не было на русском языке» [11; с. 285]. Как писал сам Дружинин, он ставил в пример переводческую практику Жуковского, который «никогда не отступал от буквы подлинника без крайней необходимости, никогда не жертвовал ею без основания, но зато никогда не подчинял родного языка формам и оборотам ему чуждым» [12; с. 4]. Успех его перевода был в том, что он «передал поэтический язык Шекспира на язык современной русской поэзии» [11; с. 4]. Но Дружинин пропустил «неблагопристойные шутки», «ужасно непристойные сцены и выражения, которыми великий поэт платит дань своему веку» [12; с. 10], «всякая цветистость, кудреватость и метафоричность слога» [12; с. 8]. «По нашим понятиям, мы не могли сравнивать выколотые глаза Глостера с “окровавленными кольцами, из которых вынуты драгоценные камни”. Мы не могли допустить в русский язык прилагательного “собачесердый”, не имели возможности уподоблять плачущие глаза “лейкам для поливания цветов”». Однако по мере возможности он старается «приладить странные обороты к простоте русской речи» [12; с. 13]. Перевод выполнен «самыми простыми русскими словами, самыми вседневными оборотами языка нашего» [12; с. 4].

Из переводов «Короля Лира» XX в. более всего вызвали дискуссии работы М. Кузьмина, Т. Щепкиной-Куперник, О. Сороки, Б. Пастернака. Все они старались передать именно качество пьесы, но разными путями.

Я бы в своей статье хотела подробнее остановиться на переводе Б. Пастернака, так как на основе именно его перевода был произведен Саввой Тарасовым перевод «Короля Лира» на якутский язык. Пастернак писал, что «дословная точность и соответствие формы не обеспечивают переводу истинной близости», этот эффект достигается иначе – «живостью и естественностью языка» [13; с. 72]. При работе над этим произведением он ставил приоритетом свободное течение речи, учитывающее «потребность театров и читателей в простых, легко читающихся переводах» [13; с. 72]. «Манера выражаться персонажей упрощена, приближена к разговорной речи, местами приобретая почти фамильярный, домашний характер, с утратой черт торжественности, пышности и патетики, наличных у Шекспира» [14; с. 47].

По мнению большинства литературоведов и критиков перевод Б. Пастернака «Короля Лира» У. Шекспира является образцовым, так как переводчик сохранил все великолепие, качество произведения, а самое главное он в точности передал читателям те чувства и мысли, которые чувствовал читатель оригинального текста. То же самое с уверенностью можно сказать и о переводе Саввы Тарасова на якутский язык. Это те редкие случаи, когда уровень перевода несколько не уступает уровню великого произведения, каким является «Король Лир» У. Шекспира.

У. Шекспир «заговорил по-якутски» благодаря народному поэту Якутии Савве Тарасову. Он перевел «Короля Лира» по переводу на русский язык Б. Пастернака. Как писал режиссер, видный театральный деятель Якутии Ф.Ф. Потапов, поставивший на якутской сцене «Гамлета», «Макбета» и «Медею», «самыми талантливыми переводами Шекспира были работы Саввы Тарасова». В книге «Мастера якутской сцены» П.П. Никитин пишет: «Перевел шекспировские шедевры на якутский язык поэт Савва Тарасов. Следует отметить, что в обогащении репертуара национального театра, в интернационализации его идейно-художественной деятельности, в расширении и раскрытии творческих возможностей театра немалую роль играют и его незримые, незаметные творцы спектаклей – переводчики» [15; 283].

Впервые на российской сцене трагедия была поставлена в Санкт-Петербургском придворном театре в бенефис Шушерина. В переводе Дружинина «Короля Лира» ставили Малый и Александринский театры. Трагедию ставили в театрах Казани, Киева, Красноярска, Нижнего Новгорода, Самары, Ревеля, Тифлиса, Ярославля, Одессы, Харькова, Саратова. В новую эпоху ставили в театре Дворца Октябрьской революции (1919), в Большом драматическом театре (1920), в «Вольном театре» (1920), в Первой студии МХТ (1923) и в Малом государственном еврейском театре (1935), которая считается одной из лучших постановок. Достоинствами этой постановки кроме режиссуры и игры актеров, считалось оформление, которое тоже играло особую роль при передаче оригинального текста. В истории русских постановок «Короля Лира» спектакли оформляли также М. В. Добужинский (1920), Н. И. Альтман (1941). Кроме оформления также важна музыка (писали М. А. Балакирев (1861), Д.Д. Шостакович (1971)).

На якутской сцене по переводу Саввы Тарасова «Король Лир» был поставлен на сцене Саха государственного драматического, а затем и Академического театра известными режиссерами Ф.Ф. Потаповым, А.С. Борисовым. Постановки имели огромный успех. Режиссеры объясняли этот феномен тем, что монументальность, гиперболичность, величие, сила, глобальность, форма и язык драмы схожи с народным якутским эпосом олонхо, поэтому якутским зрителям драма не показалась чуждой. Как отметил А.С. Борисов, любому мировому драматическому произведению можно вдохнуть «якутский дух».

Премьера спектакля состоялась в Москве в рамках фестиваля «Начало. Учитель и ученики», посвященном 80-летию мастера отечественной режиссуры, учителя А. Борисова А. Гончарова. Столичные критики назвали спектакль экспортным. В постановке прекрасно все: перевод С. Тарасова, игра актеров, сценография Г. Сотникова, работа художника по костюмам Л. Гоголевой, музыкальное оформление В. Пестрякова и, конечно же, режиссура А. Борисова. «Борисов – непревзойденный разрушитель стереотипов и условностей. В его версии шекспировского произведения нет определенного места действия, не существует четких границ времени, и в паспортах героев определенно отсутствует графа «национальность». Они – герои спектакля Борисова – лихо орудуют ходулями, ездят на роликах, ходят на котурнах и в торбасах. Они одинаково хорошо смотрятся как в отороченных мехом якутских костюмах и расписанных сценографом военных шинелях, так и в английских фраках с белыми перчатками и в «а-ля буддистских» головных уборах» [16; с. 284].

В переводе С. Тарасова имена собственные были транслитированы с русского текста Б. Пастернака, тогда как в театральной адаптации якутского текста режиссер А. Борисов применил метод транскрипции, основанный на ассоциативном восприятии заимствованных слов. Носитель якутского языка непривычные для его уха и артикуляции имена как *Лир*, *Корделия* произносит на свой манер как *Илиир*, *Кэрдилэйиэ*. При этом режиссер к якутской фонетизации имен собственных добавил еще и различные смысловые нагрузки, соответствующие их персонажам в произведении.

Поэтичность и образность якутского языка в полной мере отразился в переводах имен собственных, а именно в точных звуковых ассоциациях. Как поделился А.С. Борисов в одном из интервью, в его воображении спектакль сначала рождался от звуков: «Вот с именами потрясающе интересно получилось. В якутском языке до сих пор есть свои значимые имена. Смотри, мы же не говорим Лир, мы говорим Илиир, что означает «ворота» – Лир – мир, а илиир – это обод для бочки, такой человек, который скрепляет собой, держит. И это сразу дает образ, понятный якутскому зрителю: человек, который оберегает...» [16; с. 288]. Также вышло и с другими именами собственными, все они знакомы якутскому зрителю, услышав имена героев, зритель Саха театра тотчас определяет характер и образ персонажа:

– **Гонерилья – Ханаарыйя** (от **каналья**) – неприятная особа. КАНАЛЬЯ об. – бездельник, негодяй, мерзавец, продувной мошенник [17; с. 83]. Нетрудно догадаться о характере героини. Согласные звуки [х], [р], [й] только добавляют отталкивающее восприятие образа.

– **Эдмонд – Уодьуман** (от **уодаһын**) – озлобленный, коварный. УОДАҤЫН 1. аат. Туох эмэ куһаҕаны, алдьархайы-издээни онорор кэтэх өс санаа. Ө Злонамерность, прикрытая показным доброжелательством, коварство, вероломство. 2. даҕ. суолт. Куһаҕаны, алдьархайы издээни онорор кэтэх өс санаалаах. Ө Коварный, злокозненный [18; с. 187]. В данном случае значение слова в точности описывает героя.

– **Кент – Күөн** (от **күөн**) – грудь. Туох эмэ (үксүн **сылгы**) түөһүн илин өттө, иннэ. Ө Грудь, нижняя часть груди [19; с. 62]. В этом случае следует пояснить, что народ саха издревле почитает животное **сылгы** (лошадь) – это не только священное животное, но и верный друг. Кроме того в груди находится сердце, отсылка к тому, что у героя есть сердце. Кент, имеющий доброе и преданное сердце, один из тех, кто был верен Корделии и Лиру, несмотря на все. Второй символ кроется в словосочетании **күөн көрсөр**, что значит «биир бииргэ киирсээччилэртэн биирдэстэрэ». Ө Один из участников поединка» [19; с. 63]. Тут подчеркивается воинственность Кента.

– **Корделия – Кэрэдиэлийэ** (от **кэрэ+диэлий**) – распространять, зарожать красоту, обладать красотой. КЭРЭ даҕ. 1. Тас көрүнүнэн, ис хоһоонунан киһини умсугутар, астыннарар, долгутар. Ө Красивый, прекрасный, чудесный [19; с. 549]. ДИЭЛИЙ туохт. 1. Булкуһан сүппэккэ баһыйан таҕыс, ордук билин (туох эмэ тус-туһунан булкуспутуттан биирэ баһыйарын этиллэр). Ө Преобладать, превалировать (напр., об одном цвете по сравнению с другим). 2. Билин-көһүн, көбөн таҕыс. Ө Возникать, обнаруживаться; зарождаться. 3. Ордук тарҕанан тэний, дэлэй. Ө Распространяться; расширяться [20; с. 129]. Конечно же, тут речь идет не только о внешней красоте Корделии, но и красоте души и сердца.

– **Шут – Көрдөөх Көкөт** – (от **көкөт, көкүт, көккүт**); КӨКӨТ аат., кэпс. Харса-хабыра суох, сытыы-хотуу эдэр киһи. Ө Удалец, молодец. Ср. алт. **көкүт** ‘ободрять, поощрять’, телеут. **көккүт** ‘ободрять, делать храбрым, бойким; возбуждать’ [21; с. 235]. В данном имени скрыт символ смелости Шута, он не боится указывать Лиру на его ошибки, он точно подбирает, казалось бы, шутки, которые впоследствии заставляют задуматься короля, то есть возбуждают в его сознании мысли об истинном положении дел. КӨРДӨӨХ даҕ. 1. Күлүүлээх-салыылаах, оонньуулаах; тэбэнэттээх (киһи). Ө Веселый, шутливый; озорной (человек) [21; с. 328]. Это слово указывает на «профессию» Шута.

– **Регана – Эриээнэ** (от **эриэн**). ЭРИЭН 1. даҕ. 1. Биир күрүс дьүһүнэ суох, араас-араас өһнөөх. Ө Разноцветный, пегий, пёстрый, полосатый. 2. көсп. Биир тэнэ суох, уларыйа турар, араастаах. Ө Переменчивый, непостоянный. 3. көсп., кэпс. Биир дэхси буолбатах, атын-атын, булкаас. Ө Разнообразный, разнородный, разношерстный. 2. аат суолт. 1. Араас, эһин-араас өһ. Ө Разноцветье, пестрота. 2. көсп. Ким, туох эмэ араас өрүтэ, эридьиэһэ, кубулҕата (хол., дьылҕа). Ө Прихоть, причуда, каприз (напр., судьбы). **Эриэнэ иһигэр** – дьонно үчүгэйдик көстө сатыыр, кубулҕатын-дьибилгэтин, киитэрэй санаатын кимиэхэ

да биллэрбэт (киһи). О Скрывающий под показной доброжелательностью злой и хитрый умысел, скрытный, коварный (о человеке) [22; с. 325-326]. В случае с Реганой на якутском ее имя звучит в соответствии с ее внутренним миром – зло и жесткость под личиной маски добродетельности.

– **Лир – Илиир**. В данном случае можно выделить несколько символов-слов:

1. от **ии** – обруч – объединение. ИИ I 1. аат. 1. Туох эмэ төгүрүк кылдьыта. О Дужка, ободок чего-л. 2. даҕ. суолт. Эргийэ, төгүрүйэ барар. О Опоясывающий, расположенный кругом [22; с. 563-564]. Человек, который всех объединяет (вариант режиссера А. Борисова);

2. от **ии** – в качестве междометия (показывает отношение человека). ИИ II сана алл. 1. Аанньа ахтыбат, ахсарбат буолууну, сэнээһини көрдөрөр. О Выражает пренебрежение, унижение, укор. 2. Таптааһыны, эйэргээһини, аһыныны көрдөрөр. О Выражает любовь, ласку, жалость. 3. Айманыны, долгуйууну соһуйууну көрдөрөр. О Выражает тревогу, волнение, удивление. 4. Сана аллайыны, эбэтэр сыһан тылы кытта холбостобуна олору күүһүрдэн биэрэр. О Усиливает выразительность междометия или модального слова, к которому примыкает [22; с. 565]. Если проследить от 1-го значения до 4-го, то вырисовывается то, что испытывает Лир к Корделии от начала и до конца произведения. Действие начинается с того, что Лир отрекается от своей младшей дочери, говорит ей тяжелые слова, тем самым унижая и укоряя ее. Далее после того, как его выгоняют старшие дочери, он понимает, что истинную любовь к нему на самом деле испытывала только Корделия. Затем он боится за ее жизнь, тревожится и волнуется. И наконец после смерти дочери все его чувства доходят до пика, не выдержав которых он умирает;

3. от **иилии** – ИИЛИИ сыһ. Тугу эмэ эргийэ, төгүрүйэ. О Кругом, вокруг [22; с. 567]. Имеет тот же символ – объединение. Казалось бы, отец, тем более король, должен объединять, но Лир своими руками разорвал этот «обруч»;

4. от двух слов **ил** и **иур**. ИЛ II аат. Эйэлээх буолуу; бэйэ икки ардыгар этиспэккэ-ох-супакка, өстөспөккө нус-бааччы сыһаннаһы. О Дружественные, мирные, спокойные отношения между кем-л. [22; с. 605]. ИИР I туохт. 1. Өйгүнэн ыарый, булкулун. О Страдать потерей рассудка, умопомешательством, сойти с ума. 2. Тугу да кыайан өйдөөбөт буол, булкуллан хаал. О Терять рассудок, путаться, сбиваться с толку. 3. көсп. Түктэри-баламат быһыылан; харса-хабара суох тыллас, айдаар-куйдаар; толоостук, сизри таһынан кыһыр. О Вести себя нагло, непристойно, нахально; скандалить, поднимать невообразимый шум-гам; быть, находиться в крайнем раздражении [22; с. 575-576]. Если объединить эти два слова выходит, что Лир нарушил мир в семье из-за своего помешательства или из-за того, что показная «любовь» старших дочерей сбילה его с толку, и он не увидел истину;

5. от **илии**. ИЛИИ I. аат. 1. Киһи туттар, ону-маны гынар үөһээ лабаата (санныттан тарбаҕын төбөтүгэр диэри). О Рука (верхняя конечность человека от плечевого сустава до кончиков пальцев). 2. көсп. Киһи. О Человек. 3. көсп. Бас билии, баһылааһын. О Собственность; владение, распоряжение чем-л. [22; с. 629]. В данном случае Лир выступает прежде всего Человеком, ведь ему ничто человеческое не чуждо – он хочет быть любим, почитаем на старости лет дочерьми, он – Король, он владеет всем, все должны ему подчиняться, он умнее и мудрее всех, и, наконец, он должен был быть той рукой, которая должна была указать дорогу, но Лир сам заблудился.

– **Освальд** – **Уоһубал** (от **уоһуй**). УОҺУЙ туохт. Олус дьоһуннаах, дыппиэн буолан көһүн. О Выглядеть, казаться очень серьезным, сердитым [18; с. 228]. Освальд – это вечно подлизывающийся неприятный тип, прислужник Гонерильи, который в нее влюблен. Слово **уоһуй** тоже его характеризует – он постоянно хочет казаться серьезным и достойным человеком, тогда как таковым не является.

– **Эдгар – Эдигэн** (от *этигэн* – выразительный, звонкий, мелодичный). ЭТИГЭН даб. 1. Үчүгэй, чөллөркөй, чуор тыастаах, ырыалаах (хол., хомуһу этэргэ). Ө Звучный, звонкий (напр., о варгане). 2. Ис хоһоону чабылхайдык, хомоҕойдук этэр, арыяр (хол., тыл). Ө Хорошо выражающий смысл, яркий, выразительный (напр., о слове) [22; с. 390-391]. Эдгар после того, как его оклеветал брат, вынужден был убежать, притворяться полоумным и нищим. Его монологи – это мудрость, это слова автора, выражающие основную мораль драмы.

– **Глостер – Холоостор** (от *холоо* – уподоблять). ХОЛОО туохт. 1. Кими, тугу эмэ ки-миэхэ, туохха эмэ тэннээ, майгыннат. Ө Уподоблять кого-что-л. кому-чему-л., сравнивать. 2. Тугу эмэ быһа холуйан, барыллаан кэмнээ, быһаар, холуй. Ө Определять что-л. прибли-зительно, прикидывать. 3. Тугу эмэ тургутан көр, сибикилээ, билгэлээ. Ө Пробовать, оце-нивать что-л. [23; 542-543]. Глостер отрекся от сына Эдгара из-за обмана побочного сына Эдмунда. Он, не разобравшись, определил, что родной сын его предал.

Таким образом, в театральной адаптации для постановки на сцене Саха театра исполь-зуется широко функционируемый в литературе метод говорящих имен.

Пастернак отмечал особый стиль Шекспира, в котором различал три особенности. По этим особенностям сделаем сравнительный анализ языка «Короля Лира» в русском и якут-ском переводах, а также рассмотрим, как представленные отрывки адаптированы под по-становку.

1). **Глубокая реалистичность.** «Их выполнение по-разговорному естественно в ме-стах, написанных прозой, или когда куски стихотворного диалога сопряжены с действием или движением. В остальных случаях потоки его белого стиха повышено метафоричны, иногда без надобности и тогда в ущерб правдоподобию» [10, 343]. Например, в отрывке, где Эдмунд предает брата Эдгара и обманывает отца. Диалог в представленных отрывках в трех вариантах написан прозой, что придает ему ту самую реалистичность.

<i>Перевод на русский язык (Б. Пастернак)</i>	<i>Перевод на якутский язык (С. Тарасов)</i>	<i>Адаптация перевода С. Тарасова в постановке «Илиир Хоруол» (реж. А. Борисов)</i>
<p>Глостер. Отчего ты так торопливо спрятал это письмо?</p> <p>Эдмунд. Я не слышал никаких новостей, милорд.</p> <p>Глостер. Что за бумагу читал ты сейчас?</p> <p>Эдмунд. Я ничего не читал, милорд.</p> <p>Глостер. Ничего не читал? Что же в таком случае ты спрятал так торопливо в карман? Дай мне листок. Если в нём нет ничего, я это и без очков увижу.</p> <p>Эдмунд. Сэр, простите меня. Это письмо от моего брата. Я ещё не дочитал его до конца. Но, судя по тому, что я успел разобрать, вам лучше не читать его.</p>	<p>Глостер. Тобо ити суругу тиэтэлинэн кистээтин?</p> <p>Эдмонд. Туох да сонуну истибэттим ээ, милорд.</p> <p>Глостер. Ити туох кумаабыны эн билгин аахтын?</p> <p>Эдмонд. Туту да аахпатым ээ мин, милорд.</p> <p>Глостер. Тугу да аахпатын дуо? Оччоҕо тиэтэлинэн сизпкэр ити тугу кистээтин? Илиискин миэхэ аҕал. Туох да суох буоллабына, ону мин ачыкыта да суох көрүүбүм.</p> <p>Эдмонд. Бырастыгы гын миигин, сэр. Ити убайым суруга. Тигэбэр тиийэ кыайан аахпатым. Ол гынан баран, онтон тугу өйдөөбүппүн тойонноотохпуну, эн суругу аахпатын ордук.</p> <p>Глостер. Аҕал суругу миэхэ.</p> <p>Эдмонд. Суругу мин Эйиэхэ көрдөрдөхпүнэ даҕаны, көрдөрдөтөхпүнэ даҕаны – хайатыгар да – түктэри быһыыланыам.</p>	<p>Холоостор. Уодьуман, ити туох суругун аахтын, туох суругун кистээтин?</p> <p>Уодьуман. Тугу да аахпатым, аҕа.</p> <p>Холоостор. Гэ, тугу да аахпатын да? Оттон ити туох суругун сизэххэр кистээтин?</p> <p>Уодьуман. Бу убайым суруга, ис хоһоонуттан көрдөхпүнэ эн аахпатын ордук.</p> <p>Холоостор. Аҕал диибин.</p> <p>Уодьуман. (суругу биэрэр) Мин санаабар убайым миигин үтэн-анньан көрөөрү суруйбут.</p> <p>Холоостор. Гэ, көрүөхпүт-көрүөхпүт, ачыкыта да суох ааһахпыт... “Аҕам уһугунна-рыахпар диэри утуйан хаалара буоллар, олох да уһуктубата буоллар... Кини баайын-дуолун ангаара итиэннэ убайыг махта-лын... Бу тугуй? Кикси дуо?”</p>

<p>Глостер. Дай мне письмо. Эдмунд. Покажу я вам его или нет, я поступлю одинаково дурно. Судя по его содержанию, это письмо нехорошее.</p> <p>Глостер. Посмотрим, посмотрим...</p> <p>Эдмунд. К чести брата, хочу верить, что он написал мне в таком духе, только чтобы испытать меня.</p> <p>Глостер (читает). «Это почитание старости отравляет нам лучшие годы нашей жизни и отдаёт деньги в наши руки слишком поздно, когда по дряхлости мы уже не можем воспользоваться ими в своё удовольствие. Я склоняюсь к убеждению, что тиранство стариков – бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим. Встретимся и поговорим поподробнее. Если бы отец мог уснуть и не просыпаться, пока я не разбужу его, тебе досталась бы половина его доходов и постоянная любовь твоего брата Эдгара». Что это? Заговор? «...уснуть и не просыпаться... тебе досталась бы половина его доходов». И это мой сын Эдгар! И у него рука поднялась вывести эти буквы! Сердце его ютило такие мысли!.. Когда ты получил это? Кто принёс тебе это письмо?» [13, 32-33].</p>	<p>Ис хоһоонуттан сылыктаахпына, бэрдэ суох сурук.</p> <p>Глостер. Көрүүхпүт, көрүүхпүт.</p> <p>Эдмонд. Итинник суругу миигин үтэн-анһан көрөөрү суруйбут диэн убайбар эрэнэ саныыбын.</p> <p>Глостер (ааһар). «Кырдьар сааһы аһара ытыктааһыммыт биһиги олохпүт үтүө сылларын сүһүрдэр уонна үөгүлүүр өлгөм үбү-харчыны, кырдьан саккыраан хааламмыт дуоһуйа туһаммат буолбуппүт кэннэ, олус хойутаан ытыспытыгар ыһыктар. Озонньоттор мунура суох мунгааһыннарасордоһуннара, тулуйарбыт бэрт буолан, үрдүбүтүгэр үңкүүлүүр дуостал туһата суох хаалынһан үгэс диэн санааба ханһары тартаран эрэбин. Көрсүһүөхпүт уонна сийлиһи кэпсэтиэхпит. Аһам мин уһугуннарыахпар диэри утуйан хаалара уонна уһуктубата буоллар, кини баайын-дуолун аһаара итиэннэ эн убайың Эдгар эрэллээх тапала эйиэхэ тиксиэ этилэр». Туғуй бу? Саагыбар дуо?.. «...Утуйан хаалара уонна уһуктубата буоллар... Кини баайын-дуолун аһаара... эйиэхэ тиксиэ этэ...» Бу мин уолум Эдгар суруйбут! Ити буукубалары кини илиилэрэ таһаарбыттар!.. Итинник удаһыннаах санаалар кини сүрээбэр сөнмүттэр!.. Суругу эн хаһан туттун? Ким эйиэхэ аһалан биэрдэ?»</p>	<p>Бу мин уолум Этигэн суруйбут! Уодьуман, бу хантан ыллың, ким эйиэхэ биэрдэ?</p> <p>Уодьуман. Ким да биэрбэтэбэ, аба, түннүгүнэн бырахпыттара.</p> <p>Холоостор. Бу убайың суруйбут дуо, э (Уодьуман илиилэрин көрөр)? Кырдьык кини суруйбут...</p> <p>Уодьуман. Кинитин кини гынан баран, итиннэ ис сүрээбэ кыттыбат буолуохтаах.</p> <p>Холоостор. Бу маннык сидьин санаалары кини быктарбат этэ дуо?</p> <p>Уодьуман. Хаһан даһаны... Ол гынан баран этэр этэ, сааһын сиппит уолаттар сааһыра барбыт аһаларын баайдарын-дуолларын барытын хабылаахтарын сөп этэ диэн хаста да эппитэ.</p>
---	---	---

Из представленного отрывка отчетливо видно, что русский и якутский переводы абсолютно идентичны: то, о чем говорится в русском тексте, детали, обращения, порядок диалогов, полностью сохранены. В постановочной адаптации общий смысл тоже сохранен, но произошла перестановка предложений в диалогах: письмо в русском и якутском переводе полностью читается Глостером, в постановке же, во-первых, письмо сокращено, во-вторых оставшуюся большую часть письма произносит Эдмунд. Также в постановке добавились обращения отца к сыну по имени “Уодьуман” (Эдмунд), а сын обращается к отцу “аба” (отец), тогда как в переводе Тарасова сохранены обращения “милорд”, “сэр”. Также в по-

становке убрали некоторые диалоги отца и сына, но не в ущерб общему смыслу действия, описанного в оригинальных переводах.

2). **Образная речь.** «Она (речь) неоднородна. Порой это высочайшая поэзия, требующая к себе соответствующего отношения, порой откровенная риторика, нагромождающая десяток пустых околочностей вместо одного вертевшегося на языке у автора и второпях не уловленного слова. Как бы то ни было, метафорический язык Шекспира в своих прозрениях и риторике, на своих вершинах и в своих провалах верен главной сущности всякого истинного иносказания» [6, 343]. В переводе Саввы Тарасова герои Шекспира заговорили на якутском, как будто это их родной язык, их речь полностью передает ту смысловую нагрузку, которая имеется в оригинальном произведении, в точности переданы образы, сила, энергетика и атмосфера шекспировской трагедии, но, самое главное, с учетом менталитета и характера реципиентов. В постановке же перевод Саввы Тарасова стал еще ближе зрителю, в речи героев сохранена информация оригинала, но подана она более понятным и близким языком. Эту особенность можно четко увидеть в диалогах Шута и Лира, особенно в речи Шута.

<i>Перевод на русский язык (Б. Пастернак)</i>	<i>Перевод на якутский язык (С. Тарасов)</i>	<i>Адаптация перевода С. Тарасова в постановке «Илиир Хоруол» (реж. А. Борисов)</i>
<p>«Шут. Если бы мозги у человека были в пятках, не грозили бы его уму мозоли? Лир. Грозили бы. Шут. В таком случае поздравляю тебя. Твоим мозгам никогда не придётсЯ ходить в туфлях. Лир. Ха-ха-ха! Шут. Увидишь, как мило стиво примет тебя другая дочь. Хотя она похожа на другую, как лесное яблоко на садовое, позволь мне знать то, что я знаю. Лир. Что же ты знаешь, дружок? Шут. Что на вкус они обе кажутся такими же кислыми, как два лесных яблока. Можешь ли ты сказать, почему нос на лице у человека посередине? Лир. Нет. Шут. Чтобы иметь по обе стороны от себя по глазу. Чего не различает нос, то глаза досматрЯят. Лир. Я был так несправедлив к ней... Шут. А можешь ли ты сказать, как устрица делает свою раковину? Лир. Нет.</p>	<p>Көрдөөх Көкөт. Өскөтө киһи мэйиитэ тилэбэр эбитэ буоллар, кини өйүгэр чэр куттала суох буолуо этэ дуо? Лир. Кутталлаах буолуо этэ. Көрдөөх Көкөт. Оннук буолабына, эйигин эбэрдэлибин. Эн мэйиин хаһан даһаны түүпүлэнэн хаамыа суоба. Лир. ha-ha-ha! Көрдөөх Көкөт. Атын кыыһың эйиэхэ хайдах амарабын бэйиң көрүүбүң. Ойуур дьаабылыкката саад кизнигэр майгыныннырын курдук, биһрдэрэ биһрдэригэр майгынаатар да, тугу билэрбин бэйэм билэрбэр көнүллээ. Лир. Ол эн тугу билэбин, добоочуок? Көрдөөх Көкөт. Амсайан көрдөххө, иккиэн ойуурга үүммүт икки дьаабылыка курдук хабархай буолуохтара. Эн этиэн дуо, киһи сирэйигэр мунна тобо ортоугар буоларый? Лир. Суох. Көрдөөх Көкөт. Икки өттүгэр биһрдии харахтаах буолаары. Мурун сытырбаан булбатабын харахтар ханна да гыныахтара суоба. Лир. Мин кинини аһара атабаастаабытпын... Көрдөөх Көкөт. Байбал харамайа хабын хайдах онгосторун туһунан</p>	<p>Көрдөөх Көкөт. Аймабыам, эн этиэн дуо, өскөтө киһи мэйиитэ тилэбэр эбитэ буоллар, өйүгэр чэр куттала суох буолуо этэ дуо? Илиир. Кутталлаах буолуох эбитэ буолуо... Көрдөөх Көкөт. Оннук буолабына эйигин эбэрдэлибин, эн мэйиин хаһан даһаны атах танастаах хаамыа суоба. Илиир. Аааааа (раздражается). Көрдөөх Көкөт. Анараа кыыһың эйигин хайдах көрсөрүн бэйиң көрүүбүң (шепотом). Отон отонго майгынынныыр, билэрбин бэйэм билэбин. Илиир. Ол тугу билэбин эн, добоочуок. Көрдөөх Көкөт. Амсайан көрдөхпүнэ – иккиэн хабаххай амтаннаах буолуохтара... Эн билэбин дуо, тобо киһи мунна сирэйин ортоугар буоларый? Илиир. Билбэтим. Көрдөөх Көкөт. Икки өттүгэр биһрдии харахтаах буолаары, мурун сытырбаан булбатабын харах баһас таба көрөр. Илиир. Мин арааһа кинилэргэ наһаалаабытпын.</p>

<p>Шут. Я тоже не могу. А зачем улитке домик, я знаю. Лир. Зачем? Шут. Чтобы было куда вставлять голову, а не подставлять её под удары дочерям вместе с незащищёнными рожками» [8, 56–57].</p>	<p>тугу этиэн этэй? Лир. Билбэппин. Көрдөөх Көкөт. Мин эмиз билбэппин. Оттон ол харамайга дьиз тобо наадатын билэбин. Лир. Тобо нааданый? Көрдөөх Көкөт. Төбөтүн батары анньарга, иннэ гымматабына, ириннэх муосчааннардаах төбөтүн кыргыттарын кырбыйа сутуруктарыгар уган биэрэригэр тиийэр.</p>	<p>Көрдөөх Көкөт. Чоху хаатын хайдах онгосторун туһунан тугу этиэн этэй? Илиир. Билбэтим. Көрдөөх Көкөт. Мин эмиз билбэппин. Ол эрэри ол харамайга дьиз тобо наадатын билэбин. Илиир. Тобо? Көрдөөх Көкөт. Баһын батарарга. Иннэ гымматабына ириннэх муосчааннардаах төбөтүн эн кыргыттарын кырбыйа сутуруктарыгар уган биэрэргэ тиийэр.</p>
--	--	---

Если же в переводе мы наблюдаем полностью идентичный оригиналу на другом языке текст, то в постановке отсутствуют ненужные якутскому зрителю слова или же они заменены более близким ему словом. Например, **яблоко – дьаабылыка – отон** (ягода); **туфли – түүпүлэ – атах таһаһа** (обувь). Ответ Шекспира на шутку Шута про мозги и туфли – смех, но в постановке Лир злится. У Пастернака Шут говорит: **“Увидишь, как милостиво примет тебя другая дочь”**, у Тарасова – **“Атын кыһын эйиэхэ хайдах амарабын бэйэн көрүбүң”** (Увидишь, насколько милостива твоя другая дочь). В постановке – **“Аннараа кыһын эйигин хайдах көрсөрүн бэйэн көрүбүң”** (Увидишь, как на тебя посмотрит другая дочь). Как видно, Тарасов сделал акцент на слово **“милостивый”**, опустив слово **“примет”**. В постановке же решили вернуть слово **“примет”** (хайдах көрсөрүн), отказавшись от слова **“милостивый”**. У Тарасова **улитка – байбал харамайа** (морское животное), в постановке – **чоху** (в переводе на якутский означает как раз-таки **улитка**). У Пастернака – **“глаза досмотрят”**, у Тарасова – **“харахтар ханна да гыныхтара суоҕа”** (глаза никуда не денут), в постановке – **“харахтар таба көрүөхтэрэ”** (глаза точно увидят).

3). **Ритмика.** В своей статье «Замечания к переводам Шекспира» Пастернак писал: «Ритм Шекспира – первооснова его поэзии. Размер подсказал Шекспиру часть его мыслей, слова его изречений. Ритм лежит в основании шекспировских текстов, а не завершительно обрамляет их. Ритмическими взрывами объясняются некоторые стилистические капризы Шекспира. Движущая сила ритма определила порядок вопросов и ответов в его диалогах, скорость их чередования, длину и короткость его периодов в монологах. Этот ритм отразил завидный лаконизм английской речи, позволяющей в одной строчке английского ямба охватить целое изречение, состоящее из двух или нескольких предложений. Это ритм свободной исторической личности, не творящей себе кумира и благодаря этому искренней и немногословной» [10, 342–344]. Конечно же, Б. Пастернак и С. Тарасов, как поэты-переводчики, по-разному, но мастерски передают эту особенность Шекспира в своих переводах.

<i>Перевод на русский язык (Б. Пастернак)</i>	<i>Перевод на якутский язык (С. Тарасов)</i>	<i>Адаптация перевода С. Тарасова в постановке «Илиир Хоруол» (реж. А. Борисов)</i>
<p><i>Лир. Войте, войте, войте! Вы из камня! Мне ваши бы глаза и языки – твердь рухнула б!.. Она ушла навеки... Да что я, право, мёртвой от живой Не отличи? Она мертвее праха. Не даст ли кто мне зеркало? Когда Поверхность замутится от дыханья, Тогда она жива...</i></p>	<p><i>Лир. Хаһытаан, улуйун, улуйун! Эһиги дэриэспэ таастаргым! Миэхэ эһиги харахтаргым уонна тылларгым бааллара буоллар – Сир да сингэстиэ этэ!.. Кини үйэлэргэ барда... Ама мин өлбүтү тыыннаахтан араарбат үһүбүн дуо? Кини өлүктээбэр өссө тон. Ким эмэ миэхэ сизркилэ бизэрэй? Тыына тааска олорон хааллабына, Оччоҕо кини – тыыннаах.</i></p>	<p><i>Илиир. О-о-о, уһуутаан, улуйун! Муус буолбут сүрэхтэр. Сэниэм-күүһүм ситэ баара буоллар, Сир ийэ сингийиэ этэ... Ону баара оҕом сыһа Быдан дьылга быралыйда, Ама өлбүтү тыыннаахтан араарбат үһүбүн дуо? Оҕом сыһыһын муомахтаабыттар, Кыыл-сүөл, үөн-көйүүр олох оло- руохтарын сөп, Эн эрэ буолбатах, Туох диэтинг, Кэрэдиэлийэ? Тохтуу түс, күүт. Эн, Күөн буолбатаххын? Күөн. Илэ бэйэбинэн, Маннайгы кыһарбаннаах күннүт- тэн Аттыгыттан арахтаабым. Илиир. Аҕал, аҕал сизркилэтэ.</i></p>

Как и в других отрывках перевод Тарасова и Пастернака идентичны, за исключением некоторых моментов: тройное “*войте*” Пастернака у Тарасова представлена двумя словами “*хааһытаан*” (кричите), “*улуйун*” – 2 раза (войте). В постановке – также три слова: междометие “*о-о-о*”, “*уһуутаан*” (тяжело протяжно вздыхать), “*улуйун*”. Слово “*камень*” Тарасов дополнил словом “*дэриэспэ*”, что значит в переводе с якутского “*щебень, галька, гравий*”. В постановке “*люди из камня*” стали “*людьми с ледяным сердцем*”. “*Глаза и языки*” у Саввы Тарасова переведены дословно, в постановке – “*сэниэ-күүс*” (сила и мощь). “*Твердь бы рухнула*” – “*Сир да сингэстиэ этэ*” (земля бы перевернулась) у Тарасова, в постановке – “*Сир ийэ сингийиэ этэ*” (Мать-земля бы пошатнулась). “*Она ушла навеки*” у Тарасова представлен дословным переводом, а в постановке “*Оҕом сыһа быдан дьылга быралыйда*” (моя маленькая отправилась в вечность). Пастернаковское “*она мертвее праха*” у Тарасова “*кини өлүктээбэр өссө тон*” (она холоднее мертвеца), в постановке этот отрывок отсутствует. Далее перевод Тарасова и Пастернака идентичны, а в постановке произошли перестановки диалогов и существенное сокращение концовки.

Заключение. В результате проведенной работы, думаю, что теория о сложности перевода драматических произведений ввиду их двойственного характера нашла свое подтверждение. Поэтому, чтобы наиболее полно раскрыть и передать драматические тексты с одного языка на другой, тем более если предполагается постановка, необходимо провести несколько типов анализа: литературоведческий, лингвистический, прагматический, театроведческий и культурологический. Таким образом специфика перевода драматического произведения лежит на пересечении нескольких дисциплин. Перевод и постановка сближаются на основе таких понятий, как трансформация, интерпретация, конкретизация, адаптация.

Спектакль «Илиир Хоруол» якутский зритель не воспринимает как произведение зарубежного автора, тем более как произведение 17 века, постановка предстает перед ним как исконно якутская драма, которая понятна современному зрителю, конечно же, в этом

заслуга не только текста, но и всех, кто причастен к его созданию: режиссера, актеров, сценографа, костюмера, и, несомненно, переводчика. Особенно близко мы воспринимаем спектакль, когда слышим говорящие имена. Вся образность и символика якутского языка ярко заиграли именно в точных звуковых ассоциациях имен собственных, то есть зритель, с первых звуков имен, тотчас определяет характеры персонажей.

В переводах Пастернака, Тарасова и в постановке Борисова есть три общие черты – это соблюдение особого стиля Шекспира, который включает три особенности. Во-первых, это глубокая реалистичность драмы, которая прежде всего прослеживается в диалогах, сопряженных с действием. Во-вторых, это образная речь, которая очень неоднородна. В своих переводах и Пастернак, и Тарасов, а также Борисов в постановке свои тексты полностью адаптировали под своих читателей (зрителей), но не теряя той смысловой нагрузки, которая имеется в оригинальном произведении. Эту особенность можно четко увидеть в диалогах Шута и Лиры, особенно в речи Шута. В-третьих, это ритмика текста. Ритм лежит в основании всех шекспировских текстов. Пастернак и Тарасов, как поэты-переводчики, по-разному, но мастерски передали эту особенность Шекспира в своих работах, особенно четко мы это видим в монологе Лиры. У Борисова тоже сохранен этот ритм, но уже адаптированный под “театральный”.

Цель автора любого произведения или действия – воздействовать на читателя (зрителя), «поговорить» с ним, дать ему пищу для размышлений, тем самым как-то повлиять на него и его жизнь. Я думаю, что Шекспиру, Пастернаку, Тарасову и Борисову, мастерам, знающим толк в беседе со своими (исходя из национальной принадлежности, а также временной рамки) читателями и зрителями, это удалось.

Литература

1. Горький А. М. О пьесах // Литературная учёба – 1933. – № 2. – С. 3
2. Чистюхин И. Н. О драме и драматургии. – Орел : eBook, 2002. – 293 с.
3. Jecha, Julio. Intersemiotic Translation: The Peircean Basis http://www.juliojecha.pro.br/sign_res/intersemtrans.pdf
4. Ремез О.Я. Мастерство режиссера: Пространство и время спектакля – Москва, Просвещение, 1983. – Издательство ГИТИС. – 144 с.
5. Jacobson, Roman. Linguistic Aspects of Translation/ In: Brower R., ed. On Translation. – Cambridge: Harvard University Press, 1959.
6. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – С.-Пб.: Symposium, 2006.
7. Naremore, J. Film Adaptation. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. С. 67.
8. Foakes R.A. Introduction // Shakespeare W. King Lear (Arden Shakespeare: ThirdSeries). – L. : Arden Shakespeare, 1997. – P. 1–152.
9. Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии? – Москва: Художественная литература, 1971 – с. 606
10. Пастернак Б. К переводам шекспировских драм. (Из переписки Бориса Пастернака) // Мастерство перевода. 1969. – М. : Изд-во Советский писатель, 1970.
11. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 10. – М. : Гослитиздат, 1952.
12. Дружинин А. В. Собрание сочинений А. В. Дружинина. – Т. 3. – СПб. : В типографии Императорской Академии наук, 1865.
13. Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. – Т. 5.–М. : Слово, 2004.
14. Каганович Б.А. А. Смирнов и пастернаковские переводы Шекспира // Вопросы литературы. – 2013. – № 2. – С. 20–71.
15. Никитин П. Мастера якутской сцены.– Якутск, 1985.– 272 с.
16. Андрей Борисов и путь Саха театра: статьи, интервью, рецензии / [сост. В.А. Чусовская, В.Н. Павлова, Е.Н. Степанов, О.Г. Сидоров ; ил.: Г.П. Сотников, М.В. Егоров]. – Якутск : Бичик, 2016. – 480 с.
17. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. – Москва : АСТ, Астрель, Хранитель, 2008. –360 с.

18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта: (Буквы У, Y) – Т. 12. – Новосибирск : Наука, 2015. – 608 с.
19. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта: (Буква К) – Т. 5. – Новосибирск : Наука, 2008. – 624 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта: (Буква Г, Д, Дь, И) – Т. 3. – Новосибирск : Наука, 2006. – 844 с.
21. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта: (Буква К) – Т. 4. – Новосибирск : Наука, 2007. – 680 с.
22. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта: (Буква Э) – Т.15. – Новосибирск : Наука, 2018. – 585 с.
23. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта: (Буква Х) – Т.13. – Новосибирск : Наука, 2016. – 648 с.

References

1. Gor'kij A. M. O p'esah // Literaturnaja uchjoba – 1933. – № 2. – S. 3
2. Chistjuhin I. N. O drame i dramaturgii. – Orel : eBook, 2002. – 293 s.
3. Jaha, Julio. Intersemiotic Translation: The Peircean Basis http://www.juliojaha.pro.br/sign_res/intersemtrans.pdf
4. Remez O.Ja. Masterstvo rezhissera: Prostranstvo i vremja spektaklja – Moskva, Prosveshhenie, 1983. – Izdatel'stvo GITIS. – 144 s.
5. Jacobson, Roman. Linguistic Aspects of Translation/ In: Brower R., ed. On Translation. – Cambridge: Harvard University Press, 1959.
6. Jeko U. Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode. – S.-Pb.: Symposium, 2006.
7. Naremore, J. Film Adaptation. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. S. 67.
8. Foakes R.A. Introduction // Shakespeare W. King Lear (Arden Shakespeare: ThirdSeries). – L. : Arden Shakespeare, 1997. – R. 1–152.
9. Pinskij L.E. Shekspir. Osnovnye nachala dramaturgii' – Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 1971 – s. 606
10. Pasternak B. K perevodam shekspirovskih dram. (Iz perepiski Borisa Pasternaka) // Masterstvo perevoda. 1969. – M. : Izd-vo Sovetskij pisatel', 1970.
11. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. – T. 10. – M. : Goslitizdat, 1952.
12. Druzhinin A. V. Sobranie sochinenij A. V. Druzhinina. – T. 3. – SPb. : V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1865.
13. Pasternak B. Polnoe sobranie sochinenij s prilozhenijami. V 11 t. – T. 5.–M. : Slovo, 2004.
14. Kaganovich B.A. A. Smirnov i pasternakovskie perevody Shekspira // Voprosy literatury. – 2013. – № 2. – S. 20–71.
15. Nikitin P. Mastera jakutskoj sceny.– Jakutsk, 1985.– 272 s.
16. Andrej Borisov i put' Saha teatra: stat'i, interv'ju, recenzii / [sost. V.A. Chusovskaja, V.N. Pavlova, E.N. Stepanov, O.G. Sidorov ; il.: G.P. Sotnikov, M.V. Egorov]. – Jakutsk : Bichik, 2016. – 480 s.
17. Dal' V.I. Bol'shoj illjustrirovannyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennoe napisanie. – Moskva : AST, Astrel', Hranitel', 2008. –360 s.
18. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: (Bukvy U, Y) – Т. 12. – Новосибирск : Наука, 2015. – 608 с.
19. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: (Bukva K) – Т. 5. – Новосибирск : Наука, 2008. – 624 с.
20. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: (Bukva G, D, D', I) – Т. 3. – Новосибирск : Наука, 2006. – 844 с.
21. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: (Bukva K) – Т. 4. – Новосибирск : Наука, 2007. – 680 с.
22. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: (Bukva Je) – Т.15. – Новосибирск : Наука, 2018. – 585 с.
23. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлааh ulahan tyld'yta: (Bukva H) – Т.13. – Новосибирск : Наука, 2016. – 648 с.

Н. А. Ефремова, В. Н. Иванова

Типы аудиовизуального перевода и хронология якутских художественных фильмов

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования продиктована недостаточностью изучения аудиовизуального перевода художественных и анимационных фильмов, снятых на якутском языке. Авторы дают определение терминам «аудиовизуальный перевод», «дублирование», «синхронный перевод», «субтитр», классификация аудиовизуального перевода и краткий обзор истории появления аудиовизуального перевода в якутской кинематографии. Методологической основой исследования послужили труды российских ученых-переводоведов П. Р. Палажченко, А. П. Чужакина, Р.А. Матасова, А. В. Козуляева. Исторический экскурс показал, что перевод фильмов в якутской кинематографии берет свое начало с 1916 года с появлением в театре Приютова немой кинокартины «Гибель Помпеи», который сопровождался комментарием на якутском языке. С 1990-х гг. с развитием киноиндустрии фильмы, созданные в местной киностудии «Сахафильм» транслируются с синхронным переводом; далее практикуется субтитрированный перевод. Полное озвучивание (дубляж) производился в таких широкомасштабных многобюджетных проектах как «Тайна Чингис Хана» (2009), «Тыгын Дархан» (2020). В работе использован описательный метод исследования.

Ключевые слова: субтитрование, художественный фильм, аудиовизуальный перевод, закадровое озвучивание, двухмерное, трехмерное субтитрование, дублирование анимационных произведений, полный дубляж.

N. A. Efremova, V. N. Ivanova

Types of audiovisual translation and chronology of Yakut feature films

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the study is dictated by the insufficiency of studying the audiovisual translation of feature and animated films made in the Yakut language. The authors define the terms “audiovisual translation”, “duplication”, “simultaneous translation”, “subtitle”, classification of audiovisual translation and a brief overview analysis of the history of the appearance of audiovisual translation in Yakut cinematography. The methodological basis of the study was the works of Russian translation scholars P.R. Palazhchenko, A.P. Chuzhakin, R.A. Matasova, and A. V. Kozulyaeva. The historical digression showed that the translation of films in the Yakut cinematography dates back to 1916 with the appearance in the Priyutov Theater of the silent film “The Death of Pompeii”, which was accompanied by a commentary

---

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

ЕФРЕМОВА Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИВАНОВА Варвара Николаевна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

E-mail: joy_vn78@mail.ru

ИВАНОВА Varvara Nikolaevna – Master’s student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

in the Yakut language. Since the 1990s with the development of the film industry, films created in the local film studio “Sakhafilm” are broadcast with simultaneous translation; followed by subtitled translation. Full dubbing (dubbing) was carried out in such large-scale multi-budget projects as “The Secret of Genghis Khan” (2009), “Tygyn Darkhan” (2020). The paper uses a descriptive research method.

Keywords: subtitling, feature film, audiovisual translation, off-screen dubbing, two-dimensional, three-dimensional subtitling, animation dubbing, full dubbing.

Введение

В Республике Саха (Якутия) киноиндустрия является довольно молодой отраслью, которая занимается кинопроизводством. Благодаря якутскому кино, российские зрители знакомятся с нашей национальной культурой, традициями и обычаями, получают знание о далеком холодном севере, его жителях, воочию видят уклад жизни на этой суровой земле.

В век технического прогресса и развития киноиндустрии в нашем регионе стали создавать широкомасштабные, содержательные художественные фильмы, которые набирают большую популярность не только в регионе, но и за его пределами.

Для того, чтобы фильм вышел на российский уровень, необходимо озвучить его на русском языке. В этом случае стоит вопрос об аудиовизуальном переводе. Отметим, что большая часть сахаязычной аудитории предпочитает смотреть якутские фильмы в оригинале, т.е. без перевода. Но чтобы охватить русскоязычную аудиторию, понадобится переводчик, который правильно и грамотно передаст речь героев фильма на русский язык с помощью титра.

Аудиовизуальный перевод кинофильмов мало изучена и не имеет стабильной четкой теоретической базы, которая могла бы стать основой нового направления в переводоведении. Учитывая значение развития якутской кинематографии в современной киноиндустрии, мы с уверенностью говорим, что вопрос повышения качества аудиовизуального перевода потребует поиска новых подходов в решении данной проблемы.

Целью исследования является описание видов аудиовизуального перевода и обзор якутских кинофильмов с аудиовизуальным переводом.

Аудиовизуальный перевод

В последние годы XXI столетия аудиовизуальный перевод стал объектом внимания российских исследователей. В российской теории практики перевода термин «аудиовизуальный перевод» не получил распространения, чаще всего данный вид сводится к термину «кино / видео перевод». Данный термин выдвинули такие известные российские переводоведы, как П. Р. Палажченко и А. П. Чужакин, и исследователь теории перевода Р. А. Матасов [7].

Понятие аудиовизуального перевода впервые появилось в 50-е годы прошлого века. Развитие аудиовизуального перевода в России началось лишь в 1990-е годы, когда в СНГ стали завозить видеокассеты с американскими фильмами без перевода на русский язык. Рассмотрим пример классификации А. Козуляева. Алексей Владимирович Козуляев, руководитель российской школы аудиовизуального перевода, выделил следующие виды аудиовизуального перевода [5, с. 16-17]:

1. *Перевод для закадрового озвучивания (voice-over)*, при котором исходная звуковая дорожка не заменяется, а приглушается, но остается слышной. Таким образом, переводчик практически не имеет ограничений в виде визуального синтаксиса, так что актер, читающий его перевод, обладает большей свободой в выборе темпа речи.

2. *Перевод для двухмерного субтитрования*. Переводчику необходимо уместить перевод в ограниченное количество строк и знаков, что определено международными стандартами субтитрования, включающими в себя скорость чтения и отображения субтитров на экранах. Кроме того, субтитры должны быть привязаны к смене планов в кадре, что еще больше усложняет работу переводчика, укорачивая время перевода.

3. *Перевод для дублирования сериальных детских художественных и анимационных произведений и игр.* На этот тип аудиовизуального перевода оказывает очень серьезное воздействие существование искусственных «миров» сериалов и игр. Собственно, создатели данных произведений делают все, чтобы максимально наполнить и разнообразить игровую, имитационную, отделенную от реальности составляющую, поскольку для целевой аудитории игра является основным средством познания мира [5, с. 16-17].

4. *Перевод под полный дубляж (lip-synq).* При переводе полного дублирования оригинальная речевая фонограмма полностью заменяется новой, сделанной таким образом, чтобы совпадала не только длительность фраз, но и артикуляция актёров с новым текстом. Есть упрощённый способ дублирования, при котором совпадают только начало и конец фраз без укладки текста который называется lip-synq.

5. *Перевод для трехмерного субтитрования.* Осуществляя этот вид аудиовизуального перевода, переводчику нужно синтезировать семантические составляющие речи и образа, так как все элементы киноязыка отвечают за создание иллюзии трехмерной реальности аудиовизуального текста. Этот тип перевода используется в трехмерных фильмах, и к таким субтитрам предъявляются отдельные требования как по оформлению, так и по содержанию, ввиду особого восприятия 3D-изображения [5, с. 16-17].

Классификация аудиовизуального перевода имеет много разновидностей. А.В. Козуляев определил классификацию аудиовизуального перевода по пяти видам. Самыми распространёнными являются дублирование и субтитрование.

Далее рассмотрим различные определения субтитрования и дублирования в словарях.

1. Субтитр является надписью в нижней части кадра кинофильма, является обычно краткой версией перевода иноязычного диалога (или вообще текста) на язык понятный зрителю [9].

2. Субтитром в кино и на телевидении называется надпись под изображением, внутри кадра [10].

3. Субтитр – надпись в нижней части кадра кинофильма, представляющая собой запись или перевод речи персонажей [10].

4. Субтитрами также снабжаются фильмы и передачи для глухих.

Таким образом, можно различить несколько видов субтитров. Субтитры, которые приводятся на том же языке, что и фильм, и предназначенные для людей с ограниченными возможностями здоровья. Помимо этого, есть субтитры, которые являются переводом фильма на язык, понятный аудитории.

Дублирование

1. Дублирование – творческий процесс перевода речевой части фильма с языка оригинала на другой язык [10, с. 133].

2. Дублировать – воспроизводить речевую часть звукового фильма на другом языке путем перевода, соответствующего слоговой артикуляции действующих лиц [10, с. 215].

3. Дублирование – изготовление фонограммы на другом языке, смысловое содержание которой соответствует переводу оригинала. Техника дублирования предусматривает уравнивание продолжительности отдельных

фраз и темпа речи на обоих языках [10, с. 378].

Согласно определению термина «дублирование» – это творческий процесс изготовления звуковой фонограммы на другом языке, но смысловое содержание, которого должно соответствовать переводу оригинала и артикуляции актеров. Соответственно, основным критерием становится не максимальная точность перевода кинотекста с одного языка на другой, а адекватная передача смысла с обязательным соответствием артикуляции слогов. Иными словами, при дублировании должно казаться, что герои сами произносят звучащий текст, что это их родной язык, а не перевод.

Перевод кинофильма всегда сопряжен с определенными трудностями не только лингвистического, но и технического характера, что напрямую влияет на степень адекватности и эквивалентности аудиовизуального перевода оригиналу, а также его техническому воплощению на экране, т.е. синхронности артикуляции актеров и реплик дублеров [6].

В журнале «Мосты» опубликована запись круглого стола: «Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина», где участвовали работники редакции журнала. В ходе круглого стола Мишель Берди привела пять типов кино/видео перевода:

1. Синхронный перевод фильма, где синхронист, может быть, впервые вместе со зрителем видит этот фильм, и должен постараться как можно правильнее передать содержание;

2. Озвучивание фильма одним актёром или самим переводчиком, когда один актёр или сам переводчик озвучивает весь фильм;

3. Озвучивание фильма двух актеров (мужчина и женщина) – закадровое озвучивание, которое выполняется уже двумя актерами – мужчиной и женщиной, оригинальный звукоряд также сохраняется;

4. Полный дубляж фильма – самый дорогостоящий вид дубляжа, когда полностью озвучивают актеры, и нужно так изменить речь, чтобы постараться попасть в артикуляцию. Данный тип требует артистизма и творческого подхода, чтобы войти в озвучиваемый образ;

5. Использование титров при полном сохранении исходного звукоряда, где реплики персонажей воспроизводятся в виде текста на языке перевода в нижней части экрана. Здесь переводчику необходимо уместить перевод в ограниченное количество строк и знаков, детерминированных международными стандартами скорости чтения и отображения субтитров на экранах. Этим видом перевода занималась в Соединенных Штатах Америки сама М. Берди [1, с. 57].

Именно этот способ перевода является одним из старейших, т.к. с 1929 года субтитры начали использовать при переводе кинофильмов. Если рассмотреть с технической точки зрения, этот вид является единственным доступным на протяжении длительного времени.

Фильм, сопровождаемый с комментарием на якутском языке

Появление аудиовизуального перевода неразрывно связано с развитием якутской кинематографии.

В 1916 году в Якутске были неоднократные попытки озвучивания кинокартин, о котором написано в книге И.С. Жараева «Заметки из истории кинематографии Якутии: к 100-летию со дня первого показа кино в Якутии». 12 февраля 1916 г. в кинотеатре Приютова был продемонстрирован показ немого фильма «Гибель Помпеи», впервые сопровождаемый комментарием на якутском языке. Вот что написал об этом Е. Копылов в местной газете «Эхо столицы» от 17 июня 2009 г.: «...К сожалению, имена авторов перевода и комментариев остаются пока неизвестными. Но якутский комментарий был явно неплохим, так как все билеты на все сеансы этого кино всегда продавались полностью. Затем последовали и другие фильмы. Комментаторы в эпоху немого кино считались своего рода звездами, сейчас из них получились бы отличные дикторы. Им нужно было не только обладать хорошим голосом, но и обостренным чувством времени. Ведь нужно успеть прочитать каждый текст так, чтобы совпадал по смыслу с соответствующими кадрами на экране. И не просто «отгарабанить» монотонным голосом, но передавать эмоции и накал страстей так, чтобы вышибать слезу у зрителя. Чувственно и страстно читать текст в течение 40-45 минут, причем громко и без лишней фальши, поверьте мне, трудно... Но революции и гражданская война прервали развитие комментаторского искусства. Зато идеологическая работа приобрела чисто светский характер, хотя и не лишилась влияния идеологии» [4, с. 18-19].

Первые художественные фильмы

Первый художественный фильм «Тайна предков», рассказывающий об Якутии вышел на большой советский экран в 1972 году. Фильм был снят режиссёром Маратом Ариповым на киностудии «Таджикфильм» по сценарию Л.Л. Габышева по мотивам повести Николая Якутского «Золотой ручей». Премьера фильма состоялась в Москве 22 января 1973 года. Этот фильм помог создать уже тогда имидж далекого севера – Якутии – для многомиллионного советского телезрителя. С тех пор граждане многих республик и всей России ассоциируют наш северный край не только с трескучими морозами, но и с золотыми приисками и алмазами. Фильм озвучивали советские и российские актеры театра и кино Анатолий Кузнецов, Иван Рыжов, Николай Граббе. В фильме играли Дмитрий Ходулов, Антанас Габренас, Наталья Кирюшкина (Шестакова), Спартак Федотов, Татьяна Конюхова, Георгий Склянский, Виктор Филиппов, Бакен Кыдыкеева, Александр Мовчан, Владимир Фоменко, Ли Ен Су и др.

История якутского художественного кинематографа связана с созданием короткометражного драматического фильма «Маappa» (1986), который был снят по мотивам повести Николая Заболоцкого-Чысхаана «Маappa» (1944) в Свердловской киностудии. Эта первая лента, снятая на якутском языке, по праву считается началом якутской кинематографии. Художник-постановщик Алексей Романов, сценаристы Ю. Разыков, А. Романов [8]. Автор в своей повести рассказывает о трагической судьбе девушки, которая после смерти родителей, не выдержав одиночества, покончила с собой и ее дух остался в родном етёхе, пугая прохожих. Повесть была переведена на русский язык В. Дудинцевой, Н. Гордеевой под названием «Девушка в камусах» и вышла в печать в 1986 году. Но к сожалению, фильм так и остался без перевода. По современным меркам этот фильм можно было бы назвать первым якутским хоррором.

Фильмы с синхронным переводом кинокомпания «Сахафильм»

В конце девяностых годов прошлого столетия кинокомпания «Сахафильм» снабдил синхронным переводом свою продукцию в результате которого расширилась зрительская аудитория. Первым опытом распространения синхронного перевода стал фильм «Тулабыт барыта хайалар» («Вокруг только горы»), который вышел на экран в 1995 году (режиссер Никита Аржаков, автор сценария Семен Ермолаев).

Художественные фильмы «Бэйэ дьоно» (1995), «Ол сайын» (1996), «Дьуккаах» (1996), «Тайбаан арыы» (1998), «Биһиги Сүөдэрбит» (2000), «Надо мною солнце не садиться» (2019), Тыгын Дархан» (2020) также имеют синхронный перевод.

В фильме «Надо мною солнце не садится» (2019) роли озвучивали российские актеры театра кино и дубляжа Прохор Чеховской (Алтан) и Борис Токарев-Хрунов (Байбал).

Новинка 2020 года, художественный фильм «Тыгын Дархан», снятый по мотивам исторического романа народного писателя В.С. Яковлева- Далана «Тыгын Дархан» и «Глухой Виллой» также вышел на большой экран с качественным дубляжом. Все звуковые работы и речевое озвучивание на якутском языке проходили в Якутии, а в кинокомпаниях «Мосфильм» делался закадровый синхронный перевод на русский язык и шумовое озвучивание, запись музыки, сведение и перезапись [8].

Фильмы с субтитрами на русском языке

Следующим вариантом локализации якутских фильмов стало субтитрование. Кино с субтитрами, как язык жестов понятен представителям разных культур, а сами субтитры легко переводятся с одного языка на другой.

Идея использования субтитров в якутской киноиндустрии была воплощена в фильме Никиты Аржакова «Хара мааска» («Черная маска»), который транслировался в 2002 году. Автором киносценария выступил известный якутский писатель Егор Неймохов; по мотивам его повести «Хаһыы» и был снят фильм.

Использование субтитров при полном сохранении исходного звукооряда намечается в следующих фильмах, снятых кинокомпанией «Сахафильм» [8]:

1. «Журавли над Ильменем» (2005 г.) – художественный фильм, посвященный 60-летию Победы, созданный по заказу Президента и Правительства Республики Саха (Якутия). Фильм с субтитрами на русском языке. Режиссер-постановщик – Н. Аржаков, сценарий Е. Неймохова.

2. «Аанчык» (2006 г.) – художественный фильм с субтитрами на русском языке. Сценарий и постановка Н. Аржакова. Фильм снят по мотивам рассказа Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона «Аанчык», написанный еще в 1927 г. и ставший классикой якутской литературы.

3. «Плисада» (2006 г.) – художественный фильм с субтитрами. Режиссер – Э. Новиков. Фильм снят по мотивам рассказа писателя Николая Габышева «Плисада».

4. «Туман буолбут таптал» («Призрачная любовь») (2007 г.) – художественный фильм по мотивам рассказа современного писателя Константина Эверстова. Режиссер-постановщик – Аркадий Новиков. Следует отметить, что распространенным жанром в якутской киноиндустрии является мистика, выражающаяся в отражении потустороннего мира.

5. «Үрүҥ күн» («Белый день») (2013 г.) – драма, основанная на реальных событиях. Субтитры на русском языке. Сценарий Виктора Дегтярева, режиссер-постановщик Михаил Лукачевский.

6. «Дьикти саас» («Дивная пора») (2013 г.) – художественный фильм, снятый по мотивам повести народного писателя В.С. Яковлева-Далана «Дьикти саас». Режиссер-постановщик – Никита Аржаков. Надо сказать, что перевод субтитра в некоторых местах не соответствует оригиналу, т.е. произведен некачественно.

7. «Август. Уол да уол» (2014 г.) – комедия на злободневную тему. Субтитры на русском языке. Режиссеры: Дмитрий Шадрин, Алексей Егоров.

8. «Государственные дети» (2015 г.) – военная драма. Субтитры на русском языке. Режиссер-постановщик – Александр Лукин. Время действий – зима 1943 года.

9. «Тойон кыыл» («Царь-птица») (2018 г.) – психологическая драма, повествующая о гармонии наших предков с природой. Режиссер-постановщик – Эдуард Новиков, сценарий Семена Ермолаева. Фильм стал победителем 40-го Московского международного кинофестиваля и лауреатом множеств международных кинофестивалей.

10. «Мин үрдүбэр күн хаһан да киирбэт» («Надо мною солнце не садится») (2019 г.) – фильм-притча, поднимающая проблему отцов и детей в современном мире. Режиссер-постановщик, сценарист – Любовь Борисова. Перевод качественный.

11. «Тизтэйбит» (2020 г.) – комедия режиссера Степан Дорощев, снятая по мотивам пьесы одного из основоположников якутской литературы Н.Д. Неустроева «Тизтэйбит», написанный в далеком 1920 году.

12. «Тыгын Дархан» (2020 г.) – исторический фильм режиссёра Никиты Аржакова. Этот фильм завоевал множество наград в XIV Всероссийском фестивале исторических фильмов «Вече» (Новгород), а также в VI Российско-Британском Сочинском международном кинофестивале и кинопремии «ИРИДА» (SIFFA) (Сочи). Премьера фильма сопровождалась субтитрованием на русском языке. Перевод произведения и сценария фильма на русский язык был подготовлен одним и тем же лицом – А.Е. Шапошниковой. По словам самого переводчика, перевод художественного произведения – это одно, а перевод сценария фильма – это другое. Здесь подходы разные. Сценарий фильма – это пьеса, состоящая, в основном, из ремарок и диалогов героев. Речь героев должна быть короткой, близкой к разговорному стилю.

Заключение

Таким образом, субтитрование художественных фильмов требует особого комплексного синкретизированного подхода со стороны киноиздателей, в частности от сценариста и монтажера. От качества перевода зависит успех фильма. Поэтому переводом сценария должны заниматься профессионалы-переводчики. Не каждый сценарист может справиться с этой нелегкой задачей. Однако мы знаем, что сценарий картины остросюжетного приключенческого фильма, истерна, «Тайна предков» была написана профессиональным киносценаристом, писателем, переводчиком владеющим двумя языками – якутским и русским – Л.Л. Габышевым. Из воспоминаний режиссера Марата Арипова, нам известно, что ему передали не оригинал произведения «Көмүстээх үрүйэ», а именно перевод «Золотой ручей», подготовленный М. Кротовым. На его основе совместно с Валентином Максименковым был написан сценарий будущего фильма.

Перевод художественного фильма – одно из востребованных направлений переводоведения, которое требует дальнейшего изучения. В нашем билингвальном регионе развитие аудиовизуального перевода имеет свои перспективы и идет полным ходом.

Литература

1. Берди М. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина / М. Берди // Мосты. – 2005. – С. 57.
2. Горшкова В. Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // Сибирский аэрокосмический журнал. – 2006. – №3 (10). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-filmov-s-subtitrami>
3. Егорова Т. А. Субтитрование и дубляж. Определение, сравнение методик. Плюсы и минусы // Вестник науки и образования. – 2019. – № 3 (57). Часть 1. – С. 46-50 URL <https://cyberleninka.ru/article/n/subtitrovaniye-i-dublyazh-opredelenie-sravnienie-metodik-plyusy-i-minusy>
4. Жараев И. С. Заметки из истории кинематографии Якутии: к 100-летию со дня первого показа кино в Якутии // Ахсаан. – 2011 – С. 304
5. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 13. – С. 3-24.
6. Грибанова И. Э. Особенности перевода англоязычных художественных фильмов комедийного жанра на русский язык. Выпускная квалификационная работа. – Екатеринбург, 2016. – 74 с. // <http://elag.uspu.ru/bitstream/uspu/2964/1/02Gribanova2.pdf>
7. Матасов Р. А. История кино/видео перевода // Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2008. – № 3. – С. 3-27.
8. Официальный сайт <https://sakhafilm.ru>
9. Официальный сайт <https://www.kinopoisk.ru/film/696385/>
10. Юткевич С., Афанасьев Ю. С. Кино: энциклопедический словарь. – Советская энциклопедия, 1986. – 456 с.

References

1. Berdi M. Kinoperevod: malo chto ot Boga, mnogo chego ot Goblina / M. Berdi // Mosty. – 2005. – S. 57.
2. Gorshkova V. E. Osobennosti perevoda fil'mov s subtitrami // Sibirskij azerokosmicheskij zhurnal. – 2006. – №3 (10). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-filmov-s-subtitrami>
3. Egorova T. A. Subtitrovaniye i dubljazh. Opredelenie, sravnienie metodik. Pljusy i minusy // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 3 (57). Chast' 1. – S. 46-50 URL <https://cyberleninka.ru/article/n/subtitrovaniye-i-dublyazh-opredelenie-sravnienie-metodik-plyusy-i-minusy>
4. Zharaev I. S. Zаметки iz istorii kinematografii Jakutii: k 100-letiju so dnja pervogo pokaza kino v Jakutii // Ahsaan. – 2011 – S. 304

5. Kozuljaev A.V. Obuchenie dinamicheski jekvivalentnomu perevodu audiovizual'nyh proizvedenij: opyt razrabotki i osvoenija innovacionnyh metodik v ramkah shkoly audiovizual'nogo perevoda // Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznaniya i pedagogiki. – 2015. – № 13. – S. 3-24.

6. Gribanova I. Je. Osobennosti perevoda anglojazychnyh hudozhestvennyh fil'mov komedijnogo zhanra na russkij jazyk. Vypusknaja kvalifikacionnaja rabota. – Ekaterinburg, 2016. – 74 s. //http: elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2964/1/02Gribanova2.pdf

7. Matasov R. A. Istorija kino/video perevoda // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. 22. Teorija perevoda. – 2008. – № 3. – S. 3-27.

8. Oficial'nyj sajt <https://sakhafilm.ru>

9. Oficial'nyj sajt <https://www.kinopoisk.ru/film/696385/>

10. Jutkevich S., Afanas'ev Ju. S. Kino: jenciklopedicheskij slovar'. – Sovetskaja jenciklopedija, 1986. – 456 s.

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

УДК 812

Р. П. Кузьмина, С. Н. Саввинова

Памяти ученого Василия Афанасьевича Роббека
(к 85-летию со дня рождения)

R. P. Kuzmina, S. N. Savvinova

In memory of the scholar Vasily Afanasyevich Robbek
(to the 85th anniversary)

О славном сыне эвенского народа Василии Афанасьевиче Роббеке писали и будут писать, будут изучать его научное, общественное политическое наследие не одно поколение его последователей, учеников. Таков масштаб его личности, его научного наследия.

В. А. Роббек – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ и РС (Я), ученый с мировым именем, ведущий специалист по тунгусо-маньчжуроведению. На его счету более двухсот научных работ, среди которых такие фундаментальные труды как «Виды глагола в эвенском языке», «Категория залоговости в эвенском языке», «Язык эвенов Березовки», «Грамматические категории эвенского языка», «Эвенско-русский словарь» (в соавторстве с М. Е. Роббек), «Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте» и др.

КУЗЬМИНА Раиса Петровна – к. филол. н., старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

KUZMINA Raisa Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

САВВИНОВА Степанида Николаевна – к. филол. н., научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: stepanidasavvinova@mail.ru

SAVVINOVA Stepanida Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Василий Афанасьевич сын оленеводов, родился 6 января 1937 г. в Байдунском наслеге Среднеколымского района Якутской АССР. Как и все дети оленеводов, с 1 по 10 класс обучился в школе, живя в интернате. Деятельного, целеустремленного юношу после окончания школы берут на работу воспитателем интерната, затем учителем начальной школы и как активиста назначают инструктором РК ВЛКСМ. В 1961 году поступает в Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена, что и определило его судьбу. После окончания с отличием института в 1966 г. начинает работу директором Налымской восьмилетней школы Среднеколымского района. Молодой выпускник активно участвовал в важнейшей для того времени работе по советизации и организации ликбеза для коренного населения Березовки, был назначен заведующим Красным чумом в с. Березовка Среднеколымского района.

В 1969 г. Василий Афанасьевич Роббек поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Его научным руководителем становится В. И. Цинциус, лингвист с мировым именем, алтаист, специалист по тунгусо-маньчжуроведению. Под руководством В. И. Цинциус в 1974 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Виды глагола в эвенском языке», материалы для которой собирал в полевых условиях. С 1973 г. по 1991 г. работает в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Василий Афанасьевич с 1992 г. по 2008 г. возглавлял Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, у истоков создания которого он стоял и где проявил себя талантливым организатором науки. Институт являлся единственным в России академическим научным учреждением, который вел исследования не только по языкам малочисленных народов Севера, но и проводил комплексные исследования по актуальным проблемам коренных малочисленных народов Севера России. За годы деятельности ИПМНС СО РАН было издано 120 монографий и сборников научных трудов. В. А. Роббеком немало было сделано и в деле подготовки научных кадров. В открытом в 1999 году в институте аспирантуре прошли обучение 22 аспиранта по различным направлениям североведения. Под его научным руководством было защищено 9 кандидатов и 2 доктора наук.

Василий Афанасьевич в 1994 г. был избран членом-корреспондентом, в 1995 г. действительным членом Академии Наук Республики Саха (Якутия), являлся членом Совета по защите докторских диссертаций по специальности «Тюркские языки», объединенных ученых советов по гуманитарным и экономическим наукам.

Основными направлениями научной деятельности В. А. Роббека являлись исследования в области грамматики и лексикографии эвенского языка, диалектологии, фольклора. Большим вкладом в тунгусо-маньчжуроведение стали исследования по морфологии в сравнительно-сопоставительном плане и в функционально-семантическом аспекте. В монографии «Виды глагола в эвенском языке» глагол как часть речи эвенского языка и его аспектуальные формы впервые становятся предметом научного исследования в сравнении с другими языками тунгусо-маньчжурской группы. В. А. Роббек подчеркивал, что глагол среди других частей речи является «центральной и самой сложной во всех отношениях» (1982). В этой монографии классифицированы 6 групп аспектуальных форм, проанализированы суффиксы глагола с точки зрения сочетаемости. Также в сравнительно-сопоставительном плане исследован залог 9 тунгусо-маньчжурских языков в монографии «Категория залоговости в эвенском языке», где впервые вводится понятие залоговости. Рассматриваются аспектуально-временные формы, временная локализованность, модальность и наклонение, категория лица, таксисные отношения глаголов в эвенском языке.

Обобщающим трудом многолетних научных исследований в области грамматики явилась монография «Грамматические категории эвенского глагола в функционально-

семантическом аспекте» (2007). Данная фундаментальная работа явилась новым этапом в развитии эвеноведения, и результаты стали толчком к разработке морфологии в общем, и глагола, в частности, других тунгусо-маньчжурских языков.

В результате исследования было выделено 14 видовых классов и видов для выражения характера протекания действия. В работе интерпретируется грамматический статус аспектуальных форм и определяется их место в системе форм эвенского глагола, показаны семантические отношения аспектуальных форм эвенского глагола, который образует стройную систему характеристики протекания действия из шести групп. В работе вводится понятие «видовая основа» глагола эвенского языка.

В монографии «Язык эвенов Березовки» (1989) дается описание языка этнической группы эвенов с. Березовка Среднеколымского района, в следствии изолированного проживания, сохранившей до недавнего времени язык и культуру и не подвергшийся влиянию соседних языков, тем самым введя в научный оборот значительный, уникальный лингвистический и фольклорный материал, собранный им в ходе экспедиционных поездок за период с 1974 по 1984 г.г. в места расселения эвенов Березовки, которые позволяют уточнить классификацию говоров и диалектов эвенского языка, их состав и номенклатуру. В работе приводятся интересные историко-этнографические сведения об эвенских родах с. Березовка.

Автором в работе исследуются фонетические, морфологические и лексические особенности языка березовских эвенов в сравнении с другими говорами эвенского языка, таких как ольский, охотский, догдо-чебогалахский, аллаиховский, колымо-омолонский, арманский и выявляет отличительные черты данного говора на всех языковых уровнях. В. А. Роббек в очерке фонетики субъективно-слуховым методом выделяет 14 гласных фонем, отличных от литературного эвенского языка, ольского и догдо-чебогалахского говорах, в которых выявлено по 18 гласных фонем, колымо-омолонского в котором отмечено В. Г. Богоразом 10 фонем, в охотском диалекте – 17 фонем, также им были определены шесть степеней подъема, установлены до трех вариантов гласных фонем. В говоре В. А. Роббек выделяет 18 согласных фонем, имеющих специфические особенности от других говоров эвенского языка.

В области морфологии исследованы все знаменательные и служебные части речи, их формообразование, словообразование и словоизменение. В работе уточняются проблемы классификации разрядов отдельных частей речи, дается полное описание категорий глагола, дается семантика и классификация образных слов.

Анализ фонетики, морфологии и лексики В. А. Роббеку позволяют сделать вывод, что язык березовских эвенов является самостоятельным уникальным говором эвенского языка, обладающим специфическими чертами, и особенностями, объединяющими его с восточным наречием современного эвенского языка.

В приложении монографии В. А. Роббек приводит ранее не зафиксированное в эвенском фольклоре мифологическое сказание «Нёлтэк», записанное им в 1975 году от сказительницы Евдокии Иннокентьевны Тайшиной, 1892 года рождения, уроженки м. Дёсэчэн Березовского сельского Совета Среднеколымского района Якутии, которая впоследствии была опубликована отдельным изданием в 2006 году.

Василий Афанасьевич, получивший методы ленинградской школы полевой работы и благодаря своему таланту как исследователя больше сорока лет, занимался сбором экспедиционных материалов на территории северо-востока Азии, которые вошли в основу всех грамматических описаний языка эвенов. Благодаря его таланту полевого исследователя были зафиксированы уникальные фольклорные материалы эвенов, изобилующие образными выражениями, устойчивыми сочетаниями, фраземами, поэтической речью, которые

вышли отдельными изданиями. Данные произведения представлены в эпическом сказании «Нөлтэк» (1992), в нимканах, тэлэнэх, опубликованных в сборниках фольклора «Атав нимкарни» (2005), «Исаг нимкарни» (2009), «Этэв нимкарни» (2009) и в книге «Фольклор эвенков Березовки. Образцы шедевров» (2005), изданном в 2005 году, куда вошли образцы устного народного творчества эвенков Березовки. В данный сборник введены в научный оборот инедиты, не зафиксированные ранее фольклорные материалы. Сборник фольклора по жанровому содержанию довольно разнообразен, в нем представлены образцы волшебных, бытовых, о животных, этиологических, образцы несказочной прозы и образцы малых жанров фольклора березовских эвенков. Образцы фольклора эвенков Березовки демонстрируют нам уникальный, обладающий образностью язык, сохранивший древнейший пласт лексики. Устойчивые словесные формулы, использующиеся нимкаланами показывают нам архаичную, аутентичную фольклорную традицию березовских эвенков.

В данный сборник вошли фольклорные материалы нимкаланов из родов уяганкан, булэн, дойда, деллянкын – Дьячкова С.Е., Булдукиной А.И., Щербаковой И.Ф., Хабаровской А.И., Тарабукиной А.И., Булдукина Е.Н., Тарабукина Н.П., Тайшина К.П., Хабаровского Н.С., Тайшина С.П., Нестеровой Х.М., Дьячковой М.И., Тарабукина И.С., Тайшиной Т.Г., Балаганчик В.С., Балаганчик А.И.

В. А. Роббеком подготовлен том эвенского корпуса «Сказки эвенков» к 60-томной серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока», в который включены 97 фольклорных текстов-инедитов, собранные им в результате полевых исследований.

Заслугой В. А. Роббека как лексикографа стало создание «Эвенско-русского словаря» «Эвэды-нючиды төрэрүк» (в соавторстве с М. Е. Роббек) (2005). В «Эвэды-нючиды төрэрүк» вошло более 14000 слов современного литературного и разговорного эвенского языка. Словарь кодифицировал действующую эвенскую орфографию и ответил на вызов времени: сохранение, сбор и фиксация языковых материалов, как того требовали современное состояние эвенского языка, его коммуникативный и социальный статус. Учитывая то, что большинство носителей эвенского языка проживают на территории Якутии и говорят на западных и средних наречиях эвенского языка, в словарь введены слова, присущие только для данных говоров.

Словарь содержит лексику, отражающую социально-культурную деятельность эвенков, специфику традиционного хозяйствования, духовную и материальную культуру. Особенностью словаря является то, что в ней отражена лексика, не зафиксированная в других эвенских говорах, слова неизвестного происхождения и такие архаизмы как – *нипчак* тотем. `оружие`, *окай* фолькл. `напиток из грибов`, *ултиуая* `родители`, *бэлтэлкэ* фолькл. `ребенок; челядь, слуга`, *ульчикич* `толстая плетеная веревка для привязывания невзвезданных оленей` и др.

Словарь используют учителя на уроках эвенского языка, преподаватели для лекционных курсов в вузах, ССУЗах, исследователи, занимающиеся изучением не только эвенского, но и других тунгусо-маньчжурских языков, словарь полезен тем, кто занимается сравнительно-типологическими исследованиями языков различных систем.

Кроме вышеупомянутого словаря В. А. Роббек, в целях документации языкового материала, собранного им в ходе полевых исследований в течении продолжительного времени, составил несколько других словарей: «Эвенско-русский и русско-эвенский словарь» (в соавторстве с А. А. Бурькиным, Х. И. Дуткиным) (1988) и «Эвенско-русский словарь» (в соавторстве с М. Е. Роббек, Н. С. Тарабукиным) (2002), содержащий около 5500 слов, предназначенный для учителей и учащихся кочевых эвенских школ. Словарь составлен на основе литературного эвенского языка. В словаре отражена топонимическая, зоонимическая и табуированная лексика, терминология оленеводства, охоты, рыболовства. Для удоб-

ства пользования словарем для носителей среднего и западного наречий в словарь введены слова с пометами *zap.* (западное) и *cp.* (среднее). В словарь включен так же эвенско-русский разговорник, состоящий из 17 тематических рубрик, наиболее подходящих для овладения эвенской разговорной речью.

В. А. Роббек много внес не только в область академической науки, но и неизмерим его вклад в прикладную науку. Василием Афанасьевичем были подготовлены весь комплекс учебников и учебно-методических пособий по эвенскому языку начиная с добулварного периода обучения и заканчивая вузовским: 15 монографий и учебников по эвенскому языку, 10 учебно-методических пособий и 5 словарей. Он является автором научных основ образования кочевых народов Севера.

В. А. Роббек стоял у истоков создания кафедры северной филологии Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова, преподавания языков малочисленных народов Севера в средних специальных учебных заведениях и вузах, был инициатором создания кочевых школ в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Благодаря его стараниям были открыты эвено-эвенкийские группы в Якутском государственном университете, ЯПУ-1, ЯПУ-2, в школах и детских садах в местах компактного проживания КМНС.

В. А. Роббек уже в годы учебы в школе активно участвовал в общественной жизни не только школы, но и поселка. После школы активного молодого человека приглашают работать в РК ВЛКСМ инструктором. Это стало бесценной школой для будущего не только ученого, но и политика. Он активно участвовал в советизации березовских эвенов, работал заведующим Красным чумом, который был сосредоточием культурной жизни села. Принимал активное участие в ликвидации безграмотности населения нового эвенского села. Активная жизненная позиция проявилась и в годы учебы в ленинградском педагогическом государственном институте имени А. И. Герцена. В годы студенчества Василий Афанасьевич читал лекции в кинотеатрах на Невском проспекте и Стачек как лектор общероссийского общества «Знание». Все это дало молодому человеку бесценный жизненный опыт в становлении его в будущем как блестящего оратора, крупного общественного и государственного деятеля. Выезжая на экспедиции для сбора лингвистического и фольклорного материала, он знакомился не только с бытом, но и с чаяниями и проблемами коренных малочисленных народов Севера. И где бы он ни был, всегда оказывал практическую помощь не только советским партийным работникам, образовательным и культурным организациям, но и простым людям. Первым шагом в становлении его как государственного деятеля стало избрание депутатом Верховного Совета ЯАССР XII созыва.

Дальновидность, умение просчитывать на десять шагов вперед, присущее ему как государственному деятелю, мудрость, бесконечная боль за родную Арктику и ее народы, позволили говорить о проблемах и нуждах Арктики с трибун в качестве эксперта ЮНЕСКО по устойчивому развитию Арктики, как члену консультативно-экспертного Совета Комитета Государственной думы РФ по проблемам Севера: «И в XXI веке будут нужны природные ресурсы Севера и Арктики. Но неужели они будут добыты такой дорогой ценой для человека Севера и природе Арктики?! По нашему мнению, пришло время оценить накопленный багаж гуманитарных знаний, проанализировать создавшуюся ситуацию в регионе, наметить ориентиры и задачи. Пора приступить к разработке новой стратегии развития Арктики и Севера, наметить ориентиры и возможные средства обеспечения движения Арктики и Севера, наметить ориентиры и возможные средства обеспечения движения Арктики по маршруту устойчивого развития» (2010).

С этой позиции были разработаны совместно с Ф. С. Донским «Концепция развития коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в первой четверти XXI

века» (2001), «Концепция развития коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) в XXI веке» (2001), «Концепция совершенствования системы образования и воспитания малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (2002).

Труд «Научные основы создания системы образования кочевых народов Севера» (2007), который стал основой «Концепции образования кочевых народов Республики Саха (Якутия)», стал вершиной многолетних раздумий, которые отражены в статьях о языковых процессах, социальных и экономических проблемах малочисленных народов Севера. В этом исследовании В. А. Роббек прямо сказал, что перевод кочевых народов на оседлый образ жизни, хотя и имел положительные моменты, нанес невосполнимый урон в укладе их жизни. «Концепция образования кочевых народов Республики Саха (Якутия)» была поддержана Бюро ЮНЕСКО в Москве и утверждена Правительством Республики Саха (Якутия). В республике сейчас по этой концепции работают десятки кочевых школ.

За неопределимый вклад в дело сохранения языка и культуры коренных малочисленных народов Севера и за вклад в североведческую науку Василий Афанасьевич был удостоен званий «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», «Отличник народного просвещения», «Заслуженный ветеран СО РАН» и награжден многими медалями. В 2010 г. Березовской национальной средней общеобразовательной школе Среднеколымского района РС(Я) присвоено имя В. А. Роббека.

Жизненный путь В.А. Роббека, путь многогранного ученого, общественного деятеля, является примером для всех его последователей и учеников. В настоящее время, когда идет интенсивная ассимиляция и девальвация языков миноритарных этносов, особой ценностью обладают научные труды В. А. Роббека, являющиеся неоспоримым вкладом в российскую науку. Талантливый ученый, организатор науки, дальновидный политик – таким останется Василий Афанасьевич в памяти современников.

– РЕЦЕНЗИИ –

Г. Г. Филиппов

**Рецензия на монографию «Русско-якутский перевод:
вопросы теории и практики**

[электронный ресурс]» / Авт.: Л.Е. Манчурина, Е.С. Герасимова,
С.В. Иванова и др. – Якутск, 2021. – 145 с.

G. G. Filippov

**Review of the monograph “Russian-Yakut translation:
issues of theory and practice**

[electronic resource]” / Author: L.E. Manchurina, E.S. Gerasimova,
S.V. Ivanova et al. – Yakutsk, 2021. – 145 p.

Монография является коллективной работой членов кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, посвященная теоретическому описанию многолетней практической переводческой деятельности коллектива кафедры. Основной идеей работы является тезис о возможности сохранения специфики родного языка путем вдумчивого отбора языковых и речевых синонимов, возникающих в результате перевода из другого языка. Структура монографии основывается на функционально-стилистической классификации текстов и состоит из четырех разделов.

В качестве введения использована статья Т.И. Петровой «Двужычный перевод как фактор сохранения родного языка», напечатанная в «Вестнике ЯГУ», которая соответствует основной идее монографии на примере перевода изафетных словосочетаний и конструкций, показывает как некачественный перевод не только искажает содержание переводимого текста, но и с негативной стороны показывает якутский менталитет и нарушает культуру речи якутского языка.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почетный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Исходя из идеи Т.И. Петровой, заключающейся в рассмотрении перевода как фактора сохранения родного языка, можно утверждать, что проблема переводческих ошибок может пагубно отразиться не только на качестве перевода конкретно взятого текста, но и на всё состояние языка малочисленного народа, даже, можно сказать, что несёт угрозу для его дальнейшего существования. Таким образом, борьба за чистоту языка переводного текста имеет огромное значение в деле развития и сохранения родного языка.

Первый раздел монографии – *«Формирование терминологии и метаязыка в переводных учебниках для младших школьников якутской школы: проблемы и решения»* состоит из трех глав. Так как раздел посвящен актуализации терминологии на якутском языке при переводе учебников для начальной школы по предметам «Окружающий мир – Тулалыыр эйгэ», «Музыка – Муусука», «Изобразительное искусство – Ойуулуур-дьүһүннүүр ускуустуба», их изложение естественно выполнено однотипно. Рассматриваются особенности перевода учебных терминов в тексте и определяются способы их перевода, а также лингвистические особенности учебно-научного стиля учебника, который в большинстве своем является переводным.

Глава 1.1 *«Актуализация естественно-научной терминологии на якутском языке при переводе учебников для начальной школы по предмету «Окружающий мир – Тулалыыр эйгэ»* написана Л.Е. Манчуриной.

В выборке учебника всего 892 термина, сфера распространенности которых довольно широка. В главе приводится классификация способов перевода естественно-научной терминологии, указывается процентное соотношение способов перевода в учебниках по Окружающему миру.

Заслуживающим внимания является вывод автора, что перевод терминов в зависимости от контекста отличается от терминографического перевода, так как здесь перевод термина осуществляется, учитывая значение рядом стоящих лексических единиц, а также значение, которое приобретает слово-термин в контексте.

Глава 1.2 *«Актуализация терминов музыки на якутском языке при переводе учебной литературы для младших школьников по предмету «Музыка – Муусука»* написана Е.С. Герасимовой.

В главе рассматриваются наиболее часто используемые музыкальные термины и их классификация. Как видно из анализа, общеупотребительных терминов музыки гораздо больше, чем названий музыкальных инструментов и темпов. Так, если в наименовании музыкальных инструментов было найдено 30, а в названии темпа – 32 термина, то третья группа терминов музыки оказалась более широкой и составила 107 терминов. Таким образом, всего в переводе двух учебных книг «Музыка» было найдено 169 терминов. Далее рассматриваются приемы перевода данных терминов с русского на якутский язык (транскрипция, прямое заимствование (транслитерация), эквивалентное соответствие и способы морфологической и синтаксической замены).

Автор также предлагает заменить термин «муусука» словом «дьүрүскэн» и показывает всевозможные его употребления в сочетании с другими терминами в языке, что вполне допустимо.

Глава 1.3. *Актуализация терминов изобразительного искусства на якутском языке при переводе учебной литературы для младших школьников по предмету «Изобразительное искусство – Ойуулуур-дьүһүннүүр ускуустуба»* написана С.В. Ивановой.

В результате анализа материала, термины изобразительного искусства автором выделены в 6 лексико-тематических групп, или терминологических микрополей. В результате статистического анализа автором выявлено, что преобладающей является группа терминов, обозначающих художественные средства изобразительного искусства, – 39%, так как в начальных классах осваиваются первоначальные знания о пластических искусствах и

элементарная художественная грамота, обучающиеся впервые знакомятся с разнообразными оттенками цвета, тона и света. Второе место по частотности принадлежит терминам, обозначающим виды и жанры изобразительного искусства, – 27,4%, это объясняется также тем, что в начальных классах приобретаются первоначальные знания об основных видах и жанрах изобразительного искусства. Далее в порядке убывания следуют группы терминов, представляющих методы и техники рисования, – 20%, это объясняется тем, что в этой возрастной группе вырабатываются первые навыки рисования; группа терминов, обозначающих типы изображения, – 10%, инструменты, материал художника – 7,3%, фрагменты и детали картин – 5,5%. В лексическом составе тематических групп выделены однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные термины. Используются все три разновидности терминологической синтагматики якутского языка: сложные термины, составные термины и термины-словосочетания, состоящие из трех и более компонентов. Большинство терминов переведено способом эквивалентного соответствия, а также применены дословный перевод и описание значения. При переводе терминов данной сферы сохранены лексические, грамматические, в том числе узуальные, особенности якутского языка. Из анализа переведенных на якутский язык терминов видно, что авторы не только переводили термины, но в какой-то мере занимались терминотворчеством. На наш взгляд, это сделано вполне удачно.

Второй раздел *«Лексико-грамматическая калька в русско-якутском переводе как способ формирования клише в некоторых функциональных стилях якутского языка»* состоит из двух глав:

Глава 2.1 *«Номенклатурные клише в современном якутском языке: уровень фонетики, лексики, грамматики (по материалам перевода названий учреждений)»* написана Собакиной И.В.

В настоящее время официально-деловой стиль в якутском языке динамично развивается, несмотря на калькирование из русского языка, из которого и перенял сам официально-деловой стиль. Русский язык стал основой для формирования и становления данного стиля. Якутский язык, благодаря этому, с одной стороны, обогатился, а с другой стороны – слова-канцеляриты проникли в среду более широкого употребления, особенно в разговорный стиль, вытесняя исконно якутские узуальные формы.

Как пишет автор, перевод призван передавать информацию в разных сферах общественной жизни, при этом он выступает не только главным составляющим межкультурном коммуникации, но популяризатором языков-участников. Якутский официально-деловой стиль развивается, несмотря на устоявшиеся традиции калькированных форм из русского языка, в последнее время ведется активная работа по привлечению внутренних ресурсов языка.

Глава 2.2 *«Переводческие технологии в создании газетно-журнального текста на якутском языке»*. Автор Ефремова Н.А.

Наиболее значимыми выводами автора исследования переводческих технологий, применяемых в текстах якутских СМИ оказались следующие: 1) Якутская пресса развивается под сильным влиянием русских СМИ, поэтому переводческие технологии носят дословный (машинный) характер. Конечно, такой подход не повышает качество перевода и уровень культуры речи якутского языка. 2) Большинство калькированных конструкций с русского языка прочно вошло в публицистический стиль якутского языка как отличительная черта языка СМИ. Важно отметить, что имеются удачные шаблоны переводов, которые обогащают синтаксический строй якутского языка. 3) Несмотря на мощное влияние языка центральных СМИ, якутская пресса ищет пути своего развития, чтобы сохранить красоту и стройность родного языка. Подспорьем этому является язык фольклора народа саха.

Третий раздел *«Сопоставительный анализ структуры контактирующих языков как основа теории и практики русско-якутского перевода»* состоит из двух глав:

Глава 3.1 *«Транслатологический аспект сопоставительной грамматики русского и якутского языков»* написана Васильевой А.А. Используя теорию закономерных соответствий Я. И. Рецкера, которая универсальна для любых языковых пар, автор анализирует регулярные соответствия в русском и якутском языках и иллюстрирует базовые переводческие трансформации, характерные для пары «русский и якутский язык». Они происходят по тем же причинам, по которым происходят грамматические трансформации при переводе в других парах языков. Специфика заключается в уникальности грамматических соответствий и расхождений русского и якутского языка. Автор права, когда говорит, что серьезным подспорьем в деле сохранения родного языка, управления его устойчивым функционированием, может стать сопоставительное изучение грамматики контактирующих языков в переводческом аспекте.

Глава 3.2 *«Поморфемная нотация в русско-якутском переводе»* выполнена Торотоевым Г.Г. Лингвистическое аннотирование грамматических категорий якутского языка, действительно, может способствовать качественному проведению научно-исследовательских работ и поднятию компетенции исследователей. Для этого непременно надо учесть методические использования этой технологии.

Четвертый раздел *«Преодоление трудностей межкультурной коммуникации в художественном переводе с русского языка на якутский»* состоит из двух глав:

Глава 4.1 *«Переводная детская художественная литература на якутском языке: узальность и культура речи»* написана Васильевой С.П.

Автор ознакамливают с развитием якутской детской литературы, затем с историей развития перевода в Якутии. Также на этом фоне освещает историю развития русско-якутской переводной детской литературы. На примере перевода рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» Г.С. Тарским, а также на примере переводов произведений Л.Н. Толстого Н.П. Канаевым, А.А. Берияком и А.В. Кириллиным анализирует особенности и трудности перевода и межкультурной коммуникации в художественном переводе с русского языка на якутский. Также автор на примере анализа свего перевода и перевода В. Карповым и Б. Лукиным новеллы Т. Сметанина «Хайа хааһын анныгар» показывает студентам-переводчикам стратегию перевода, дает образец анализа перевода и оригинала.

Глава 4.2 *«Специфика перевода эпосов тюркоязычных народов на якутский язык через русский язык-посредник»*. Автор А.А. Васильева.

В данной главе автор примере выполненных коллективом кафедры переводов эпических произведений – киргизского «Манаас», алтайского «Маадай Хара», башкирского «Урал Баатыр» – показывает применяемую стратегию, «кухню» и практическую работу, которая проводилась при переводе. На мой взгляд, автор умело и содержательно раскрыл теоретическую и практическую работу переводчиков эпических произведений.

Предисловие и *Заключение* также написаны Васильевой А.А. Содержание и язык этих частей монографии можно считать высокопрофессиональным, компетентным и теоретически выдержанным.

Литература, источники и тексты, словари соответствуют содержанию монографии и вполне достаточны.

Монография может быть издана и использована в качестве учебного пособия по специальности «Перевод и переводоведение».

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 1 (04) 2022

Технический редактор *Н.П. Артамонова*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.03.2022. Формат 70x108/16.

Дата выхода в свет 31.03.2022.